ISBN 978-5-8269-0333-9

ИСТОРИЯ И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА РОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА

ИСТОРИЯ И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА РОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ МУЗЫКИ ИМЕНИ ГНЕСИНЫХ
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД ФРИДРИХА ЛИПСА

ИСТОРИЯ И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА РОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Материалы
Всероссийской научно-практической конференции
(Москва, 25–26 сентября 2023 года)

В рамках федерального проекта
«Поддержка творческих проектов
в сфере казачьей культуры»

ФОНД
ФРИДРИХА ЛИПСА

THE FRIDRICH LIPS
FOUNDATION

Москва
2023

УДК 398.81+398.87
ББК 85.31+63.521(=411)
И 90

Редакторы-составители:
Л. М. Белогурова, кандидат искусствоведения, доцент
М. В. Медведева, кандидат педагогических наук, профессор

Рецензенты
Н. М. Савельева, доктор искусствоведения, профессор
Т. И. Науменко, доктор искусствоведения, профессор

Проведение конференции и издание материалов осуществлено в рамках федерального проекта «Поддержка творческих проектов в сфере казачьей культуры»

И 90 **История и традиционная культура российского казачества:** Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 25–26 сентября 2023 года) / сост. Л. М. Белогурова, М. В. Медведева; Благотворительный фонд Фридриха Липса. — М.: Российская академия музыки имени Гнесиных, 2023. — 252 с.

ISBN 978-5-8269-0333-9

Сборник содержит материалы докладов Всероссийской научно-практической конференции, организованной Российской академией музыки имени Гнесиных и Благотворительным фондом Фридриха Липса в рамках федерального проекта «Поддержка творческих проектов в сфере казачьей культуры». Научные статьи подготовлены исследователями различных гуманитарных наук — историками, этнографами, искусствоведами, этномузыкологами, а также педагогами, деятелями искусства и культуры, представляющими образовательные организации и художественные коллективы России. Авторы рассматривают актуальные проблемы изучения истории и культуры различных региональных групп российского казачества, поднимают вопросы сохранения и актуализации их этнокультурного наследия, введения его в образовательный процесс и художественную практику. Издание адресовано специалистам в области истории и культуры казачества, этномузыкологам, педагогам творческих учебных заведений.

© Благотворительный фонд Фридриха Липса, 2023
© Коллектив авторов, 2023

ISBN 978-5-8269-0333-9

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей 6

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КАЗАЧЬЕЙ КУЛЬТУРЫ

Матвеев О. В.
Особенности этносоциального развития казачеств России 10

Бондарь Н. И.
Городская цивилизация и традиционная народная культура 22

Воронин В. В.
Проводы казака на службу в кубанской традиции 34

Никитенко О. Г.
Просодия как средство выразительного пения казаков Верхнего Дона 51

Петухова А. А.
Песенная система станицы Баклановской как проявление специфики традиции позднего формирования 58

Латышева С. А.
Свадебная традиция станицы Старопавловской Кировского района Ставропольского края 68

Сысоева Г. Я.
Казачий фольклор в Воронежской области 84

Шишкина Е. М.
Песенно-обрядовое наследие астраханских казаков как часть волжской традиции 90

Крылов К. А.
Музыкальный фольклор оренбургских казаков в публикациях, исследованиях и архивных коллекциях. 112

Бодрова В. И.
Песенные традиции и певческое искусство казаков Алтая 128

Новиков П. А.
Песни и стихи забайкальских казаков, созданные во время Первой мировой войны 1914–1918 гг. 136

Патошина А. Ю.
Образы казаков времен войны с Наполеоном в изобразительном искусстве первой половины XIX века 142

АКТУАЛИЗАЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ ФГОС В ОБЛАСТИ ИЗУЧЕНИЯ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Захарченко В. Г.
Кубанский казачий хор: история и современность 158

Матвеева Н. С.
Историко-культурное наследие казачества в сохранении и укреплении традиционных российских духовно-нравственных ценностей. 170

Морозов Д. В.
Проблемы и перспективы реализации образовательных программ по традиционной культуре и музыкальному фольклору российского казачества в вузе 178

Медведева М. В.
Из опыта освоения казачьей культуры в учебном процессе на кафедре хорового и сольного народного пения РАМ им. Гнесиных 189

Жиганова С. А.
Народно-музыкальная традиция кубанского казачества как предмет освоения студентами краснодарского государственного института культуры 197

Михайлова А. А.
Изучение и сохранение традиционной культуры казачества в научных и творческих приоритетах кафедры народного пения и этномузыкологии Саратовской государственной консерватории имени Л. В. Собинова. 204

Оганова Т. Р.
Перспективы внесения дополнительных профессиональных компетенций в области изучения российской казачьей культуры в ФГОС 53.02.05 Сольное и хоровое народное пение 220

Наумкин Ю. П.
Особенности проведения занятий по предмету «Казачьи певческие традиции» в форматах offline и online со студентами вуза, обучающимися по направлению «Искусство народного пения» 231

Гречухин М. Е.
Современные методы развития и популяризации донской казачьей певческой традиции 237

Балунц О. И.
Сохранение, развитие и популяризация песенной традиции линейных казаков в молодежной среде (на примере песен станицы Бесстрашной Отрадненского района Краснодарского края)..... 245

Сведения об авторах..... 250

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Сборник содержит материалы докладов Всероссийской научно-практической конференции, организованной Благотворительным фондом Фридриха Липса в рамках федерального проекта «Поддержка творческих проектов в сфере казачьей культуры» и проходившей 25–26 сентября в Москве, в Российской академии музыки имени Гнесиных. В них рассматриваются самые разные вопросы, связанные с изучением, практическим освоением и актуализацией традиционной казачьей культуры, а также опытом ее внедрения в учебно-творческий процесс учебных заведений высшего и среднего звеньев системы образования в России.

Первая, наиболее объемная часть конференции была посвящена актуальным проблемам изучения традиционной казачьей культуры. Несомненный интерес представляет насыщенная историческими фактами статья О. В. Матвеева об особенностях этносоциального развития казачеств России. Вопрос функционирования и сохранения традиционной народной культуры в условиях современной городской цивилизации получил отражение в статье Н. И. Бондаря.

Целый ряд статей посвящен обрядам и особенностям различных казачьих песенных традиций. Подробно и достоверно в этнографическом отношении В. В. Ворониным представлен обряд проводов казака на службу в кубанской традиции. Вопросу специфики переселенческой культуры позднего формирования посвящена работа А. А. Петуховой, рассматривающей песенную систему станицы Баклановской Изобильненского района Ставропольского края. С. А. Латышевой проанализирована свадебная традиция станицы Старопавловской Кировского района Ставропольского края.

О. Г. Никитенко в своей статье, посвященной песенной культуре казаков Верхнего Дона, фокусирует внимание на просодии как средстве выразительного пения. Песенно-обрядовое наследие астраханских казаков и его связи с волжской традицией рассматриваются Е. М. Шишкиной, а особенности казачьего фольклора Воронежской области, представленного двумя слоями — русским (донским) и украинским, — Г. Я. Сысоевой.

Отдельное внимание авторы уделили истории собирания и изучения казачьих традиций. Этот вопрос находит отражение в ма-

териалах, посвященных публикациям, исследованиям и архивным коллекциям музыкального фольклора оренбургских казаков (К. А. Крылов), песенным традициям и певческому искусству казаков Алтая (В. И. Бодрова), образам казаков в изобразительном искусстве первой половины XIX века, отражающем время войны с Наполеоном (А. Ю. Патошина).

Самостоятельный раздел в материалах конференции посвящен проблеме актуализациии содержания ФГОСов в области изучения музыкальной культуры российского казачества. Этот вопрос был обстоятельно освещен в докладе ректора РАМ имени Гнесиных А. С. Рыжинского. Статья художественного руководителя Кубанского казачьего хора В. Г. Захарченко посвящена анализу истории этого прославленного старейшего народного хорового коллектива и его роли в современной музыкальной культуре России. Автор подчеркивает огромную роль в целом казачьей культуры в формировании духовности и воспитания патриотизма у молодежи в современных социокультурных условиях. Эту же мысль проводит Н. С. Матвеева, рассматривая работу библиотечной системы России по сохранению, развитию и популяризации истории и культуры российского казачества.

Опытом изучения, сохранения и актуализации традиционной культуры казачества с помощью внедрения «казачьего компонента» в образовательный процесс высших учебных заведений поделились руководители профильных кафедр Саратовской государственной консерватории имени Л. В. Собинова (А. А. Михайлова), Российской академии музыки имени Гнесиных (М. В. Медведева), Краснодарского государственного института культуры (С. А. Жиганова). Д. В. Морозов знакомит читателей с разработкой программы по курсу «Казачьи певческие традиции» в творческих вузах. Внесение дополнительных, отражающих «казачий компонент», компетенций во ФГОС среднего звена рассматривает Т. Р. Оганова на примере ГМУ имени Гнесиных РАМ имени Гнесиных.

Ряд авторов делится собственными наработками в таких областях, как проведение занятий по казачьим певческим традициям в различных форматах (Ю. П. Наумкин), популяризация и актуализация в молодежной среде песенной культуры линейных казаков Краснодарского края (О. И. Балунц) и донской казачьей певческой традиции (М. Е. Гречухин).

В целом необходимо отметить широкое представительство в работе конференции различных специалистов в области истории и культуры российского казачества, фольклористов, этномузыкологов, руководителей народно-певческих казачьих коллективов и преподавателей специальных дисциплин высшего и среднего звена. Конференция сопровождалась содержательными мастер-классами, выставкой исторических и современных фотографий и проведением яркого гала-концерта на сцене Большого концертного зала РАМ имени Гнесиных с участием ведущих учебных и казачьих коллективов страны. Все это несомненно способствует популяризации и актуализации культуры российского казачества.

М. В. Медведева,
кандидат педагогических наук,
профессор, заведующая кафедрой
хорового и сольного народного пения
РАМ имени Гнесиных

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КАЗАЧЬЕЙ КУЛЬТУРЫ

О. В. Матвеев

ОСОБЕННОСТИ ЭТНОСОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ КАЗАЧЕСТВ РОССИИ

Аннотация. Проблематика статьи связана с возникающими в научной и общественной среде дискуссиями о специфике статуса казаков как части русского этноса. Исследуется роль этнических и сословных характеристик, традиционной культуры и исторического прошлого как условия формирования идентичности казачьих сообществ разных регионов. Анализируется сложная природа самосознания казачества, в которой проявились этнокультурные, социальные, географические факторы, преломляется «казачья идея». Этнокультурное развитие каждого казачьего войска рассматривается как результат адаптации к новой природной и этносоциальной среде.

Ключевые слова: Россия, казаки, этнокультурная идентичность, самосознание субэтнических групп

Несмотря на определенную договоренность в понятийном аппарате современных казаковедов на знаковых конференциях 1990-х — начала 2000-х гг. о том, что казачества России обладали как этническими, так и сословными характеристиками, порой вновь встают вопросы о статусе казаков в ходе их исторического развития. Поднимающие их специалисты и дилетанты чаще всего не знают работ Н. И. Бондаря об этносоциальном формировании кубанского казачества, М. А. Рыбловой о донском казачестве, М. А. Жигуновой об идентичности сибирских казаков, А. И. Коваленко, Г. Г. Ермак, Г. В. Никитина о казачествах Дальнего Востока, С. К. Сагнаевой об уральцах, где на основании многолетних полевых и архивных исследований дано четкое видение проблемы [см.: 4; 11; 12; 16; 24; 28; 30 и др.].

Важно учитывать развитие казачества во времени и пространстве, внутреннюю неоднородность казачьих войск, которых только к началу XX столетия имелось одиннадцать, а кроме них — отдельные казачьи полки и команды. Каждое казачество имело свою драматическую историю, свои традиции, этнические и социальные признаки.

Уже ранние казачьи сообщества на Дону, Тереке, Яике противопоставили крепостным институтам вызывающее свободное волеизъявление, народное самоуправление, возможность каждого высказывать свое мнение на казачьем круге. Среди многочисленных

версий происхождения казачества заставляет глубоко задуматься идея дореволюционных историков Д. И. Яворницкого и Ф. А. Щербины о том, что казаки явились наследниками вечевого уклада Древней Руси. Вече (народные собрания, управлявшие русскими землями до утверждения княжеской власти), по мнению этих ученых, возродились на окраинах страны в виде казачьего круга или рады [см.: 37, с. 425–429].

С течением времени стала расти социальная дистанция между старшиной и рядовыми казаками, однако и все последующие поколения казаков превыше всего ценили свободу и справедливость. Казачество возникло вопреки воле царского правительства и магнатов Речи Посполитой, в результате свободного творчества русского, украинского, тюркских народов, как изначально антифеодальная сила. При этом самодостаточность казаков удивительным образом сочеталась с осознанием необходимости служения России, защиты веры от поругания и мучительства [см.: 23, с. 467–468].

Лишь после вхождения в состав Российского государства казаков стали рассматривать как военно-служилое сословие. Царскому правительству было выгодно и удобно включить казачество в стройную, единообразную имперскую структуру в качестве сословия, зависимого от власти. Поэтому жизнь казаков регламентировалась различными актами, манифестами, положениями. При этом самобытность казаков постепенно, медленно, но неуклонно подавлялась, казачьи вольности одна за другой отбирались: право созывать войсковой круг или раду, избирать войскового атамана, производить в чины, самостоятельно распоряжаться своей воинской силой и др. [см.: 15, с. 7].

С юридической точки зрения сословная характеристика казачества не вызывает сомнений: все основные признаки сословной организации у казаков присутствуют. Но являлись ли казаки эпохи поздней империи только сословием? Благодаря своей экономической и административно-управленческой самодостаточности, компактности расселения, развитому самосознанию («Мы — казаки, от казаков ведемся…») и системе ценностей, диалектным и этнокультурным особенностям казачество развивалось гораздо шире сословных рамок.

В первой половине XIX в. большинство казаков были рядовыми земледельцами. Но существовало и казачье дворянство, имелось казачье торговое сословие, казачье духовенство. Причем казачье

дворянство входило в состав российского дворянского сословия, куда рядовые казаки, разумеется, не входили. Были казаки-учителя, врачи, инженеры, юристы, даже казаки-предприниматели, говоря языком того времени, буржуа. На донских шахтах, железных дорогах, заводах Поволжья и Урала, приисках Сибири нередко трудились казаки-рабочие, немало было казаков-ремесленников [см.: 15, с. 7]. Стремительно росли ряды казачьей художественной интеллигенции, которая выражала свою идентичность в литературе донского писателя Фёдора Крюкова, терского офицера Фёдора Панкратова, выступавшего под псевдонимом Гребенец, уральца Иосафа Железнова, в собирательской деятельности донца А. М. Листопадова, есаула Астраханского войска А. А. Догадина, оренбургского казака А. И. Мякутина, в музыкальном творчестве регентов войсковых певческих хоров Сибирского, Кубанского, Донского казачьих войск [см.: 17; 20; 31; 32]. Громко заявила о себе казачья историография в лице Семиреченского «Геродота» есаула Н. М. Леденёва, астраханца И. А. Бирюкова, оренбуржца Ф. М. Старикова, уральца Н. Ф. Савичева, кубанцев П. П. Короленко и Ф. А. Щербины, забайкальца А. П. Васильева, сибиряков Г. Е. Катанаева и Г. Н. Потанина и многих других [см.: 2; 10; 14; 25; 33, 34, 36 и др.].

В отличие от других сословий казаки обладали собственной войсковой территорией, имевшей соответствующие границы, со станичным, поселковым и хуторским самоуправлением, атаманом, с правительством, каковым фактически являлась войсковая канцелярия, со своим бюджетом, войсковым капиталом, местными командами, полицией. Названия войсковых станиц, хуторов, поселков имели не только официальное, но и народное обоснование, отражали этнокультурную специфику и историю Оренбургского, Уральского, Уссурийского, Кубанского и других казачьих войск. Вспомним, что территория — важнейшее условие и признак формирования этносоциальной общности [см.: 4, с. 39].

Другой важный признак — наличие диалектных особенностей. Исследования Н. М. Малечей говора уральских казаков, Л. Е. Элиасовым — забайкальских, О. К. Сердюковой, Б. Н. Проценко, Н. А. Архипенко и др. — донских, Г. А. Яковлевой — терских, О. Г. Борисовой — кубанских говорят о том, что на казачьих территориях наблюдался процесс формирования общей лексики инновационного характера [см.: 5; 6; 3; 18, 38, 39 и др.].

Традиционная культура донских, терских, кубанских и астраханских казаков складывалась на базе локальных вариантов южнорусской и украинской этнических культур и во взаимодействии с культурой тюркских, монгольских и северокавказских народов. В формировании казачества Сибири, Урала, Средней Азии, Дальнего Востока активно были задействованы Русский Север, центральные южнорусские и украинские губернии, с включением в состав казачества башкир, татар, калмыков, бурят, тунгусов. Поэтому этнокультурное развитие каждого казачьего войска следует рассматривать как результат адаптации к новой природной и этносоциальной среде. В итоге образовались новые традиции: уральская, кубанская, забайкальская и др., занимающие промежуточное положение в культуре восточных славян. Особенно это характерно для старых казачьих войск — Донского, Гребенского, Яицкого, чьи традиции являются не механическим набором разноэтничных и разновременных элементов, а вполне системными образованиями.

Важным отличием казачеств от других внутренних подразделений русского этноса во второй половине XIX и в первые десятилетия XX в. являлось наличие двойного самосознания [см.: 4, с. 45]. Осознавая себя частью русского народа, казаки европейской и азиатской России одновременно осознавали и свое отличие от него. Самосознание оформлялось в виде самоназвания: донцы, кубанские казаки, оренбуржцы, забайкальцы, терцы. На уровне самосознания на Дону постепенно стирались отличия между низовыми и верховыми станицами, на Тереке — между волжцами, сунженцами, гребенцами, в Забайкалье — между родовыми гуранами и обращенным в казаки населением нерчинских рудников и заводов, на Кубани — между черноморцами и линейцами. Это нашло отражение в быту, фольклорных текстах, официальных документах. Подобные компактно проживающие сообщества, которые полностью не отошли от материнского этноса, но отличаются особенностями своей культуры, диалекта, более поздним географическим обособлением и осознанием этих отличий, разработчик теории этноса Ю. В. Бромлей в свое время предложил называть субэтносами. Сегодня это положение развивается Н. И. Бондарем.

Могли ли этнокультурные процессы в казачьих войсках привести к созданию этнических общностей? В определенных условиях, считают некоторые исследователи, несомненно. Подобные тенденции развития имеют аналогии в мировой истории. Напри-

мер, самый многочисленный этнос сегодняшней Эфиопии — амхара — в XIX в. представлял собой дружинников — военное сословие Эфиопской империи, которое к началу XX столетия было подорвано экономическим и социальным развитием страны. Расширение и размывание сословных рамок, распространение прежде исключительных сословных качеств и признаков (таких как культура, идеология, язык и пр.) привело к тому, что социальные признаки постепенно приобрели этнический характер [см.: 7, с. 201].

Однако казачьим войскам России, пережившим трагедию братоубийственной Гражданской войны, политики расказачивания и массовых репрессий, не суждено было пройти подобным путем.

В то же время сословные факторы придавали многим явлениям традиционной культуры и сознания казачью специфику, превращая их в субэтнически значимые. И напротив, утрата приграничного положения с присущей ему военной опасностью, изменения бытового уклада, связанные с переходом к мирному труду, порождали перспективу растворения казачества в массе пришлого населения. Примечательна в этом плане и история казаков-некрасовцев. Прекращение ими военной службы повлекло за собой снижение их бытового статуса, а также быстрое разрушение воинской субкультуры. Как показывают полевые исследования видного ростовского этнографа С. В. Черницына, уже на рубеже XIX–XX вв. некрасовцы не знали воинских игр, джигитовки. Информаторы, переселившиеся в 1960-х годах, сами себя оценивали как людей мирных [см.: 35, с. 38]. Можно возразить, что некрасовцы сохранили самобытную культуру. Но здесь наряду с военно-сословной спецификой действовал не менее существенный конфессиональный фактор, долгое развитие группы в иноэтничном окружении.

Определенную роль в поисках казачеством своей идентичности сыграла так называемая казачья идея, формулируемая представителями казачьей старшины и интеллигенцией. Если в «Повести об Азовском сидении» казаки XVII в. считают себя выходцами из государства Московского [см.: 8, с. 68], то военный инженер А. И. Ригельман зафиксировал в 60-е гг. XVIII в. представления казаков о том, что они «природою не от московских людей», а только обрусевшие и происходят от кавказских горцев [27, с. 17].

Став полупривелигированным сословием, казаки уже не хотели иметь ничего общего с податными (как тогда говорили — подлыми) сословиями [см.: 22, с. 303–304]. Совсем не случайно в XIX —

начале XX в. из-под пера ряда казачьих историков (А. Попова, В. М. Пудавова, Е. П. Савельева и других) появляются работы, в которых представлены мифы о происхождении казачества от древних женщин-воительниц амазонок, ариев, средневековых адыгов-касогов, хазар, хакасов, скифов и т. д. Казачья идея оказалась востребованной в годы Гражданской войны, когда лидеры казачества искали свой путь в развернувшемся противостоянии красных и белых, предпринимали попытки создания казачьей государственности на Дону, Кубани, на Дальнем Востоке атаманом Г. М. Семеновым, и особенно — в эмиграции. Казаки-эмигранты, образовавшие «Вольноказачье движение», провозгласили своей целью создание независимого государства — Казакии. Проводя разыскания на основе сомнительных экскурсов в этимологию разных народов, они делали вывод о том, что казаки не тождественны русским, а происходят от древних ариев. Лишь бы не иметь ничего общего с царской и советской Россиями, которые, мол, только и делали на протяжении всей истории, что притесняли и давили казачество.

Сложная природа самосознания казачества, в которой проявились этнокультурные, социальные, географические факторы, может быть понята лишь в контексте его исторического бытия. Так, в ходе нашей экспедиции 2018 г. в терские станицы Чеченской республики, старожилы демонстрировали в качестве одной из главных составляющих своей идентичности близость к культуре и обычаям горских народов [см.: 21, с. 44]. В свою очередь казачье самосознание декларируют оренбургские нагайбаки, донские калмыки, забайкальские буряты, потомки казаков-якутов.

Представление о своих исторических и сословных правах на землю, отличавшее казачество от других категорий служилого населения и социальных групп, сформировалось вследствие особого характера землепользования, когда владельцем земли «на вечные времена» считалось все войско. Чувство хозяина, полновластно распоряжающегося всеми дарами своей земли, проявлялось в бережном отношении к ней, в рациональном природопользовании. Регламентация хозяйственной деятельности воспринималась казаками как естественная необходимость, смысл которой в максимальном использовании и в то же время сохранении природных ресурсов [см.: 29]. С этими ограничениями связаны самые стойкие отрицательные стереотипы взаимоотношений между казаками и иногородними в прошлом. Так, в Уральском казачьем войске

иногородние говорили: «Казаки нам ягоду не давали рвать в лесу и к реке не подпускали».

А. И. Коваленко отмечала, что якутский казак ощущал свое превосходство в отношении крестьян и инородцев, потому что на протяжении двух веков служил государству [см.: 16, с. 159]. Кубанский любитель «живой старины» М. А. Дикарев отмечал: «Самое слово "городовык" (иногородец, не казак) является бранным в устах казака и выражающим высшую степень презрения». В качестве причин исследователь называл «пресловутое "поднятие казачьего духа", благодаря которому казак считает себя высшим существом в сравнении с иногородцем» [9, с. 3–4]

Русский этнограф Д. К. Зеленин писал об оренбургских казаках: «На "мужика" казак смотрит как на низшую породу; себя же самого он считает "образованным", чем-то близким к "барину". Все "мужицкое" считается казаками хуже казацкого только потому, что оно "мужицкое"» [13, с. 74–75]. Казачьи традиции изготовления и ношения одежды противопоставлялись «мужичьим». Менее выраженное противопоставление можно обнаружить и в системе питания, и в жилище.

В то же время, к примеру, астраханские казаки, в силу малочисленности и территориальной разрозненности на территории Нижнего Поволжья, как показал в своих исследованиях О. О. Антропов, подверглись заметному влиянию окружающего неказачьего населения. В традиционную культуру проникали элементы мещанской (городской) и крестьянской среды. Среди части войскового населения (особенно в городских станицах) появилась тенденция к саморасказачиванию, перестали быть редкостью случаи выхода из сословия, браки с представителями других сословий [см.: 1, с. 25–26].

Пришедшие после революции к власти в России большевики боролись со всеми установлениями царизма. Поэтому новые руководители страны полностью восприняли определение казачества как сословия: да здравствует равенство, долой сословные привилегии, долой казаков! [см.: 15, с. 8]. И редко тогда до кого доходило: не сословные привилегии ликвидируются, а по существу еще не отобранные царским правительством, защищенные и завоеванные тяжелой народной борьбой казачьи вольности, уникальный, отсутствующий у большей части русских крестьян опыт демократического самоуправления, богатое духовное наследие.

Испытав на себе в годы Гражданской войны и в первые десятилетия Советской власти проявления политики расказачивания, террор, голод, депортации, казачество, кроме колоссальных людских и материальных потерь, во многом утратило свою самобытность. При этом нельзя игнорировать и иные факторы в развитии казачества в советское время. Проведение политики «Лицом к казачеству», апрельский Пленум ЦК РКП(б) 1925 г. способствовали разворачиванию территориальных кавалерийских частей в казачьих регионах, сохранению, как считает волгоградская исследовательница О. В. Рвачева, ряда военно-культурных традиций казаков [см.: 26, с. 186]. Вторая половина 1930-х гг. ознаменовалась в СССР снятием ограничений на службу казаков в Красной Армии, формированием казачьих подразделений, кампанией «за советское казачество». Для встраивания казачества в советскую систему была активно задействована богатейшая песенная казачья культура, обладавшая огромным духовным и воспитательным потенциалом. Создаются колхозные, станичные хоры, Государственные ансамбли песни и пляски донских и кубанских казаков, активно пропагандируется работа по фиксации памятников устного народного творчества казаков [см.: 19, с. 37–38]. Добровольческие казачьи соединения, к особенностям формирования которых относилось использование традиции выхода казаков на службу, сыграли значительную роль в Великой Отечественной войне.

Начавшиеся в конце 1980-х гг. процессы казачьего Ренессанса были отмечены противоречиями в понимании казачества как явления. Обозначившийся было курс на развитие традиционных элементов жизнедеятельности и мировоззрения казачества постепенно в 1990–2000-е гг. сходит на нет. С одной стороны, выстраивается вертикаль управления казачьим движением, формируется государственная политика в отношении казачества, построенная на единых принципах. С другой стороны, постепенно сворачиваются пути этнокультурного развития казачества, усиливается конструирование служилой составляющей. Окончательно последняя возобладала с принятием в 2005 г. Закона о государственной службе российского казачества.

Потомки казаков сохраняли свою самобытность на семейном и индивидуальном уровнях, однако если исходить из состояния старожильческого коренного казачьего населения — это вымирающие станичные, сельские, хуторские общества. Искусственное

или вынужденное обезземеливание коренного населения, безработица по причине разрушения ранее существовавших коллективных хозяйств в 1990-х — начале 2000-х гг. способствовали росту числа разводов, повышению смертности и уменьшению рождаемости. Практически был разрушен механизм естественной культурной преемственности на уровне семьи, «отцы» и «дети» ориентированы порой на диаметрально противоположные ценности. Сведение традиционной культуры к сцене на Дону, Кубани, в Сибири, на Урале привело к утрате многих блоков народной культуры: трудового, досугового, экологического, обычно-правового и многих других. Занятое проблемами выживания, потомственное старожильческое население мало интересовалось общественной жизнью казачьих обществ, войск, реестра. В свою очередь последние, ориентированные на внешнюю форму, парады, полицейскую и иную службу в городах, были нередко далеки от проблем казачьей глубинки.

Таким образом, в изучении этнокультурной специфики казачеств России крайне важно учитывать динамику развития, общее и особенное в историческом прошлом и духовном наследии каждого казачьего региона, степень развитости самосознания, органичное сочетание социальных и этнокультурных признаков в жизни терцев, семиреков, астраханцев, уральцев, кубанцев и других войсковых сообществ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Антропов О. О.* Астраханское казачество. На переломе веков. М.: Вече, 2008. 416 с.

2. *Бойчук С. Г.* Евгений Дмитриевич Фелицын: общественно-просветительская и научная деятельность Е. Д. Фелицына (1848–1903). Краснодар: Традиция, 2010. 174 с.

3. Большой толковый словарь донского казачества: около 18 тыс. слов и устойч. словосочетаний. М.: ООО «Русские словари», 2003. 608 с.

4. *Бондарь Н. И.* Древо жизни: очерки традиционной народной культуры: этнография, антропология, семиотика. Краснодар: Традиция, 2019. 528 с.

5. *Борисова О. Г.* Лексика и фразеология современных кубанских говоров как макросистема: модель и её реализация. Дисс. … докт. филолог. наук. Краснодар, 2018. 609 с.

6. *Борисова О. Г.* Опыт словаря кубанских говоров. Краснодар: Куб. гос. ун-т, 2018. 485 с.

7. *Бромлей Ю. В., Подольный Р. Г.* Человечество — это народы. М.: Мысль, 1990. 391 с.

8. Воинские повести Древней Руси / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 359 с.

9. *Дикарев М. А.* О царских загадках // Этнографическое обозрение. 1896. № 4. С. 1–64.

10. *Дорошенко О. П., Кудряшов В. Н.* Г. Е. Катанаев — историограф сибирского казачества // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 61. С. 116–124.

11. *Ермак Г. Г.* Семейный и хозяйственный быт казаков Дальнего Востока России: Вторая половина XIX — начало XX века. Владивосток: Дальнаука, 2004. 173 с.

12. *Жигунова М. А.* Сибирское казачество: основные вехи истории и культуры: научно-популярный очерк. Омск: Изд. центр КАН, 2018. 16 с.

13. *Зеленин Д.* У оренбургских казаков // Этнографическое обозрение. 1905. № 4. С. 54–78.

14. *Ивлев М.* Семиреченский Геродот — историк казачьего войска Николай Леденёв // URL: https://cossac-awards.narod.ru/Zametki/Zametka22_M.Ivlev_Ledenev.html (дата обращения 19.05.2021).

15. Интервью с историком В. Н. Королёвым, доцентом Ростовского университета // Голос казака. 1993. № 1. С. 7–8.

16. *Коваленко А. И.* Культура казачества восточных окраин России (XVII — начало XX вв.). Благовещенск: б/и, 2008. 207 с.

17. *Куликов Б. П.* Фёдор Крюков — писатель Земли Донской // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. 1998. № 1. С. 160–180.

18. *Малеча Н. М.* Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Оренбург: Оренб. кн. изд-во, 2002. Т. 1. 989 с.; Т. 2. 592 с.; Т. 3. 568 с.; 3; 2003. Т. 4. 536 с.

19. *Матвеев О. В.* «Наш колхозный богатырь…»: Кубанский казачий хор в политике встраивания казачества в советскую систему (вторая половина 1930-х гг.) // Наследие веков. 2022. № 1. С. 34–46.

20. *Матвеев О. В.* «Я задался мыслью воскресить забываемую народную литературу первых колонизаторов Кавказа». Из кавказоведческого наследия казачьего офицера // Кавказский сборник: Т. 13 (45) / Под ред. В. В. Дегоева. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2021. С. 282–304.

21. *Матвеев О. В., Зудин А. И., Воронин В. В.* Русские Чечни (по материалам экспедиций 2018 года). Ростов н/Д: Печатная лавка, 2018. 136 с.

22. *Мининков Н. А.* Альтернативный взгляд советского историка // *Савельев Е. П.* Средняя история казачества. Репринтн. воспр. изд. 1916 г. Ростов н/Д: ПГО «Южгеология», 1990. С. 300–309.

23. *Мининков Н. А.* Донское казачество в эпоху позднего Средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д: Изд-во Рос. ун-та. 512 с.

24. *Никитин Г. В.* Культура русских казаков Забайкалья (вторая половина XIX — начало XX вв.). Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. 286 с.

25. *Пименов Д. Н.* А. П. Васильев — заведующий 1-ми казанскими кавалерийскими курсами командного состава // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2020. № 3 (55). С. 46–51.

26. *Рвачева О. В.* Возрождение казачества на Юге России в советский период (середина 1920-х — начало 1940-х гг.) и в постсоветский период (1990-е — 2000-е гг.): историко-сравнительный анализ. Дисс. … докт. ист. наук. Волгоград, 2022. 582 с.

27. *Ригельман А. И.* История о донских казаках. Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1992. 224 с.

28. *Рыблова М. А.* Донское братство: казачьи сообщества на Дону в XVI — первой трети XIX века. Волгоград: Изд-во ВолГу, 2006. 544 с.

29. *Сагнаева С.* Исторические аспекты формирования самосознания уральского казачества // URL: https://www.liveinternet.ru/users/alexcourageous/post93933689/ (дата обращения 22.03.2022).

30. *Сагнаева С. К.* Материальная культура уральского казачества (традиционная одежда и пища) на рубеже XIX–XX веков. Уральск: Оптима, 2015. 304 с.

31. *Самаренко В. П.* А. А. Догадин — собиратель песен Астраханского казачества // Народная устная поэзия Дона (Материалы научной конференции по народному творчеству донского казачества 18–23 декабря 1961 г.). Ростов н/Д: Изд-во Рос. гос. ун-та, 1963. С. 302–311.

32. *Семенов В. Г.* Судьба казачьих офицеров Мякутиных // Оренбургское казачье войско. Культура. Быт. Обычаи. Сб. науч. тр. / Под ред. А. П. Абрамовского. Челябинск: Чел. гос. ун-т, 1996. С. 118–128.

33. *Стариков Ф. М.* Избранные труды по истории Оренбургского казачьего войска / Сост., коммент. И. В. Купцов. Челябинск: Изд. центр «АванТитул», 2016. 360 с.

34. *Хвостенко О. Н.* Историко-литературная и общественная деятельность П. П. Короленко: 1834–1913 гг.: Дисс. … канд. ист. наук. Краснодар, 2006. 237 с.

35. *Черницын С. В.* Роль сословного фактора в формировании субэтнических особенностей (на примере донского казачества) // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических

культур Северо-Западного Кавказа за 2000 год. Дикаревские чтения (7): матер. регион. науч. конф. Краснодар: Крайбибколлектор, 2001. С. 35–41.

36. *Щербанов Н. М.* Фольклорно-этнографическая тематика в «Уральских войсковых ведомостях»: (публикации Н. Ф. Савичева за 1867–1885 гг.) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. 9 / [отв. ред. Р. С. Липец]. М.: Наука, 1982. С. 48–62.

37. *Щербина Ф. А.* История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар: Тип. куб. обл. правл., 1910. Т. I. История края. 734 с.

38. *Элиасов Л. Е.* Словарь русских говоров Забайкалья. М.: Наука, 1980. 484 с.

39. *Яковлева Г. А.* Русские терские казачьи говоры Северного Кавказа. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2000. 126 с.

O. V. Matveev

FEATURES OF ETHNOSOCIAL DEVELOPMENT COSSACKS OF RUSSIA

Annotation. The problems of the article are connected with the discussions arising in the scientific and public environment about the specifics of the status of the Cossacks as part of the Russian ethnos. The role of ethnic and class characteristics, traditional culture and historical past as conditions for the formation of identity of Cossack communities of different regions is investigated. The complex nature of the self-consciousness of the Cossacks is analyzed, in which ethno-cultural, social, geographical factors were manifested, the "Cossack idea" is refracted. The ethno-cultural development of each Cossack army is considered as a result of adaptation to a new natural and ethno-social environment.

Key words: Russia, Cossacks, ethno-cultural identity, self-consciousness of sub-ethnic groups

Н. И. Бондарь

ГОРОДСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ТРАДИЦИОННАЯ НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА

Аннотация. «Городская революция» (Гордон Чайлд) означала появление, наряду с сельской, городской цивилизации. В процессе сосуществования отношения между ними менялись от диалога до антагонизма. Социально-профессиональная ориентация городов способствовала вытеснению исходных (этно)культурных диалектов и формированию собственно городской культуры и новой системы ценностей. Городская культура мозаична: она состоит из субкультур, различных официальных и неофициальных профессий и занятий, возрастных классов, партий и неформальных объединений. Уничтожение традиционной народной культуры и отказ от традиционных ценностей, ориентация на рыночно-либеральные ценности (культ денег, потребительство, неограниченные свободы) создает угрозу для будущего российской нации.

Ключевые слова: городская цивилизация, сельская цивилизация, традиционная народная культура, система ценностей, художественная самодеятельность, фольклор

ИСТОКИ ГОРОДСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В середине прошлого века С. Хантингтон писал, что дать правильное определение такому явлению, как цивилизация, очень сложно из-за постоянного расширения самого понятия. В связи с этим более полезно обратиться к истокам термина, его первоначальному значению. Он восходит к латинскому *civilis*, характеризующему качества гражданина, городского жителя: учтивость, приветливость, любезность и привычку к городскому образу жизни. Сегодня одно из современных определений понятия «цивилизация» можно сформулировать следующим образом: это особое состояние и стадия в развитии человечества и его культуры, характеризуемая наличием и применением семиотических форм хранения и передачи информации, усложнением технологий и социальных связей, ростом населения, урбанизацией, доминированием городского образа жизни и мышления, нарастанием экологических и гуманитарных проблем планетарного масштаба.

И в том, и в другом случае присутствует город и культурные признаки городской цивилизации. Ее истоки восходят к 7–5 тыс.

до н. э. — эпохе возникновения древних протогородов Чатал-Хююк, Эреду, Аркаим и др. В истории это действительно стало революционным событием с невиданными возможностями и последствиями как для человечества в целом, так и для отдельных народов и обществ. Поэтому английский археолог Гордон Чайлд дал ему столь громкое название — «городская революция» (urban revolution).

Город как новый тип стационарного поселения явился материальной оболочкой, средой жизнедеятельности для города-социума. Городской социум — это особая форма биосоциального существования человечества. На определенном этапе своего развития город, по М. Веберу, превращается в «автономное и автокефальное правовое объединение» [6, с. 341], общество в обществе. По сути, городской социум — это новый тип общества со своими социально-профессиональными параметрами, правом и культурой.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ЭТАП В ИСТОРИИ ГОРОДА

Городская цивилизация зарождается в лоне более древней цивилизации — сельской. На раннем этапе своей истории город существует исключительно за счет ее ресурсов — земельно- территориальных, ископаемых, людских и природных. Выкачивая их из сельской округи, он тем самым способствовал приходу традиционной народной культуры (далее — ТНК) в городское социокультурное пространство. Ранняя история европейских и российских городов наполнена фольклорно-этнографическими реалиями, представлявшими собой этнокультурные диалекты ТНК [см. об этом: 16].

Города на раннем этапе похожи, скорее, на большие села. В документах за 80-е годы XVIII в., например, сообщалось, что города в Пензенском наместничестве населены преимущественно однодворцами, дворцовыми и ясашными крестьянами, которые «рукомысел никаких не имеют, а упражняются все вообще в хлебопашестве и скотоводстве и протчей домашней экономии», живут зачастую в «черных крестьянских избах», крытых соломой и огороженных плетнями [8, с. 303].

Такая же картина наблюдалась и в области духовной культуры. Например, в описаниях города Ейска, сделанных спустя 50 лет после его основания, М. Харламов, отмечая значительную этнокультурную пестроту жителей города, переселенцев из более чем 10 губерний России, пришел к выводу, что в таких условиях за 50 лет

не могло сформироваться «общего говора»: «Каждый выходец из России говорит так, как он привык говорить на своей родине» [22, с. 79–80]. Тот же автор, давая описание местных свадебных обрядов, приходит к заключению: «Мы должны отказаться от намерения увидеть в Ейске единообразие свадебного ритуала… Правда, остов свадьбы на всех концах города более или менее одинаков, но зато песенная и обрядовая сторона свадьбы отмечается таким разнообразием, что, по справедливому замечанию местных обывателей, в каждом квартале своя свадьба» [23, с. 35–36].

В общем, город на этнокультурном этапе своей истории — это пространство сосуществования и диалога этнокультурных диалектов ТНК и только нарождающейся городской культуры.

Социально-профессиональная структуризация городского социума и механизмы трансформации ТНК

Основа любой культуры — мировоззрение. Любые ее формы (жилище, костюм, обряд, фольклорный текст) являются отражением мировоззрения и манифестацией системы ценностей этноса и его социальных групп. Мировоззрение и ценностные ориентиры формируются, прежде всего, средой обитания и родом деятельности.

Городской образ жизни, доминирование торгово-рыночных отношений входили в противоречие с традиционными ценностями сельской цивилизации. ТНК в своем аутентичном виде оказалась в чужой среде. На смену диалогу и сосуществованию «сельского» и «городского» приходит отторжение и переделка ТНК, подмена ее городскими формами.

Сравнивая модели ТНК и городской массовой культуры, А. В. Костина отметила очень важные признаки: «“Массовому человеку” необходима, близка и понятна и соответствующая культура — массовая, в основе которой больше биологического, чем социального. Мир этого человека лишен тех идеальных представлений, которые одухотворяли мир человека традиционной культуры. Вместо связи с Космосом и ощущения причастности к его глубинной целесообразности, в мире массового человека — прагматизм и обыденность. Это разные миры, разные культуры» [12, с. 296].

Несмотря на наличие бóльших или меньших национальных особенностей, процесс переплавки ТНК в России и мире проходил по сходному сценарию, путем смены / подмены кодов ТНК, таких как

сакральное — профанное, верх — низ, духовное — телесное (материальное), ритуал — карнавал. «Переворачивание» практиковалось на уровне целых блоков, жанров и отдельных текстов. Это хорошо показано в работе М. М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса». Бахтин, в частности, отмечает: «Направление в низ присуще и всем формам народно-праздничного веселья и гротескного реализма. В низ, наизнанку, наоборот, шиворот-навыворот — таково движение, проникающее все эти формы. Все они сбрасывают в низ, переворачивают, ставят на голову, переносят верх на место низа, зад на место переда, как в прямом, так и в метафорическом смысле» [1, с. 411].

Все так, за исключением того, что в романе Рабле показана не совсем народная культура, а то, что с ней происходит в условиях городской среды. По сути, по такой же схеме и в том же направлении происходила трансформация ТНК в городах России — от ритуала к зрелищным искусствам [см., например: 15]. В ходе селекции ТНК в городскую культуру были включены и некоторые ее аутентичные формы, представлявшие коммерческий интерес.

ТНК и административный ресурс

Т. С. Рудиченко выделила два основных аспекта в развитии традиционной культуры: естественное и искусственное, инициируемое и контролируемое «сверху» [17, с. 167]. О естественном этапе развития речь шла выше. Искусственный наступает при подключении административно-управленческого фактора.

В России этот ресурс активно использовался властью уже в XVII–XVIII вв., начиная с реформ Петра I, для переформатирования ТНК и конструирования городской культуры на европейский манер. Формы культуры, навязанные в это время: маскарады, торжественные шествия, пародийные обряды, гуляния, фейерверки, ярмарочные балаганы и увеселения — «комедийная хоромина» и проч. Они оказались настолько удачными, что используются властью и по сей день.

Если петровско-европейская (с либеральным душком) модель культуры предполагалась, прежде всего, для городов, то «культурная революция» большевиков в 1920–1930-х гг. представляла собой тотальный, сплошной и глубинный натиск на ТНК и традиционные ценности. Это была сплошная борьба — с «безграмотностью», чуждой идеологией, реакционными силами, пережитками. В ней

использовались разнообразные методы: запреты (обрядов, отдельных фольклорных жанров и текстов, топонимов и т. д.), разработка и внедрение новых форм советской обрядности и культуры [см., например: 9, 21]. Появились новые термины и обозначения: советский фольклор, самодеятельное народное творчество и структуры, контролирующие и направляющие эти процессы — Дома народного творчества (ДНТ), Дома культуры (ДК)[1].

Применялись и более радикальные методы: уничтожение среды бытования ТНК и самих ее носителей, а также хранителей — ученых, творческой интеллигенции. На казачьих территориях в ходе раскулачивания, расказачивания, коллективизации большие массы людей выселялись в Сибирь и в Среднюю Азию. За время рукотворного голода 1932–1933 гг. огромное количество народонаселения вымерло. Это означало не только физическую, но и духовную смерть социума [см.: 3, 11]. Уничтожение среды практиковалось в СССР и позже, в 1970–1980-е гг., когда сселялись неперспективные деревни. Существует оно и сегодня в виде распространения «городских стандартов жизни» на сельскую территорию. Что из этого получилось на практике, можно видеть в монографии О. Р. Будиной и М. Н. Шмелёвой «Город и народные традиции русских» [см.: 5].

Надо отметить, что административный ресурс действовал и продолжает действовать исключительно с позиций и в интересах городской цивилизации, и, следовательно, городской культуры в ущерб сельской цивилизации, ТНК и традиционной системе ценностей. И все это, судя по всему, может укладываться в русло идеологической борьбы «западников» и «почвенников», но уже в практическом плане, на уровне воплощения культурных моделей в жизнь. Показательным в этом отношении явился период перестройки в СССР.

УРБАНИЗАЦИЯ, ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ТНК И ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В XIX–XX вв. вал урбанизации и глобализации окончательно разрушил принцип диалога между ТНК и городской культурой. Тра-

[1] Эта постоянная борьба с «чуждым наследием» в годы перестройки в СССР переросла в маниакальную идею «непрерывного образования и воспитания».

диция, механизм ее естественного развития и воспроизводства был окончательно подавлен.

В ходе социально-профессиональной структуризации сформировалось социокультурное пространство города: виды, жанры, формы так называемой зрелищной культуры, перспективные в коммерческом отношении. В городском пространстве на смену сосуществующим (этно)культурным диалектам пришли социолекты, отражающие или общегородские ценности, или ценностные устремления и идеалы узких социальных, профессиональных и любительских групп. В рамках общегородской культуры они сформировали, сконструировали или доработали в процессе профессиональной деятельности собственные субкультуры: молодежные или молодежно-подростковые (объединения хиппи, панков, готов и проч.), криминальные (ОПГ, проститутки, наркоманы), субкультура чиновников разного уровня, журналистов, таксистов, студентов, представителей силовых структур, пожарников, блогеров, виртуальщиков — море!

С. Ю. Неклюдов пришел к выводу, что «культурное самоопределение городского жителя имеет столь же мозаичный характер, как и сами городские традиции» [14, с. 33]. Если в структурном отношении городская культура мозаична, то в аксиологическом — бездуховна, «телесна». В основе городских ценностей лежит культ денег и ничем не ограниченный инстинкт потребления. Продается и покупается все: материальные блага, должности, душа, тело, ум, честь. И потребляется все, в том числе культура, искусство. Обратите внимание на выражение «культурное потребление» и «культурные потребности». Они у большинства современных горожан непритязательные.

В связи с этим интересна монография петербургского философа Б. М. Маркова «Храм и рынок. Человек в пространстве культуры», в которой он, в частности, отмечает: «Город как культурный феномен, хотя в это трудно поверить по причине экологической загрязненности и нравственной распущенности, сопровождающих урбанизацию, представляет собой довольно тонкое и сложное устройство, с одной стороны, удовлетворяющее телесные потребности, а с другой стороны, упорядочивающее и организующее их» [13, с. 155].

К характеристикам городской культуры, помимо биологизации бытовых и художественных форм (в быту, на сцене, в творчестве

вообще), можно отнести крайний индивидуализм (в том числе свободу самовыражения в искусстве) и космополитизм. Городские субкультуры безэтничны. Проститутки и журналисты, наркоманы и бюрократы в Москве или Лондоне, Санкт-Петербурге или Нью-Йорке, Краснодаре или Берлине, за исключением некоторых исторических и незначительных «национальных особенностей», если не одинаковы, то очень похожи.

Урбанизация привела к появлению городов-монстров — мегаполисов-миллионников, давно перешагнувших все разумные пределы своего развития. Во французской литературе родилось и прижилось выражение «французская пустыня», обозначающее их пагубное воздействие на экологию и человека.

Города создали свою систему ценностей и культуру. Начиная с периода советской перестройки 1980–1990-х гг. и по сей день с помощью административного ресурса, его политико-административной разновидности в умы детей и молодежи с помощью городской культуры усиленно закачивались либеральные ценности. На них воспитано уже не одно поколение, и значительная часть российского Народа превратилась в своего антипода — Урода [4].

Состав общества-урода пестрый: менеджеры, риэлторы, маклеры, брокеры, блогеры, поп-звезды, большинство предпринимателей и бизнесменов, есть деятели от науки и культуры. Главный его ресурс — представители разных форм и уровней власти. Их воспитала, взрастила городская цивилизация. Они выросли и пришли руководить, управлять, потреблять. ТНК, национальные традиции и проблемы для них, что чужой язык — непонятны, традиционные ценности — чужды.

Обвальный распад ТНК как функциональной системы, отход / отказ от традиционной системы ценностей в Европе и России в XX в. породил глубочайший духовный кризис. В период живого бытования ТНК и даже в период ее «управляемого распада» и подмены ученых, исследователей и практиков, а тем более власть, это особо не тревожило. Ее трансформация, появление новых, естественных или сконструированных форм и элементов рассматривалось как показатель развития, адаптации к меняющейся среде.

Отношение к ТНК, нематериальному культурному наследию резко изменились на рубеже XX–XXI вв. в связи с духовным и культурным кризисом общества. ЮНЕСКО в начале 1980-х гг. создает

Комитет правительственных экспертов. В его работе принимали участие и российские ученые-фольклористы — К. В. Чистов, Б. Н. Путилов и др. В 2003 г. была подготовлена Международная конвенция об охране нематериального наследия. До этого его только изучали (прерогатива науки) и использовали (прерогатива функционеров от культуры).

В России в 2005 г. на самом высоком уровне, на заседании Госсовета, обсуждался вопрос о государственной поддержке ТНК. Правительству и РАН президентом РФ были даны поручения разработать концепции и программы по сохранению нематериального культурного наследия народов России. Поручение президента выполнено лишь частично.

Концептуально-правовая его часть воплощена в Федеральном законе «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» (№ 402-ФЗ от 22 октября 2022 г.). Действенность и практическая значимость закона — минимальные. В нем отсутствует даже намек на необходимость наличия программы по его реализации и обязательности ее финансирования. Для региональных управленческих структур он носит не обязательный, а рекомендательный характер. Значит, все остается на прежних местах в состоянии «болота» и «мутной воды», где, как известно, и нечисть водится, и рыбку можно ловить. Вместо программы Правительство РФ удовлетворилось Положением о федеральном государственном реестре объектов нематериального этнокультурного достояния РФ (постановление Правительства РФ №1277 от 3 августа 2023 г.).

Хотелось бы надеяться, что создание реестра не окажется единственной формой сохранения и защиты объектов нематериального этнокультурного достояния. Тем более, что любой реестр, каталог является всего лишь инструментом учета и хранения информации об объектах, которые надо изучать, сохранять.

Из научно-методической цепочки исследовательских процедур (полевые, архивные исследования — систематизация фактов, в том числе каталогизация — анализ явлений — создание научного текста) почему-то вырывается не конечный результат — текст, а промежуточное, инструментальное звено. Кстати, не всегда возможное и не всегда нужное. В данном случае необходимость своего рода «Красной книги» уничтожаемого этнокультурного достояния очевидна. Но реестр как форма регистрации и учета, с одной стороны,

и сохранение достояния, с другой, — не равноценные понятия. Сохранение, защита — это система мер, обеспечивающих изучение, сохранение (возможно, в некоторых случаях и развитие) и использование объектов этнокультурного достояния.

Практика показывает, что все мы, кто имеет отношение к ТНК, этнокультурным традициям столкнулись с чрезвычайно сложной ситуацией. Среда бытования ТНК разрушена, носители ушли, сама ТНК как функциональная система распалась. Механизмы культурной трансмиссии, продолжения традиции разорваны. Сегодня часто ни старшее поколение (учителя в широком смысле слова), ни молодежь не имеют полных знаний о национальных традициях, тем более — об их региональных, локальных особенностях. В такой ситуации в разряд объектов этнокультурного достояния переходят, наряду со все еще бытующими элементами ТНК, ведомственные фольклорно-этнографические архивы и коллекции. Статус этнокультурного достояния позволит им избежать участи аудиоархива фольклорной комиссии Союза Композиторов СССР, распроданного и разбазаренного москвичами. Он также защитит региональные аудио- и видеоархивы от бесконтрольного использования и плагиата.

Идеальной формой сохранения и использования ТНК на данном этапе может быть только их издание (не в цифровом, а в классическом формате). Опыт и примеры таких изданий есть. Некоторые из них: «Русские Рязанского края» [18], книга Н. М. Белобородовой об истории, фольклоре, этнографии украинцев Предбайкалья [см.: 2], многотомный «Смоленский музыкально-этнографический сборник» [20], продолжающееся издание «История, этнография, фольклор Кубани» [11] и другие. В этот список следует также включить без преувеличения великий, заслуживающий Государственной премии, труд Н. И. Толстого и его коллег «Славянские древности. Этнолингвистический словарь» [19]. Перечисленные издания непохожи друг на друга, но их объединяет многоцелевой характер содержащихся в них материалов, адресованных как исследователям (этнографам, фольклористам, этнолингвистам), так и практикам — работникам культуры, образования, СМИ.

Именно такие труды, а не карточки реестра ОНЭД[1], должны рассматриваться в качестве госзадания для регионов и учрежде-

[1] ОНЭД — объект нематериального этнокультурного достояния.

ний, располагающих необходимыми ресурсами (кадрами, фондами). В целом же требуется межведомственная программа по изучению, сохранению и использованию этнокультурного достояния с обязательными мероприятиями (включая в обязательном порядке издательские проекты) и четким регулярным финансированием.

М. Ф. Гнесин в 1916 г. переживал в связи с выступлениями пинежской Махони (выдающейся сказительницы Марии Дмитриевны Кривополеновой), сможет ли городская публика принять и понять аутентичный фольклор: «Мы проверим, способны ли мы заразиться творческим воодушевлением народного певца, можем ли мы, привыкшие к “культурному” пению, услышать красоту в “сказывании”» [10].

У нас сегодня другие тревоги — сможем ли мы добиться от власти достойного отношения к нашему национальному достоянию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин М. М.* Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1965. С. 411.

2. *Белобородова Н. М.* Страницы истории, фольклора, этнографии украинцев Предбайкалья (1909–1970-е гг.). Иркутск: Фонд Президентских грантов, 2021. 542 с.

3. *Бондарь Н. И.* Код смерти // Бондарь Н. И. Древо жизни: очерки традиционной народной культуры. Этнография, антропология, семиотика. Краснодар: Традиция, 2019. С. 194–211.

4. *Бондарь Н. И.* Народ и его антипод, Урод. [Электронный ресурс] URL.: https://vk.com/@kuban_tradculture-narod-i-ego-antipod-urod (дата обращения: 28. 09. 2023).

5. *Будина О. Р., Шмелёва М. Н.* Город и народные традиции русских. М.: Наука, 1988. 254 с.

6. *Вебер М.* Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. 702 с.

7. *Власкина Т. Ю.* Домашний мир на сломе эпох. Очерки традиционной культуры донских казаков. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 430 с.

8. *Власова И. В., Шанский Д. Н.* Поселения // Очерки русской культуры XVIII в. Ч. 1. М.: Изд-во МГУ, 1985. С. 285–316.

9. *Закович Н. М.* Советская обрядность и духовная культура. Киев: Наукова думка. 1980. 221 с.

10. *Иванова Т. Г.* Неизвестные статьи М. Ф. Гнесина о М. Д. Кривополеновой // Из истории русской фольклористики. Л.: Наука, 1990. С. 257–262.

11. История, этнография, фольклор Кубани [в 5 томах]. Т. 1. Краснодар: Книга, 2015; Т. 2. Ижевск: Принт-2, 2016; Т. 3. Майкоп: Качество, 2018, Т 4. Ростов н/Д: Печатная лавка, 2019; Т. 5. Ростов н/Д: Печатная лавка, 2020.

12. *Костина А. В.* Массовая культура и культура народная: диалог или конфронтация? // Первый Всероссийский конгресс фольклористов. Т. I. М.: ГРЦРФ, 2005, С. 272–299.

13. *Марков Б. М.* Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. Спб.: Алетейя, 1999. 296 с.

14. *Неклюдов С. Ю.* Фольклор и современность: итоги XX века // От Конгресса к Конгрессу. Навстречу Второму Всероссийскому конгрессу фольклористов. Сб. материалов. М.: ГРЦРФ, 2010. С. 30–42.

15. *Некрылова А. Ф.* Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII — начало XX в. СПб.: Азбука-классика, 2004. 254 с.

16. *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии русского феодального города: Горожане, их общественный и домашний быт. М.: Наука, 1978. 328 с.

17. *Рудиченко Т. С.* Новые подходы к практическому освоению традиционной этнической культуры // Мир традиционной музыкальной культуры. Сб. трудов. Вып. 174. М.: РАМ им. Гнесиных. 2008. С. 167–175.

18. Русские Рязанского края: В 2-х т. / Отв. ред. С. А. Иникова. М.: «Индрик», 2009.

19. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Рос. акад. наук. Ин-т славяноведения и балканистики; Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1995–2014.

20. Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т. 1. М.: Индрик, 2003; Т. 2. М.: Индрик, 2003; Т. 3. М.: Музыка, 2005; Т. 4. М.: РАМ им. Гнесиных, 2016; Т. 6. М.: РАМ им. Гнесиных, 2022.

21. Традиционные и новые обряды в быту народов СССР. М.: Наука, 1981. 183 с.

22. *Харламов М.* Некоторые особенности живого говора города Ейска, Кубанской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 26. Тифлис: Тип. Главного Упр. Наместника кавказского, 1898. С. 79 — 89.

23. *Харламов М.* Свадебные обряды и песни города Ейска // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 36. Тифлис: Тип. Главного Упр. Наместника кавказского. 1906. С. 35–71.

N. I. Bondar

URBAN CIVILIZATION AND TRADITIONAL FOLK CULTURE

Annotation. "Urban revolution" (Gordon Child) meant the emergence, along with rural, urban civilization. In the process of coexistence, the relationship between them changed from dialogue to antagonism. The socio-professional orientation of cities contributed to the displacement of the original (ethno)cultural dialects and the formation of urban culture proper and a new system of values. Urban culture is mosaic: it consists of subcultures, various official and unofficial professions and occupations, age classes, parties and informal associations. The destruction of traditional folk culture and the rejection of traditional values, orientation to market-liberal values (the cult of money, consumerism, unlimited freedoms) poses a threat to the future of the Russian nation.

Keywords: urban civilization, rural civilization, traditional folk culture, value system, amateur art, folklore

В. В. Воронин

ПРОВОДЫ КАЗАКА НА СЛУЖБУ В КУБАНСКОЙ ТРАДИЦИИ

Аннотация. Военная служба казака всегда рассматривалась как основа его жизненного уклада. Наличие в казачьей традиции двух «миров» — военного и гражданского, — взаимосвязанных и вместе с тем достаточно самостоятельных, предопределило бытование обрядов, касающихся перехода казака из одного в другой. В первую очередь это проводы казака на службу. Данный комплекс близок к русским рекрутским обрядам, однако в казачьей культуре он имеет ряд существенных отличий (например, многократная повторяемость обряда в течение жизни казака). В статье анализируются этнографические материалы по кубанской казачьей традиции.

Ключевые слова: Кубань, Краснодарский край, кубанские казаки, проводы казака на службу, ритуал, воинский уклад жизни

Военная служба казака всегда рассматривалась как основа его жизненного уклада. «На военную службу казак шел совершенно безропотно, так как эта служба, в его психологии, еще с детских годов, понималась обязательной. Ведь служил его отец, служили все казаки его станицы, поэтому и он должен служить» [2, с. 9]. Наличие в казачьей традиции двух «миров» — военного и гражданского, — взаимосвязанных и вместе с тем достаточно самостоятельных, предопределило бытование ряда обрядов, касающихся перехода казака из одного в другой. В первую очередь это проводы казака на службу.

Проводы казака на службу — обряд перехода, близкий к русским рекрутским обрядам, однако в казачьей культуре он имеет ряд существенных отличий (в первую очередь это многократная повторяемость обряда в течение жизни казака), на которые указывала М. А. Рыблова при исследовании данной темы у верхнедонских казаков. Эти же отличия характерны и для кубанской казачьей традиции.

Необходимо отметить, что, несмотря на важную роль в кубанской казачьей культуре обрядов перехода из мира гражданского в войсковой, исследовательский интерес к этой теме весьма скромен. Существует лишь несколько публикаций, в которых можно найти фрагментарное либо крайне поверхностное описание прово-

дов у кубанских казаков. В связи с этим, большое значение имеют воспоминания Ивана Приймы [см.: 4], в которых содержится подробное описание обряда, основанное на личном участии автора — казака ст. Ахтанизовской. В качестве источника по исследуемому вопросу могут выступать и воспоминания из детства Ф. А. Щербины [см.: 7]. Неосвещенность в научной литературе компенсируется полевыми материалами, собранными в ходе работы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции ГБНТУ «Кубанский казачий хор» в различные районы Краснодарского, Ставропольского краев, а также Республики Адыгея и Карачаево-Черкессии. Помимо ограниченного количества источников, необходимо отметить широкую вариативность самого обряда, его зависимость от локальной традиции, статуса казака, семейного положения и др.

За некоторое время до ухода на службу молодой казак освобождался от ежедневной работы по хозяйству и был занят подготовкой снаряжения. В воспоминаниях И. Приймы приводится арматурный список из около 54 элементов, входящих в снаряжение казака и необходимых для прохождения службы. «Требовалось купить отличную верховую лошадь у конезаводчика, которого укажет начальство за драконовскую цену. Кроме коня казаку необходимо было иметь бурку, шапку, казачью форму. И для повседневного ношения: сапоги парадные и рабочие, кинжал, шубу, две черкески, два бешмета, два башлыка, два пояса, белые портянки, носки, седла форменные, сумы переметные ковровые, сумы с кормом для лошади»[1].

Отсутствие, негодность какого-либо элемента при проверке новобранца станичным атаманом за несколько дней до проводов наказывались словесным выговором казаку и его родителям (в первую очередь отцу), и все требования к снаряжению беспрекословно выполнялись в кратчайшие сроки: «[Отцу] казака нужно справить, ему на службу нужно справить. Нужно купить лошадь, купить всё снаряженье: карабин, шашку, кинжал, бурку. И эта всё с общева двара. Никто не пратистовал, ни браты, никто. Эта ани уже закла-

---

[1] Полевые материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции (далее ПМ КФЭЭ) КФЭЭ-2008. Аудиокассета (далее А/К) № 3901, Краснодарский край (далее КК), Горячеключевской р-н, ст. Бакинская. Информант (далее Инф.): В. П. Серяк, Л. П. Бойко «История Бакинской школы и станицы» (рукопись). Иссл. О. В. Матвеев.

дали, эта как вроде атец распаряжаеца неприкаснавеным запасом. Как справил, эта уже всё, тада с нево [отца] ничево не требовали»[1].

Высокая стоимость снаряжения и коня приводили к тому, что многие отцы казачьих семейств оказывались практически в разорении и долгах. Особенно это было характерно для станиц предгорной части Кубани, которые в дореволюционный период были слаборазвитыми в экономическом отношении. Это подтверждается обращением выборных ст. Пензенской с просьбой о выделении станице дополнительного надела: «При перечисленных наших заработках таких скудных, наша жизнь делается слишком тяжёлой, будучи казаками Кубанского казачьего войска и желая служить Государю Императору и Отечеству с преданностью, как выказали себя наши предки, но не будучи в состоянии отправлять своих сыновей на службу при нынешних требованиях, вследствие выясненных условий жизни, нам, как не желающим отстать от наших же казаков других более богатых станиц, приходится разорять положительно наши скудные хозяйства и тратить на тот же предмет скудные доходные общественные поступления в нашу кассу»[2]. Еще сложнее было семьям, в которых было несколько сыновей: «Горе тому отцу, у которого несколько сыновей. Такие семьи после влачили жалкое существование. В случае падежа коня или исчезновения одежды, других принадлежностей в период срока службы казака отец обязан был приобрести их вновь и направить к месту службы сына»[3]. Неслучайным, в данном контексте, является бытование пословиц: «*Лучше сундук напхать, чем коня покупать*»[4]; «*Продавцы одевают молодцов, а раздевают их отцов*»[5]; «*Слава казачья, а жизнь собачья*»[6].

Как отмечал И. Д. Попко, «конечно, казак может выехать на службу и плохо одетый, и плохо обутый, и на коняшке каком-

---

1 ПМ КФЭЭ-1991. А/К № 134. КК, Мостовской р-н, ст. Махошевская. Инф: Суров В. А., 1910 г. р.

2 Государственный архив Краснодарского Края (далее ГАКК). Ф. 574. Оп. 1. Д. 2564. Л. 47-4706. Из обращения 32 выборных от общества ст. Пензенской Начальнику Кубанской области 12 июля 1897 г.

3 См. сноску на с. 35.

4 ПМ КФЭЭ-2010. А/К № 4223. КК, Горячеключевской р-н, ст. Мартанская. Инф.: М. В. Мишурова (1924 г. р.), Е. М. Кошель (1926 г. р.). Иссл.: В. В. Воронин.

5 Цит. по: [4].

6 См. сноску на с. 35.

нибудь, но лучше, если все это и многое другое будет у него из хорошего достатка. Тогда и он смотрит бодрее, и на него смотрят с большим доверием. Тогда он будет служить и не тужить, и уличные зеваки не посмеют швырнуть в него прибауткой: "Семеро в кувшине одной мыши не задушили"» [3, с. 94].

В советское время, как отмечали респонденты, внешний вид новобранца был полной противоположностью по сравнению с досоветским периодом: латанная, старая, ношеная одежда и такая же обувь.

Необходимо отметить, что сохранность / годность обмундирования и запрет использовать строевого коня в хозяйственных работах — важные требования к казаку и после окончания службы: «*Боже тебе сохрани* [запрячь строевого коня]. *Если не дай Бог если обнаружили шо у коня хде-то потёрто. Как дедушка рассказывал, гаварит, это сразу на месяц в какую-то дальную станицу, куда-нибудь загоняют. Езжай и то там служи целый месяц. За конём не смотрел. Страшное дело. Наказывали, дюже наказывали*»[1].

При упоминании проводов, информаторы нередко употребляли лексему «выряжать». «Выряжать на службу» означает не только подготавливать «справу», но и провожать на службу казака: «Выряжалы за ворота козака». Кстати, в украинском языке «выряжать» обозначает «одевать».

Собранное снаряжение было довольно-таки объемным, поэтому его в походных сундуках могли заранее отправлять на подводах / возах к пункту сбора того или иного отдела. Чаще всего для перевозки вещей новобранцев привлекался артельный станичный воз. Помимо подготовки материальной обязательной для новобранца считалась подготовка духовная — пост, который заканчивался напутственным молебном. «И проводы казака на долгую действительную службу, "на далекую границу", где стояли и охраняли ее на широких азиатских просторах казачьи полки и Кубанские пластунские батальоны, неизменно сопровождались многодневным веселием-гульбой всей родни уходящего. В такие дни "гуляла" вся станица, т. к. она отправляла ежегодно несколько десятков своих сыновей, достигших 21 года» [2, с. 9].

Примерно за день до назначенной даты проводов, утром, казаки съезжались на своих лошадях в центр станицы к храму. Моло-

---

[1] ПМ КФЭЭ-2010. А/К № 4223, КК, Горячеключевской р-н, ст. Мартанская. Инф.: Н. В. Афонасов (1947 г. р.).

дые казаки покупали «охресты»[1], которые хранились в станичной церкви до их возвращения со службы[2]. Молебен, на котором присутствовало большинство жителей станицы, родители и родственники новобранцев, атаман и станичное правление, проводился либо на площади, либо на территории храма. Из него выносили «святости» — хоругви, знамена, иконы. Священник, проведя молебен, причащал и окроплял молодых казаков. Уже во время молебна «примечали», какая судьба ждет казака: если конь стоит, опустив голову во время церковной службы — казак домой не вернется[3]. После церковной службы станичный атаман, почетные старики напутствовали новобранцев и желали скорого и благополучного возвращения: «*Благодарылы атцов, матерей, шо вырастылы сынов, проводылы на службу*»[4]. Яркое изображение этого момента находим у Ф. Я. Щербины, описывавшего жизнь казаков станицы Новодеревянковской: «В конце молебна священник отец Касьян сказал короткое слово, увещевая казаков служить верою и правдою за родину и православную веру. Казаки прикладывались ко кресту, а священник, держа в одной руке крест, другою кропил их святою водою. Обойден был всем духовенством с пением воз и окроплен артельщик, волы и воз. Затем станичный атаман пригласил священника и других лиц к столу. Отец Касьян благословил стол, а станичный атаман при первой рюмке водки пожелал уходившим из станицы казакам доброго пути и счастливого возвращения домой. Все выпили по три рюмки, и каждый раз от духовных лиц и станичного атамана с судьями раздавались пожелания уходившим казакам быть здоровыми, невредимыми и поскорее возвратиться к своим семьям и домам. Это было угощение от станицы уходившим одностаничникам» [7].

Вечер / *обед* / *празник* / *гулянка* / *проводы* проводились вечером этого либо следующего дня. Часто на проводы не приглашали, люди приходили сами. В других случаях новобранец лично ходил по станице и приглашал станичников. Обязательно звали тех, кто

---

1 «Охрест» — хоругвь.

2 ПМ КФЭЭ-1995. А/К № 812. КК, Северский р-н, ст. Калужская. Инф.: Павленко И. С. (1907 г. р.).

3 ПМ КФЭЭ-1998. А/К №1568. КЧР, Зеленчукский р-н. ст. Исправная. Инф.: Танцурина И. А. (1917 г. р.).

4 ПМ КФЭЭ-1998. А/К № 1585. КЧР, Зеленчукский р-н ст. Исправная. Инф.: Боков Д. А. (1905 г. р.).

славились как песельники: «*Вот прыгласыли нас на проводы куды. Нас больше прыглашали из-за песен*»[1]. Также на вечер новобранец приглашал свою девушку-невесту, а она, в свою очередь, собирала подруг: «*Если невеста своего жениха провожает, она, значить это, зовёт подружек*»[2].

С собой гости приносили подарки: мыло, рубашку, бритву, продукты. В качестве подарка казаку могли выступать деньги, которые вручались со словами: «*Натэ серебро, шоб було вам добро в армии. А тоди ще грощи мидни, шоб ваша армия нэ була бидной*»[3]. В некоторых станицах новобранец, если был неженат, вечером шел приглашать молодежь: «*Он пашёл, у нас тут называлась, вот сечас где ДК стаит, тада ево не было, а вот хадили туда-сюда вот так от, называли Брехаловка — площадь. Гуляли вся маладёшь. И вот я гаварю: "Слава, многа будеть маладых девак?". Он грит: "А, нет". И как пашёл он — привел усю Брёшку*»[4]. Молодые девушки и парни в доме казака пели, танцевали, играли, а затем все садились за стол. Уже за столом мать / крестная мать (либо по очереди — мать, крестная мать, родственники) перевязывала его крест-накрест рушником с пожеланием: «*Пэрэвьяжу тэбэ пичальныком, шоб був ты начальныком*»[5] (в данном случае *пичальнык* это рушник). Перевязывать полотенцами могли и так: «*Перехвачивалы [полотенцами] одын раз крестный батько, одын раз — ридный*»[6]. Девушки прикалывали булавками платочки / цветы к черкеске на груди казака, либо перевязывали ему руки или только правую руку. При этом первый платочек / цветок повязывала / прикалывала невеста новобранца, и дарила ему вышитый кисет для табака: «*Дивчата вышивали кысэты. Причем наполняли сами его нашим станичным табаком*». Замужние женщины, также могли повязывать, но не

---

1 ПМ КФЭЭ-1992. А/К № 328. КК, Горячеключевской р-н, ст. Мартанская. Инф.: Агеева З. Е. (1926 г. р.).

2 ПМ КФЭЭ-1992. А/К № 4227. КК, Горячеключевской р-н, ст. Мартанская. Инф.: Радченко И. М. (1938 г. р.).

3 ПМ КФЭЭ-2003. А/К № 2986. КК, Павловский р-н, ст. Незамаевская. Инф.: Павловский А. Ф (1913 г. р.), Бондарчук Н. П. (1935 г. р.).

4 ПМ КФЭЭ-1997. А/К № 1323. КК, Курганинский р-н, ст. Родниковская. Инф.: Быченко М. П. (1907 г. р.).

5 ПМ КФЭЭ-2004. А/К №2986. КК. Красноармейский р-н, ст. Чебургольская. Инф.: Винжига И. П. (1926 г. р.).

6 См. сноску 3.

платочки, а полотенца: «*Подруги девушки платочки цепляли, перевязывали руки, а дамочки и другие гости — рушники такие хорошие. Навяжут, аш жарко!*»[1]; «*Выделяли ево — шоб все знали*»[2]. На головной убор — папаху — прикалывали бумажный цвет[3] или красную ленту[4]. Интерес вызывает одно из объяснений информантом всех этих действий с платочками, цветами и полотенцами: «*Ны дай Бог, вин погибнэ, ось це його свадьба*»[5].

Своеобразный вариант *вэчира*, сохранивший довольно архаичные черты, зафиксирован в ст. Старотитаровской, где молодежное гуляние проводилось до полуночи, а затем молодежь сменялась старшим поколением. В проведение молодежного гуляния был включен такой персонаж как *ватáг* — наиболее близкий друг новобранца. Бытование термина *ватаг* в прошлом напрямую связано с мужской субкультурой, как обозначение старшинства в различных мужских группах (военизированных, половозрастных, рыболовецких). Например, словарь украинского языка дает такие определения: «ВА́ТА́Г: 1. Тот, кто руководит ватагой; ватажок; 2. Старший чабан» [6, Т. 1, с. 296].

В проводах на службу *ватаг* также брал на себя функции распорядителя, главного во время молодежного гуляния: «*А друг назывался — ватагом. Ватаг. Вин вив вэчир до двенадцати часов*». В качестве атрибута *ватага* использовался ремень, ударом которого он мог наказывать парней и девушек: «*У його той, рэмень хороший, солдатский, и хто ны слухае, рэмнем через плэчи протягнэ прекрасно*»[6]. И этот атрибут находился в руках *ватага* весь вечер.

Пришедшие в дом новобранца молодые люди рассаживались по лавочкам в выделенной для этого мероприятия комнате: «*Цэ ж як*

---

1 ПМ КФЭЭ-1995. А/К № 730. КК, Славянский р-н, ст. Петровская. Инф.: Карпенко С. И. (1918 г. р.).

2 ПМ КФЭЭ-1997. А/К № 1337. КК, Курганинский р-н, ст. Родниковская. Инф.: фолькл. коллектив.

3 ПМ КФЭЭ-1995. А/К № 837. КК, Северский р-н, ст. Ставропольская. Инф.: Даниленко М. П. (1912 г. р.).

4 ПМ КФЭЭ-2001. А/К № 2334. КК, Каневской р-н, ст. Челбасская. Инф.: Татарко Г. Г. (1916 г. р.).

5 ПМ КФЭЭ-2007. КК, Выселковский р-н, ст. Бузиновская. Инф.: Погорелова А. А.

6 ПМ КФЭЭ-2017. КК, Темрюкский р-н. ст. Старотитаровская. Инф.: Остроух Л. И. (1938 г. р.).

начинався вэчир, шо игры там чуть-чуть, а потом значит выводють солдата на сэрэдыну, будущего, и старша систра ридна довжна пырывъязать його плотенцем». Вторым полотенцем перевязывала невеста (получалось, что парень был перевязан полотенцами крест-накрест). Она же первой прикрепляла булавкой к полотенцу на груди парня платочек. После этого все присутствующие прикалывали булавками платочки, а родня, братья и сестры повязывали полотенца: «*Невеста ще довжна пидчипыть платочок йому. Ну а потом вже молодежь, хто там блищий, чипляет платочкы на його, полотенца… Дэ блыще родня, ти полотенца чипляют. Дэ дивчата — прости таки платочки чипляют*»[1].

После этого начинались танцы, игры, песни. Распорядителем очередности был *ватаг*, он же был и ведущим игр. Нами было зафиксировано три молодежных игры: «*в бутылочку*», «*налево-направо*» и «*задвэрнык*». Все эти игры любовного характера заканчивались поцелуями. В случае, если девушка или парень отказывались целоваться, то *ватаг* наказывал ударом ремня. Необходимо отметить, что в эти же игры молодежь играла и на молодежном вечере в предсвадебный период.

Проведение молодежной части вечера обходилось без угощений. В полночь молодые люди расходились, оставались лишь около 10–15 человек — *приглашени*, из числа наиболее близких друзей и подруг, и обязательно ватаг. Ближе к полуночи в доме новобранца собирались взрослые — женатые родственники, соседи, друзья родителей, кумовья — и накрывались столы. Этот вариант проводов на службу сохранился лишь в ст. Старотитаровской.

После угощения молодежь расходилась, а за столом оставались взрослые. Поведение молодого казака во время прощального ужина, когда за столом оставались взрослые, строго регламентировалось. За столом неженатый казак сидел в святом углу, между отцом и матерью: «*На пэрвом мисти, возли иконы, як жиных и нивеста, так и вин, со своей невестой. Еси есть нивеста, вона тихо так сида, тико бис шубы. Там шубу пидстилалы, молодим. А ти так на лавочки*». И. Прийма отмечал, что провожающий должен был каждому поднести стакан водки и вина: «Угощаемые мною гости высказывали мне свои добрые пожелания — благополучной дороги, успешной службы и счастливого возвращения. Дяди давали мне

[1] Там же.

более или менее пространные наставления, стараясь предостеречь меня от возможных ошибок и опасностей. У каждого из них был большой жизненный опыт, и они теперь старались передать мне крупицы этого своего добра» [4, с. 70].

Важно отметить, что первые три рюмки спиртного всем гостям наливал отец новобранца, при этом обходя все столы: «*Атец налыва, налыва, налыва до трех рюмок. А потом становэ, а тада у нас була водка, а як отец провожалы братив, мы провожалы, так там динатурат був. И вин читвертя ти становэ: "А тэпэр, — кажэ — кажин сам"*»[1]. Важным этапом застолья являлся выход отца к гостям с подносом. Со словами «На коня!» он обходил каждого, при этом приглашенные клали на поднос деньги: «*Деньги на коня! Выпылы раз, выпылы два, за третим разом — давай на коня! Хто выходыв. По-моему, хоть систра, хоть брат, от таки. …На коня. Сразу за третей рюмкой: "Давайте на коня!" А той тада ш деньги каки булы, той рубль, той два, той тры рубля. Тада дороги деньгы булы. Накыдають!*»[2]. Эти деньги несколько компенсировали траты семьи на снаряжение казака на службу.

Затем каждый из присутствующих старших мужчин давал наказы и благопожелания: «*Чтоб служил, уже отслужил, нотацию ему: "Смотри, то-то, то-то, то-то". Подсказывали, что не надо, как в армии лучше служить. Чем лучше выполняешь все приказы и указы, никогда ты не будешь виноватый*»[3]; «*Старики там или дедушка: "Смотри, нас не подведи!". И я своих внуков провожал: "От пухлого не отставай! С голоду помрёшь!"*»[4]. Для каждого благопожелания старших новобранца специально приглашали к столу: «*Да. Мы ему желаем, за него пьём, приглашаем его до стола, давай сынок, шоб ты служил*»[5].

Нередко гости просиживали за столом всю ночь, предаваясь воспоминаниям о былых временах и военных победах. Беседы прерывались песнями. Можно отметить, что песенный репертуар также был

---

1 ПМ КФЭЭ-2015. КК, Горячеключевской р-н, ст. Черноморская. Инф.: Маторина М. К. (1929 г. р.).

2 Там же.

3 ПМ КФЭЭ-2008. А/К № 3991. КК, Горячеключевской р-н, ст. Саратовская. Инф.: Евтушенко Н. М. (1927 г. р.).

4 ПМ КФЭЭ-2010. А/К № 4255. КК, Горячеключевской р-н, ст. Имеретинская. Инф.: Терентьев М. Г. (1928 г. р.), Шкурко М. В. (1930 г. р.).

5 ПМКФЭЭ-2008. А/К № 3910. КК, Горячеключевской р-н, ст. Бакинская. Инф.: Сенявская М. Я. (1925 г. р.), Сенявский Г. Е. (1922 г. р.).

довольно определенным: большая часть текстов сюжетно связана с тяготами казачьей службы, разлукой с семьей, военными темами. Многие из этих песен были сугубо мужскими. Тем не менее на Кубани выделилась группа песен, приуроченных именно к проводам. Среди наиболее широко распространенных, которые встречаются и на территориях других казачьих войск, — «Последний нонешний денёчек», «Конь боевой с походным вьюком», «Прощай, любезная станица», «Провожала маты сына у солдаты», «За лесом сонце воссияло», «Вышел пастух ва лужок», «Як сидив кочет на воротах», «Ой там пры далыни там жила вдова», «Прощай станыця, горад Кавказ» и др.

Утром гости вновь сходились ко двору казака. Все садились за стол и завтракали, после чего выходили во двор, где родители благословляли сына на добрую службу. Мать держала в руках хлеб с солью, отец — икону (во время благословения они трижды ими менялись). Молодой казак стоял перед ними на коленях на шубе, вывернутой мехом вверх, «*шоб не голо служить ему было*»[1]. Родители, благословляя сына на добрую службу, желали ему благополучного возвращения. «*Тада ж жизнь була така, совецка, шо-та надо було. Но так пырыхрыстылы, пэрыхрыстылы, ну благословылы*»[2].

Казак поднимался с колен, целовал икону, хлеб и руки родителей. Мать одевала сыну крестик: «*Вешалы крест, и даже вроде этат крест заговарывалы ат пули*»[3], или медальон (чаще всего с изображением Николая Угодника или Георгия Победоносца) и трижды говорила: «*Господи благослови. О цэ тоби идти в пути, Господь впэрэди, Матирь Божа с ными, а ты за ными*» [1, с. 106]. А отец давал наказ «*служить чесно, дабрасовесно, выполнять вси приказы камандира… и свово, лошадь, свово друга верного жалей, ухаживай, — наказ давал, — это тебе будет щасте*»[4], и вручал узелок с родной землей[5]: «*Я даже пошёл на войну и мне мать дала иконку, ещё там ходил на войну и брат её, материн, и много. Она и мне да-*

---

1 КФЭЭ-1995. А/К № 812. КК, Северский р-н, ст. Калужская. Инф.: Павленко И. С. (1907 г. р.).

2 См. сноску 1 на с. 42.

3 ПМ КФЭЭ-2003. А/К № 2988. КК, Павловский р-н, ст. Незамаевская. Инф.: Бутник П. Г. (1918 г. р.).

4 Там же.

5 ПМ КФЭЭ-1996. А/К № 1002. КК, Тихорецкий р-н, ст. Фастовецкая. Инф.: Бганцов Н. С, Бганцова Л. М. (1925 г. р.).

вала… [Землю] Ну как всегда завязывали у платочек»[1]. Остальные провожающие в это время могли исполнять молитвы «Отче Наш», «Верую», пели «Многая лета»[2].

В некоторых станицах, уже после благословения, казак возвращался в дом за умышленно оставленной вещью. Если в обычной жизни возвращение рассматривается как неблагоприятное для будущих дел явление, то в данном случае считалось, что это поспособствует возвращению со службы. При этом выходил новобранец из дома спиной вперед, поочередно закрывая двери из комнат в «колидор», из «колидора» во двор. Дом новобранец должен был сам закрыть на замок, а ключ отдать родителям[3]. Вариант «возвращения»: «*Я три раза вворачивала. Вот пошёл, толька до калитки, уже выходить. Я гаварю: "Сынок! вернись, иди сюда, бегом, дальше не хади". Пришёл сел, сел ва дваре на стула. Пасидел. Апять: "Иди". Толька, я апять: "Вернися!" И снова. А уже в третий раз он уже пашёл*»[4]; «*Да, да, вэрталы. Шоб вэрнулося. Ну, як любого: "Ванятка, ну-ка вэрныся, ты шось там забув!" Вэрнувся, трошки пройшов, и обратно*»[5].

Вывод новобранца мог быть и таким: «*Платочок ну нывылыченькый, такий нывылыченькый, дае йёму платочок, и вин задом идэ. Вин бэрэ за конэц за одын, маты за другый, и задом выводыла черес порох, и аж за калитку задом. Вона идэ пэрэдом, а вин идэ задом. Цэ для того, як до дому ж идэ ны задом. Вона выводэ за калитку*»[6]; «*Я провожала двоих сыновей. Надо вот выходить, мать ведет за платочек, она спиной, и он спиной идёт. И в калитку*»[7].

Интересны и другие ритуалы, способствовавшие возвращению новобранца. Например, в ст. Саратовской на пороге дома мать, дер-

---

1 ПМ КФЭЭ-2008. А/К № 3911. КК, Горячеключевской р-н, ст. Бакинская. Инф.: Китюх Г. И. (1927 г. р.).

2 ПМ КФЭЭ-1998. А/К № 1524. КЧР, Зеленчукский р-н, ст. Сторожевая. Инф.: Кольцова А. И. (1895 г. р.).

3 ПМ КФЭЭ-1998. А/К № 1708. КЧР, Зеленчукский р-н, ст. Кардоникская. Инф.: Швыченко Ф. Д. (1926 г. р.), Мисюрина Н. В. (1931 г. р.).

4 ПМ КФЭЭ-2006 А/К № 3549. Респ. Адыгея, Гиагинский р-н, ст. Келермесская. Инф.: фольк. коллектив.

5 ПМ КФЭЭ-2017. КК, Темрюкский р-н, ст. Старотитаровская. Инф.: Остроух Л. И. (1938 г. р.).

6 ПМ КФЭЭ-2008. А/К № 3899. КК, Горячеключевской р-н, ст. Бакинская. Инф.: Шрамко А. В. (1925 г. р.).

7 ПМ КФЭЭ-2017. КК, Темрюкский р-н, ст. Голубицкая. Инф.: Горобец Т. В. (1958 г. р.), Савченко Т. А. (1961 г. р.).

жа пирожок в руках, обращалась к сыну: «*Откусы, а як вэрныся, доесы*». Откусанный пирожок клали в Святой угол. Или в ст. Келермесской: «*У нас делали так. Вот дают нескалька капеек, эта я тебе даю, эта я тебе занимаю, штоб пришел аттудава и атдал мене долг*»[1]. Уже за калиткой мать давала новобранцу деньги: «*И шоб вин их ныдэ ны тратив. На дорогу шоб було назад доихать*»[2].

Значимым этапом считался выход со двора. Казак должен был выйти только через ворота, при этом некоторые информаторы отмечают, что на воротах расстилали рушник[3]. Первым выходил казак, затем в последовательности: родители, жена (выводя коня), гости. Неженатому казаку коня могли выводить невестка, сестра, младший брат, товарищ или мать: «*Мать выводит, через платочек за уздечку выводит коня: "Я тебя провожаю и штоб я тибя на коню обратно встрела"*»[4]; «*А оце сэстры нэ було, так коня выводыла нэвистка*»[5]. В момент, когда выводили коня, следили за его поведением: «*Примечалы, кинь споткнувся, щастя нэ будэ*»[6]; «*Конь спотыкнется, казак не вернется*»[7]; «*Вин идэ, а голову конь наклонэ обязательно. Ну, значить зна, шо вин идэ служить, зна*»[8]; если конь заржет, то его хозяин со службы не вернется.

На улице казак кланялся на четыре стороны. Также после выхода на улицу он снимал с себя два платочка или рушника и бросал — один вперед, другой назад: «*Платочкы зразу кынэ, як тикы выйжа з города, кынэ напэрэд, а потом кыда назад. ...Шоб вин там ны остався, шоб вэрнувся додому. Идэ вин в дорогу и кынув, додому шоб вэрнувся*»[9]. Кстати, эта традиция, хоть и в трансформированном виде, но продолжала бытовать в 1960–1990-е годы: «*Уже як сидае у машину, или той, тоди вин выкидае (полотенца). Як уже на автобус сив, тро-*

---

1 См. сноску 4 на с. 44.

2 См. сноску 6 на с. 44.

3 ПМ КФЭЭ-2003. А/К № 2986. КК, Павловский р-н, ст. Незамаевская. Инф.: Павловский А. Ф (1913 г. р.), Бондарчук Н. П. (1935 г. р.).

4 См. ссылку 5 на с. 43.

5 ПМ КФЭЭ-2002. А/К № 2598. КК, Брюховецкий р-н, ст. Переяславская. Инф.: Петух В. С. (1921 г. р.).

6 ПМ КФЭЭ-2000. А/К № 2103. КК, Калининский р-н, ст.Старовеличковская. Инф.: Гузик А. Е. (1920 г. р.), Гузик Е. П. (1926 г. р.).

7 Кавказские вести // Кубанские областные ведомости. 1914. 21 января.

8 ПМ КФЭЭ -2004. А/К № 2986. КК, Красноармейский р-н, ст. Староджерелиевская. Инф.: Безворитняя В. Ф. (1912 г. р).

9 Там же.

нувся автобус, чи машина, тоди значит знимае и кыдае из автобуса, цвиты кыдае и оцэ полотенца кыдае. Колы выводымо ж солдата з города, цвиты ж йиому дають, цвиты прыносять, а потом воны стоять там, потом колы садовлять його в путь, тоди йиму цвитив далы, отож полотенца в його навишани, вин сидае в автобус, чи на машину, тикэ трогаиця — вин значит цвиты бросае и бросае полотенца там, ну штук тры полотенца»[1]. В связи с платочками бытовало и такое представление: «*Если невеста ны нравыця комусь, чи систри, чи той, платочок невеста, шо дала: "Выкинь в викно його!" Хтось другый пидбэрэ*»[2]. Оставшиеся полотенца хранились в доме неженатого казака до его свадьбы: «*Йихав вин до самого поезда, а уже в поезд сидать, вин тоди начав розвязывать и мини отдавать, я собрала вси, и як ожэнывся, уже после армии жинывся, и отдала вси*»[3].

Другим действием при выходе казака являлось вручение ему хлеба, которым благословляли: «*Уже колы выпроваживаем йиму хлыбину далы, хлыбину и полотенце, хлыбина ны гола, з полотенцем. Вин тикэ выходэ, з двору выходэ, хто б нэ случився, или если з двору выйшов нэмае, хтось навстричу будэ, вин довжен отдать ту хлыбину и тэ полотенце, обизательно, дэ б нэ встрився, идэ, вин з города выйшов, выпроважаим його, а вин идэ, нэ случився на калитки там..., хто б нэ случився, женщина, пацан, дытына, хто б ему пэрвый нэ встрився, ныхай отдасть ту хлыбыну... мовчкы отдав*»[4]. Интересно, что во время войны, для того чтобы узнать, жив ли казак, ставили на стол булку хлеба и отдельно соль, между ними зажигали свечу и следили — куда свеча наклонится. Если к хлебу — жив, к соли — мертв[5]. Также бытовал запрет на плач: «*У нас мамка даже, провожалы на вийну всих четырёх, и слезинкы ны пустыла. Кажэ: "Нызя плакать када идэ на вийну!" [А почему?] Шоб вэрнувся домой*»[6].

---

1 ПМ КФЭЭ-2004. А/К № 2986. КК, Красноармейский р-н, ст. Чебургольская. Инф.: Винжига И. П. (1926 г. р.).

2 ПМ КФЭЭ-2017. КК, Темрюкский р-н. ст. Старотитаровская. Инф.: Остроух Л. И. (1938 г. р.).

3 ПМ КФЭЭ-2004. А/К № 3098–3099. КК, Темрюкский р-н, ст. Выше-стеблиевская. Инф.: Харченко Е. Т. (1912 г. р.).

4 См. сноску 1.

5 ФЭЭ-87. Старый фонд Б. 150. КК, Мостовской р-н, ст. Бесленеевская. Инф.: Алтухов С. Т. (1912 г. р.), Марченко П. П. (1897 г. р.).

6 ПМ КФЭЭ-2008. А/К № 3983. КК, Горячеключевской р-н, ст. Саратовская. Инф.: Кислова М. А. (1927 г. р.).

В локальной линейной традиции женатый казак садился на коня и, сидя в седле, одевал жене черную шаль — *печальник*. В черноморской традиции *пичальныком*, как уже подчеркивалось, называлось полотенце, используемое при проводах в армию. В линейных станицах так называли головной убор, который женщина носила в праздничные дни в церковь на протяжении всего периода службы мужа: «*Шаль, если сын погиб, уже запрещали носить невестке*»[1].

К площади, где собирались все казаки, неженатого новобранца девушки вели под руки. При этом движение также регламентировалось запретами: «*А было вот место сбора и кого-то взяли на руки, и сказали: "Не берите на руки, пусть идет своими ногами!" Нельзя было качать. Нельзя нести*»[2]. Женатый же сидел на коне, которого вела жена до места сбора, либо она шла рядом с левой стороны, держась за стремя. Процессия провожающих могла выглядеть и так: «Впереди шли в два ряда любители песни — бабы и мужчины. Шли они так, что первый ряд подвигался вперед, обернувшись лицом к певцам второго ряда, который как бы наступал на тех» [5, с. 30]. За песельниками шел казак с женой и родственниками, замыкали процессию ведущие коня сестра или брат.

На площади собирались новобранцы и провожающие. Здесь могли вновь провести молебен. Отсюда, кто пешком, кто сидя на подводах или верхом на конях, станичники направлялись к тому месту, которое исторически в станице было связано с проводами казаков на службу. Вот как описывал это Ф. Я. Щербина: «Впереди двигался артельный воз, у воза возле волов шел артельщик и рядом с ним его жена. Лаврик восседал на возе и ликовал. За возом шли казаки по четыре в ряд с урядником сбоку, за ними шествовали станичный атаман и судья в сопровождении дежуривших в этот день казаков, несших сулею с водкою, рюмки и закуску. Во хвосте, наконец, двигалась довольно значительная толпа родственников и знакомых, провожавших казаков. Главная масса деревянковцев осталась на площади и расходилась по домам. В таком порядке кортеж прошел от церкви по Красной улице до конца станицы. Артельный воз, выехавши за станицу, остановился у околицы. Тут останови-

---

1 ПМ КФЭЭ-1998. А/К № 1466. КЧР, Урупский р-н, ст. Преградная. Инф.: Щелканова Е. Ф. (1913 г. р.).

2 ПМ КФЭЭ-2017. КК, Темрюкский р-н, ст. Голубицкая. Инф.: Горобец Т. В. (1958 г. р.), Савченко Т. А. (1961 г. р.).

лись все. Станичный атаман и судья, выпивши по две рюмки водки — за станицу и за уходивших из нее казаков — и пожелавши счастья и здоровья уходящим, отправились обратно в станицу» [7].

В большинстве станиц данный локус имел и свой топоним, в названии которого прослеживается связь с исследуемым ритуалом: Прощальная балка (ст. Переяславская), Провожательный дуб (ст. Ставропольская), Ридна могылка (ст. Пашковская), Пьяная груша (ст. Абхазская). Границей этого ритуально значимого места мог выступать сад: «*И о цэ тут було, дэ мы живэм, тут знаитэ якэ було мисто. Як садочок, груши булы. Прямо сад був. Цэ называлы до Малой Убынкы. О цэ их сюды. Дальше уже не провожають, тут прощаюца*»[1]; в ст. Абхазской — поляна «Пьяная груша»: «*А там, значит, провожают. Там есть поляна Пьяная Груша. Чрез поле большая была груша. И вот тада всей станицей, все родственники заходят туда последний раз. Чарку на коня и потом уже пошёл служить. А те возвращаются до дома*»[2]. В ст. Кутаисской границей являлся дуб, на котором висела икона: «*Провожалы в край станыци, сюда дороги нэ було, у нас дорога була. И на войну провожалы в край станыци, був дуб, старый дуб. И церковь була. И повисылы там икону. Цэ вжэ росказуют нам. Икона була. И там благословылы мужикив яки шлы на хфронт, шоб оставалыся живи. И солдат в армию провожалы, туда провожалы, до того дуба*»[3]. Таким знаковым объектом мог быть курган («*Вот там речка бежит, за речку на бугор выходют, выпивают, там прощаюца и от это паехали верхамы*»[4]) или камень («*И вот туды, вона вниз, там у нас на низу был мост. Щас ево уже как кладка сделана. И тама бальшой камень стаит. И там вседа, дак туда сведуть, па Урупу праважали*»[5]).

На этом месте / границе вновь повторялась процедура прощания, что называлось «погладить дорожку» [5, с. 30]: «Все уселись в большой кружок на траве. Артельщик достал объёмистый “баклаг”

---

1 ПМ КФЭЭ-1995. А/К № 895. КК, Северский р-н, ст. Убинская. Инф.: Леутская М. И. (1906 г. р.).

2 ПМ КФЭЭ-2010. А/К № 4255. КК, Горячеключевской р-н, ст. Имеретинская. Инф.: Терентьев М. Г. (1928 г. р.), Шкурко М. В. (1930 г. р.).

3 ПМ КФЭЭ-2015. КК, Горячеключевской р-н, ст. Кутаисская. Инф.: Третьякова З. И. (1938 г. р.).

4 ПМ КФЭЭ-1998. А/К № 1691. КЧР, Зеленчукский р-н, ст. Кардоникская. Инф.: Могильный М. Я. (1899 г. р.).

5 ПМ КФЭЭ-1998. А/К № 1466. КЧР, Урупский р-н, ст. Преградная. Инф.: Щелканова Е. Ф. (1913 г. р.).

с водкою и несколько рюмок, кой-кто вынул из карманов свои чарки. Появились хлеб и свиное сало, неизбежные пирожки и пампушки. Началась легкая закуска с возлиянием. Это "гладили дорогу" уходившим казакам» [7]. Уезжающие на службу и провожающие их выпивали по чарке «за каждое из трех желаемых событий: за благополучную дорогу, за успешную службу и за счастливое возвращение» [4, с. 73]. Гости, которые участвовали в проводах, возвращались в дом новобранца и продолжали застолье — «гладили дорожку».

В качестве оберега могли использовать землю, которую казак должен был взять на границе станичного юрта — обжитого, человеческого, своего — с чужим, неосвоенным пространством, а затем засыпать ее себе за воротник: «...родная земля сохранит тебя от погибели и приведет живым туда, откуда она взята» [4, с. 71]. Другими оберегами считались различные молитвы, зашитые в одежду, папаху, гадючья кожа, зашитая в казачий пояс[1].

В советский период многие элементы обряда проводов на службу сохранялись, продолжают жить они и сегодня, например, повязывание / прикалывание платочков, благословение родителей, обед, одевание крестика и др. Объяснением тому могут служить слова информантов: «*С солдатом всему веришь, хоть бы отслужил. Поэтому делали всё*»[2].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бондарь Н. И.* Воины и хлеборобы (некоторые аспекты мужской субкультуры кубанского казачества) // Православие, традиционная культура, просвещение. Краснодар, 2000. С. 92–119.

2. *Елисеев Ф. И.* Первые шаги молодого хорунжего / Сост., науч. ред., предисл., прилож., комм., подбор илл. П. Н. Стрелянов (Калабухов). М.: Рейтар, 2005. 303 с.

3. *Попко И. Д.* Черноморские казаки. Краснодар, 1998.

4. *Прийма И. Я.* Мои воспоминания // Родная Кубань. 1999. № 1. С. 62–97.

5. *Скобцев-Кондратьев Д.* На службу // Россія. Париж. № 7. 15 октября 1930 г.

---

1 ПМ КФЭЭ-2003. А/К № 2986. КК, Павловский р-н, ст. Незамаевская. Инф.: Павловский А. Ф. (1913 г. р.), Бондарчук Н. П. (1935 г. р.).

2 ПМ КФЭЭ-1998. А/К № 1708. КЧР, Зеленчукский район, ст. Кардоникская. Инф.: Швыченко Ф. Д. (1926 г. р.), Мисюрина Н. В. (1931 г. р.).

6. Словник української мови: в 11 т. / АН УРСР. Інститут мовознавства; за ред. І. К. Білодіда. К.: Наукова думка, 1970–1980.

7. *Щербина Ф. Я.* Пережитое, передуманное и осуществленное: В 4 т. / Сост., вступ. ст. и науч. ред. В. К. Чумаченко. Каневская, Краснодарский край: Сальников П. В. 2008–2011.

V. V. Voronin

THE RITUAL OF SENDING A COSSACK TO MILITARY SERVICE IN THE KUBAN TRADITION

Annotation. The military service of a Cossack has always been considered as the basis of his way of life. The presence in the Cossack tradition of two "worlds" — military and civil — interconnected and at the same time quite independent, predetermined the existence of a number of rituals concerning the transition of the Cossack from one to the other. First of all, this is the departure of the Cossack to the service. This complex is close to the Russian recruiting rite, but in the Cossack culture it has a number of significant differences (for example, the repeated repetition of the rite during the life of a Cossack). The article analyzes ethnographic materials on the Kuban Cossack tradition.

Key words: Kuban, Krasnodar Krai, Kuban Cossacks, seeing off a Cossack for service, ritual, military way of life

О. Г. Никитенко

ПРОСОДИЯ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЗИТЕЛЬНОГО ПЕНИЯ КАЗАКОВ ВЕРХНЕГО ДОНА

Аннотация. В статье анализируется влияние фразовой просодии на музыкально-интонационный строй казачьих песен. Автор рассматривает взаимосвязи мелодической интонации и артикуляции исполняемых фольклорных образцов, которые убедительно подчеркивают и проявляют эстетическое достоинство аутентичной манеры пения. Наиважнейшую роль в ней играет слово.

Ключевые слова: песенная традиция донских казаков, культура народного пения, современные молодежные коллективы, просодия в пении

Многолетний опыт работы с фольклорным песенным материалом донских казаков и внедрения его в исполнительскую практику современных молодежных коллективов выявил существенные проблемы освоения аутентичных образцов исполнителями. На мой взгляд, они кроются в недостаточной разработке методик овладения фольклорным материалом. Отсюда и непонимание молодыми певцами глубины содержания традиционных песен, неумение вслушаться в напевность стихотворной речи, осмысленно прочитать текст, понять фонетические оттенки диалектной речи и пения. Все перечисленное создает определенные трудности на первом этапе освоения песенного материала донских казаков.

Решение проблемы видится в наработке знаний о фонетической природе традиционных песен, аутентичной артикуляции, речевой основе изучаемой локальной песенной традиции, выразительных средствах просодии в исполнительской культуре мастеров-песенников.

В энциклопедическом словаре просодия определяется как термин греческого происхождения: προσωδία — ударение, припев. В современной лингвистике просодия рассматривается как система фонетических средств, реализующихся в речи. Просодия как раздел фонетики изучает особенности произношения в речевом потоке ударных и неударных, долгих и кратких звуков, при

этом проявляется высота, сила, интенсивность, длительность, глоттализация (форма артикуляции, при которой звуки образуются одновременным сужением или закрытием голосовой щели), типы примыкания согласного к гласному и другие признаки, являющиеся дополнительными к основной артикуляции. Элементы просодии в речевом потоке выполняют важную смыслоразличительную роль.

Ранее в ряде исследований по фонетике термин «просодия» был синонимичен термину «интонация», оба они определяли функциональную систему суперсегментных средств языка. В трудах основоположников отечественной фонологии Льва Владимировича Щербы, Алексея Матвеевича Пешковского, Льва Рафаиловича Зиндера, Маргариты Ивановны Матусевич и других ученых раскрывается сложная природа речевой интонации, образующейся в результате взаимодействия ряда фонетических свойств: высоты, силы, длительности фонем и тембра звука [см.: 1; 2; 3; 5; 9].

Интонационные и звуковые подъемы и спады, смысловые акценты, насыщенные тембры в речи и пении казаков заставляют задуматься о яркой речевой выразительности носителей песенной культуры. Необходимо помнить, что дикция, звукообразование, дыхание, фразировка, правильная певческая установка — элементы одного целого. В пении важен не только голос, но еще и то, о чем поет исполнитель и что он хочет сказать слушателю, подчеркивая при этом глубину воплощаемых произведений и стремясь к внутреннему проникновению в характер песни. Как сказала во время беседы в экспедиции Н. Ф. Богданова из Новоаннинского района Волгоградской области, «*слава́ нада харашо выгаваривать, а то не узнать, аб чём песня играится*». Добавим сюда эмоцию как своеобразную движущую силу фонации, голосовой энергии певца, эффективно настраивающую его голос на правильную фонационную волну.

В репертуаре многих ансамблей имеются сложные партитуры протяжных песен с широкими распевами, внутрислоговыми вставками, растворяющими текст. Если не знать правил постановки смысловых акцентов в процессе мелодического потока, переливов голосов, то исполнение превратится в демонстрацию сложного, но лишенного смысловой, содержательной стороны музыкального образца.

Нельзя не согласиться с высказыванием Людмилы Васильевны Шаминой: «Можно развить и поставить голос, дать певцу необходимую сумму фольклорных и вокальных знаний и навыков, но, не проникнувшись *психологией* певцов — носителей традиции, их специфическим *мифологическим сознанием*, трудно до конца выявить истинно народную душу в пении» [8, с. 28].

По замечанию профессора Георгия Петровича Сердюченко, исследователя деятельности Александра Михайловича Листопадова, ряд особенностей, присущих казачьей песне на Дону, объясняется, с одной стороны, укладом жизни донских казаков, в основе которой лежит мужское братство воинского сообщества, а с другой — характером исполнения казачьих песен, речевой основой которых являются донские казачьи говоры, имеющие в своей фонетике, словаре и грамматике специфичные для них черты, дающие нам право выделять эти говоры в особую диалектную группу. Но при всем отличии от других русских народных диалектов донская казачья речь своей историей и современным развитием неразрывно и органически связана с общерусским языком [см.: 6].

Каждый диалект имеет свою артикуляционную базу в виде комплекса артикуляционных привычек, создающих языковой «акцент». Этот набор средств произношения включает следующие показатели: положение гортани, губ, языка, мягкого неба, раскрытия рта (челюстного угла) и др.

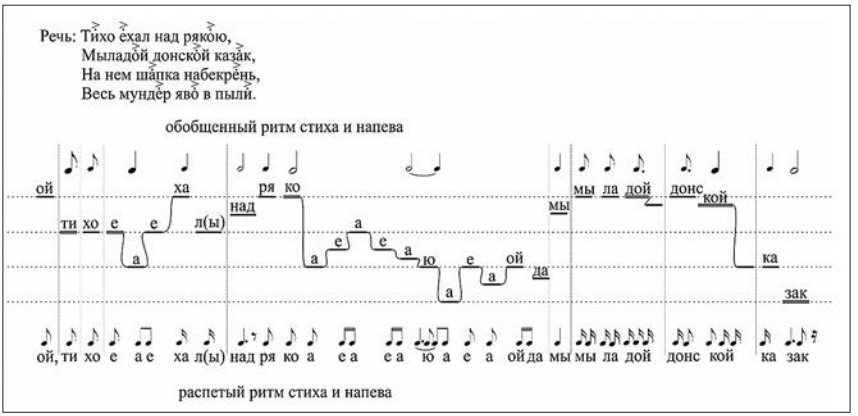
Например:

…Про тибе, наш Дон, ляжыть сла[э]вушка,
Сл[э]ава добр[ы]я, речь высок[ы]я...

…На заре-тъ былъ, эх, на васходи
Былъ сонца краснива;
Антилерия была, ох, да царя рускыва...

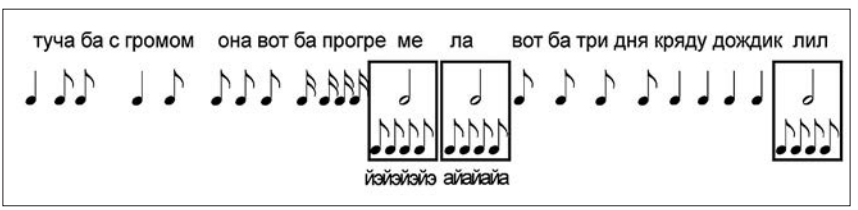
Подчеркнем исключительную важность *ритма* как явления сложного, занимающего особое место в системе фонетических средств языка. В казачьих песнях — как протяжных, так и строевых или плясовых — существует форма ритмической декламации. Для ее исполнения необходимо, прежде всего, выдерживать ритм (и длительности звуков) так же точно, как в пении.

Схема 1



Кроме того, нужно ясно понимать различия между певческим и речевым звуком: вокальный звук твердо удерживает высоту, а речевой, едва ее обозначив, тут же покидает, повышаясь или понижаясь. При этом на акцентном слоге надо стараться удержать фонетическую структуру распеваемого слова.

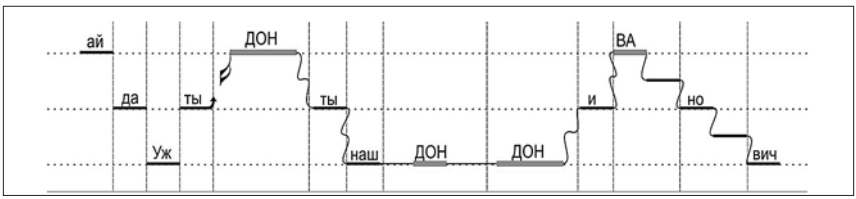
Движение ритма ощутимо не только в плясовых песнях, но и в протяжных, где ритмические биения слышатся в половинных, целых длительностях, которые «распадаются» на более мелкие, как бы дробят, приводят в движение протяженный звук. Подобный прием обостряет ритмическую характерность песни.

Схема 2

Находясь в сильных просодических позициях, слово (как в речи, так и в напеве) имеет артикуляционно отчетливое произношение. Цепочки слогов, составляющие слово, обладают ясной ритмической организацией: один из слогов фонетически выделен (является

ударным), а другие уступают ему по силе, являются безударными. Таким образом, звуковой поток членится на некие ритмические кванты, объединенные вокруг ударных слогов. По мнению Лии Васильевны Бондарко, чаще всего это «тембровые просодии, охватывающие слово как целое, однако наиболее типичным просодическим средством словесного уровня являются ударения, которые реализуются в речепении силой или интенсивностью артикуляции» [2, с. 357].

Не менее важным элементом как в речи, так и в пении являются правильно акцентируемые фразы. Однако в мелодике казачьих песен часто встречаются несовпадения фразовых акцентов, смена ударений в них происходит из-за определяющей роли ритма напева.

Схема 3



Уж, ты Дон, ты наш Дон, Дон Иванович,
Пра тибе, ты наш Дон, ляжить славушка.

Здесь очевидны не только фразовые акценты, фонационные толчки, ударные слоги, требующие четкой артикуляции, особого дыхания, но и, как уже отмечалось выше, бережное отношение певцов к слову, ясному и отчетливому проговариванию его в диалектной форме, что во время пения создает яркую картину локального исполнительского стиля донских казаков.

Певческое мастерство зависит от чуткости и управляемости голосового аппарата — податливости языка, постоянно участвующего в вибрации и выполняющего дополнительные движения, фонетической функции резонаторов, формирования звуков, как в речи, так и в пении, соблюдения фонетического строя казачьих песен. Работа артикуляционного аппарата в народном пении по своей амплитуде тождественна разговорной речи: ничего нарочитого, утрированного, все естественно, просто.

Приведем высказывания замечательных русских педагогов, хормейстеров, фольклористов. Нина Константиновна Мешко в практическом руководстве «Искусство народного пения» отмечает: «Певец должен удерживать в сознании смысл и содержание слов — думать словесным образом, в результате чего у слушателя должно создаться впечатление живой разговорной речи» [4, с. 14]. Лев Львович Христиансен полагает, что исполнителю нужно стремиться именно к разговорной манере пения, так как именно через слово можно донести до слушателя истинное содержание песни, ее подтекст, где каждое слово имеет внутренний смысл, который исполнитель передает через интонацию [см.: 7].

По замечанию филологов, на сегодняшний день не существует единого подхода к разграничению терминов «просодия», и «интонация», однако наблюдается сближение их содержания. Совокупность акустических и фонетических средств в речевом потоке и их наложение на интонационный строй мелодического потока дает возможность более глубокого восприятия традиционной казачьей песни, ее смыслового содержания.

Ни механизмы преемственности, ни законы воспроизведения, возникновения конкретной версии фольклорного текста до сих пор не изучены достаточно полно. Сказывается сложность, многоаспектность этой темы. Тем не менее современный научный уровень представлений о вокальном исполнительстве позволяет, на наш взгляд, не только описать его законы, но и найти вполне конкретные ответы на вопрос о том, насколько и с какой степенью точности можно следовать логике устной культуры в рамках современного коллектива, называющего себя фольклорным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бондарко Л. В.* Звуковой строй современного русского языка: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности «Рус. яз. и лит.». М.: Просвещение, 1977. 175 с.

2. *Бондарко Л. В.* Ударение // Русский язык: энцикл. / гл. ред. Ф.П. Филин. М.: Сов. энцикл., 1979. С. 357–358.

3. *Матусевич М. И.* Современный русский язык: Фонетика: учеб. пособие для пед. ин-тов по специальности «Рус. яз. и лит.». М.: Просвещение, 1976. 288 с.

4. *Мешко Н. К.* Искусство народного пения: практическое руководство и методика обучения искусству народного пения. Ч. 1. М.: , 1996. 42 с.

5. *Пешковский А. М.* Избранные труды / подгот. к печ., вступ. ст. и коммент. И. А. Василенко, И. Р. Палей. М.: Учпедгиз, 1959. 250 с.

6. *Сердюченко Г. П.* О художественно-выразительных средствах донской казачьей песни // Листопадов А. М. Песни донских казаков. М.: 1954. С. 315–357.

7. *Христиансен Л. Л.* Работа с народными певцами // Христиансен Л. Л. Избранные статьи по фольклору (к 110-летию со дня рождения). Саратов: Саратовская гос. консерватория им. Л. В. Собинова, 2010. С. 54–87.

8. *Шамина Л. В.* Школа русского народного пения. М.: Гос. Фольк. Центр «Русская песня», 1997. 86 с.

9. *Щерба Л. В.* Русские гласные в качественном и количественном отношении. Л.: Наука, 1983. 321 с.

O. G. Nikitenko

PROSODY AS A MEANS OF EXPRESSIVE SINGING OF UPPER DON COSSACKS

Annotation. The article analyzes the influence of phrasal prosody on the musical intonation system of Cossack songs. The author examines the interrelationships of melodic intonation and articulation of folklore samples performed, in which the aesthetic dignity of the authentic manner of singing is convincingly emphasized and manifested. The word plays the most important role in it.

Key words: song tradition of the Don Cossacks, folk singing culture, modern youth groups, prosody in singing

А. А. Петухова

ПЕСЕННАЯ СИСТЕМА СТАНИЦЫ БАКЛАНОВСКОЙ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СПЕЦИФИКИ ТРАДИЦИИ ПОЗДНЕГО ФОРМИРОВАНИЯ

Аннотация. В работе представлены результаты анализа песенного репертуара станицы Баклановской Ставропольского края. Проблематика статьи связана со спецификой песенных систем в переселенческих культурах позднего формирования. Особое внимание уделяется выявлению особенностей этнокультурной системы Баклановской и соотнесению полученных данных с известными сведениями о метропольных и соседних традициях.

Ключевые слова: Ставропольский край, станица Баклановская, казаки, песенный фольклор, музыкальная традиция позднего формирования

Среди актуальных проблем современного этномузыкознания — уточнение сложившихся взглядов на типологию восточнославянских этномузыкальных систем и, в частности, изучение переселенческих традиций позднего формирования. В настоящей работе представлены предварительные результаты исследования песенной системы станицы Баклановской Изобильненского района Ставропольского края, которая относится к таким этнокультурным объектам. Материалом для исследования послужили записи, выполненные в ходе гнесинских экспедиций 1968, 1969, 1970 и 2022 годов[1].

Баклановская расположена на левом берегу реки Егорлык, в северной части Изобильненского района. Этномузыкальную систему станицы отличает жанровое разнообразие и наличие различных музыкально-стилевых пластов, отражающих влияние истории заселения этих земель на становление музыкально-фольклорной традиции Баклановской.

---

[1] Экспедиции ГМПИ им. Гнесиных 1968–1969 гг., собиратели — Л. А. Антипова, И. А. Колотыгина; 1970 г., собиратели — Л. А. Антипова, Е. О. Каджардузова; экспедиция РАМ им. Гнесиных 2022 г., собиратели — А. А. Петухова, У. Генералова, А. Огородникова, В. Седина.

Название станицы и история ее основания связаны с сыновьями солдата-однодворца Ильи Бакланова, выходцами из села Бараново Старооскольского уезда Курской губернии. Братья Баклановы в 1797 году, в период массового военно-казачьего и крестьянского освоения Северного Кавказа, перебрались в станицу Новотроицкую, а затем в 1802 году самовольно отселились и образовали хутор. Во время активной российской колонизации предгорий Кавказа именно однодворцы и беломестные казаки составляли костяк линейных казачьих поселений. Территории, окружавшие Баклановскую, с 1833 года входили в Кавказское линейное казачье войско, однако хутор Баклановский получил статус казачьей станицы лишь в 1917 году [см.: 1][1].

Важным музыкально-фольклорным индикатором принадлежности к казачьему субэтносу являются строевые, походные и исторические песни. В Баклановской к ним относятся музыкально-поэтические тексты «Ты Кубань, ты наша родина», «Ой да вы кубанцы, ой, вы, молодцы», «Из-за леса, леса копий и мечей», «Вспомним, братцы, мы кубанцы», «О чем задумался, служивый» и другие.

Несмотря на позднее обретение казачьего статуса и преследование советской властью в период борьбы с казачеством, сегодня местные жители однозначно относят себя к потомкам казаков, четко осознавая свой социокультурный статус и его престижность в сравнении со статусом жителей окружающих сел — *мужиков, хохлов*. В песенном репертуаре станицы сохранился образец так называемой географической песни, словесный текст которой содержит описание образного восприятия баклановскими станичниками окружающих поселений. Как говорят участницы местного ансамбля, «в этой песне обыгрывали все села наши — “Прошнокоп на горе, по три девки на дворе”». Текст этой песни представляет собой последовательное перечисление станиц и хуторов, которым даются ассоциативные характеристики, при этом используются местные и исторические варианты наименований поселений и их жителей (например, *Прошнокоп* — ст. Прочноокопская[2], *новосёловцы* — жители деревни Новосёловка[3], и др.). Жители Баклановской характе-

---

[1] См.: 60 песен станицы Баклановской в звукозаписях Л. А. Якоби, Л. А. Антиповой, Е. О. Засимовой [1, с. 4]

[2] Станица находится в Новокубанском районе Краснодарского края.

[3] Современное название —Тищенское.

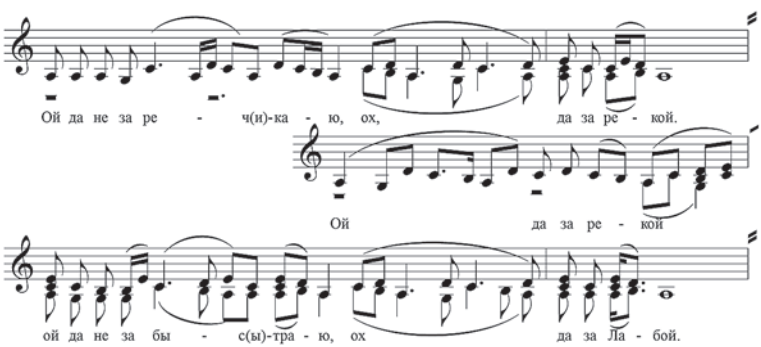
ризуются здесь максимально положительно: *хлебосолы казаки — всё баклановцы.* Добавим, что по музыкальной стилистике напев этой песни примыкает к корпусу плясовых песен.

Центральное место в песенной системе Баклановской занимают лирические песни, доля которых в репертуаре станицы составляет порядка 60 %. Корпус их напевов очень разнообразен в музыкально-стилевом отношении. Ядро его составляет традиционная широкообъемная лирика, представленная напевами со вторичной мелодико-ритмической композицией. Это ряд классических образцов, отличающихся масштабными музыкальными формами с протяженными внутрислоговыми распевами и яркой выразительной мелодикой — «Долина моя была долинушка», «Горы Закавказские», «Вниз по матушке по Волге», «По-над лесом шлях дороженька» и другие.

Наряду с классическими примерами лирической протяжной песни отметим и заметное присутствие в репертуаре станицы образцов более позднего склада — романсов, которые занимают примерно треть в корпусе баклановской лирики. Среди песен позднестилевого пласта есть как музыкально-поэтические тексты фольклорного генеза, например, «Отойди, тоска, на времечко», так и образцы с поэтическими текстами авторского происхождения. К примеру, «Проснётся день красы моей» восходит к первой песне поэмы Д. Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда», песня «Оседлаю я коня» также имеет литературный источник — стихотворение А. В. Кольцова «Песня старика», «За рекой на горе лес зеленый шумит» — стихотворение «Хуторок» того же автора. В настоящее время этот пласт лирики наиболее популярен и любим в станице.

В числе поздних лирических песен есть также и украинские образцы. Среди них — «Ой чьи это волы», «Ой гук, маты, гук», «Спився казак, спився», песня об Устиме Кармелюке, героическом персонаже украинской истории, «Кармалюка хлопец гарный» и другие. Песни украинского происхождения, свидетельствующие о тесных межэтнических контактах, могли войти в местный репертуар в разные исторические периоды. Приосколье, откуда переселились основатели Баклановской, находится в зоне чересполосного русско-украинского заселения, кроме того, регион нынешнего проживания (Ставрополье), как и Кубань, также является полиэтническим, восточные славяне представлены в нем русскими и украинцами, поэтому неудивительно, что среди местных лирических песен можно услышать и украинские.

Позднестилевой пласт лирических песен присутствует едва ли не во всех традициях, в том числе в первичных, однако в позднепереселенческих он масштабнее и с течением времени зачастую вытесняет из репертуара пласт ранней лирики. Присутствие последней в Баклановской зафиксировано в первых гнесинских экспедициях, когда было записано несколько узкообъемных лирических песен. В станичном репертуаре такие примеры значительно уступают традиционным широкообъемным песням, романсам и лирическим песням позднего стилевого склада и составляют не более 5% от всего массива напевов этого жанра. Узкообъемная лирика однозначно не относится к феноменам, возникшим в позднепереселенческой традиции и, скорее всего, является своеобразным реликтом метропольной этномузыкальной системы (см. пример 1). Наличие таких песен у казаков Юга России не уникально, по свидетельству С. А. Жигановой, они встречаются в соседних кубанских традициях, где часто приурочены к календарным сезонам. Обстоятельства исполнения баклановских узкообъемных песен остались неизвестными, а в экспедиции 2022 г. сведения о календарной приуроченности фиксировались уже в отношении песен с более масштабными формами, какова, например, лирическая песня «Во лугах было только во лужочках», которую пели на Троицу.

Пример 1. «Ой да не за речкою, ох да за рекой». Лирическая песня. Ст. Баклановская Изобильненского р-на Ставропольского края. Исп.: Токарева А. В., Кашаева П. М., Дылёва М. Г., Клюшникова Д. М., Евдокимов С. А., Калашников Г. И., Калашников В. И. Зап.: Антипова Л., Колотыгина И., 1968. Архив РАМ CD 5886-(558-559)-14. Нот. Петухова А.

Среди записей 2022 г. выделяется образец с кантовой фактурой, вошедший в репертуар местного ансамбля из церковной среды

(выучили от певчих «старого крылоса») — «На родимую сторонку сокол ясный прилетел». Об этой песне сами участницы коллектива говорят так: «Музыка духовная, слова народные», и исполняют ее в мягкой, нежной манере пения, близкой к стилю исполнения церковных песнопений и духовных стихов. В экспедиции 1968 года также были зафиксированы два образца, исполнявшиеся в подобной манере — лирическая песня «Вот скрылось солнце за горою» и игровая «Дома ль воробей?». Не исключено, что они были исполнены певцами того самого «старого крылоса». Можно предположить, что регент хора разучивал с участниками не только церковные песнопения, но и хоровые обработки русских народных песен, часть из которых сегодня осознается народными исполнителями как местный репертуар.

Фактура баклановских лирических напевов понимается современными народными исполнителями как двухголосная: «Больше на два [поём], бывает третий чуть-чуть», «всю жизнь на два поём». Вместо глагола «петь» певицы ансамбля часто употребляют народный термин *играть*, известный во многих южнорусских традициях, например, по отношению к запевале говорят, что он должен *заигрывать* песню. В ансамбле две основные функции, верхнюю голосовую партию исполнители называют *дишкантом*, нижнюю — *басом*. В баклановских песнях ярко выражено мужское начало, что характерно для казачьих традиций. Сегодня в составе ансамбля нет мужчин, и участницы признают, что *басить* без мужских голосов тяжело: «Казаки [были], тогда же у нас же станица Баклановская была, и они пели хорошо, а сейчас перевелись, мужиков нет. <…> без мужчин вообще тяжело петь, очень! А вот когда мужчины! С ними легче петь, низкий голос [есть] и легче! Есть такие песни, которые вот нуждаются, чтоб мужик пел, чтоб мужской голос был». В сознании участниц коллектива существует звуковой идеал ансамбля, для достижения которого необходим хороший баланс голосов. Его певицы описывают в следующем соотношении: на несколько *басов* (включая мужской голос) должен приходится один *дишкант*.

В баклановской песенной системе календарные песни занимают слабую позицию, о чем свидетельствует наполненность обрядовыми напевами лишь зимнего святочного периода и наличие лирических песен, выступающих в функции сезонного маркера. Все обрядовые календарные образцы исполняются во время многочисленных поздравительных обходов дворов. Начинались они в канун

Рождества, когда группы ряженых детей и взрослых *колядáкали* — посещали дома с пением колядок и благопожеланиями. В детский репертуар входили простые напевы речитативного склада, например, «Коляда-коляда, я у бабушки одна». Группы взрослых исполняли более сложные напевы песенного типа интонирования. Интересно, что при поздравительных обходах в канун Рождества компании старшего поколения исполняли духовный стих «Как на речке на Ердане», подходящий по поэтическому содержанию. Сюжет этого стиха вообще часто используется в щедровках. Когда завершался обход *колядáк*, продолжавшийся с полуночи до утренней зари, группы мужчин отправлялись *рожествú́ть, Христа прослáвить*. Мужчины при обходе дворов с поздравлениями и благопожеланиями исполняли народные версии церковных песнопений — тропаря и кондака Рождества Христова.

В канун Старого Нового года группы детей и взрослых обходили дома с щедровками. Часть их напевов представляет собой детские короткие песенки — «Щедровочка щедровала» и проч., другая часть — образцы с более сложным композиционным и звуковысотным складом, например «Как ишёл Исус Христос вечеряти». Утром Старого Нового года преимущественно мальчики обходили дворы с новогодним обрядом-посеванием (*тороро́хать ходили*) — обсыпали дом зерном с пением посевальных песенок и благопожеланиями на будущий год. Хозяева щедро одаривали участников всех зимних обходов конфетами, деньгами, салом.

Такая картина календарного цикла — оформление обрядовыми напевами лишь святочного периода, использование напевов духовных стихов и лирических песен в функции календарного маркера других сезонов — очень характерна не только для местной этномузыкальной системы, но и для южнорусских поздних переселенческих традиций в целом.

В станице Баклановской вплоть до 1980–1990-х гг. сохранялся традиционный свадебный ритуал, а среди обрядовых песен свадебные составляют большинство. Баклановский свадебный обряд относится к южнорусскому типу и на структурном уровне находит общность со свадебной традицией линейных казаков. Сценарий ритуала насыщен многочисленными контактами родов жениха и невесты. Основные его этапы:

– начальный, куда входят сватовство, *своды, двора глядеть*, молодежный вечер;

– свадебный день с циклом обрядов: перевоз приданого в дом молодого (*везут подушки*), приезд жениха и выкуп невесты, благословение молодых, *посад*[1], *овин тушить*, венчание, встреча в доме жениха, свадебный пир, *подымание караваев, повивание молодой*, *дары*;

– второй день, включающий в себя такие яркие обрядовые эпизоды, как *позывание родителей невесты*, испытание молодой, ряжение участников свадьбы;

– третий день, который, как и основной его обряд, называется *калинку ломать*.

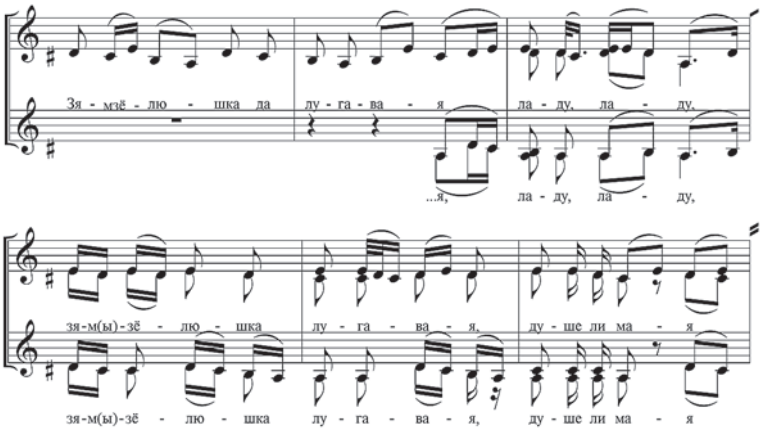
Большинство местных *сва́дьбишных* песен имело строгую закрепленность за определенным этапом обряда, например, «Осенние ночи, не спал до полночи» пели на сватовстве, «Во горенке, во высоком тереме» — на *сводах*, «Вечор девки пиво варивали» — как везут подушки в дом жениха, «Ой младенький наш Иванушка» — когда жених ехал за невестой, «Ой Анина мати мела-мела сени» — на посаде. Песней «Уж ты ягодка красна в зеляном саду росла» *обыгрывали* невесту, «Усе утушки, усе сераи из озер плывут» звучала во время выкупа невесты, «Летели гуси-лебеди через сад» — при увозе невесты, «Не заря моя зорюшка» — когда невесту заводят в дом жениха, «Ой на хате зелья, у хате веселья» — при *повивании* новобрачной, «С поля, с поля и с поляны» — на второй день свадьбы и т. д. Свадебные причитания, как и похоронные, в местной традиции зафиксировать не удалось.

Корпус местных свадебных песен представлен типичными музыкально-ритмическими структурами (например, образцами цезурированных напевов с силлабическим стихом 4+3, 4+4+3, 6+6, а также неравносегментным напевом со стихом $2.3.2_4$), обнаруживает общность со свадебными песнями линейных казаков и, в целом, встраивается в картину южнорусской свадебной традиции. Многие песни, включенные в свадебный ритуал станицы, имеют типичные для юга *алилешные* рефрены. Вместе с тем, такие фактурные характеристики и особенности распевания баклановских свадебных песен, как сложная развитая гетерофония и орнаментальные внутрислоговые распевы не встречаются в линейных станицах и, по всей видимости, отсылают к метропольной южнорусской традиции. Стоит отметить, что указанные фактурные характеристики

---

[1] В современной версии традиционной свадьбы посадом называют обряд отправления невесты в дом жениха.

выявлены лишь у части свадебных песен, зафиксированных в экспедициях ранних лет. На наш взгляд, такие образцы, наряду с узкообъемными лирическими песнями, относятся к начальному периоду формирования местной традиции и имеют особую ценность (см. пример 2).

Пример 2. «Зямзёлюшка луговая». Свадебная песня.
Ст. Баклановская Изобильненского р-на Ставропольского края.
Исп.: Мерзликина Л. С., Греховодова М. Н., Шапринская Л. Я.,
Очкасова А. А. Зап.: Антипова Л., Каджардузова Е., 1970.
Архив РАМ CD 5884-(0574)-5. Нот. Петухова А., Пинюгина В.

В станице Баклановской бытует традиция исполнения поминальных песнопений (духовных стихов) над покойником и во время поминок, получившая развитие в советский период — время закрытия церквей. По своим музыкальным качествам напевы таких песен-псальм объединяют в себе черты церковных песнопений и песен позднего стилевого пласта. Среди текстов поминальных псальм есть как универсальные, исполнение которых не зависит от социального статуса и пола умершего — «Христос с учениками», «Мимо раю блаженного дорожка лежала», «О пресветлая обитель» и др., так и адресованные конкретному человеку, например, матери — «Спи, наша милая мама». Все духовные стихи исполняются ансамблем в характерной манере — тихонечко, мягко. Развитость этого жанра в репертуаре станицы нельзя считать чертой позднепереселенческой традиции, она универсальна для многих регионов и типов этнокультурных систем и является отражением современ-

ного состояния похоронно-поминального обряда. Кроме поминальных песен, в похоронно-поминальном ритуальном комплексе станицы звучат церковные песнопения, среди которых различаются как близкие обиходным («Вечная память»), так и своеобразные народные версии («Святый Боже», «Отче наш»).

В экспедиции 2022 года в Баклановской были зафиксированы частушки под язык на мотив «Кабардинки», сами исполнители называют эти припевки *терскими*, что свидетельствует о культурных контактах с соседней традицией терского казачества.

В песенной традиции станицы Баклановской бытует множество довольно скорых и умеренных по темпу плясовых и шуточных, здесь их называют *игровыми*. Исполняли их на молодежных уличных гуляниях *на кургане, на косячку́*, на собраниях в честь престольного праздника Баклановской — *Николы летнего* — и на любых других общественных и семейных торжествах. Часть *игровых* в Баклановской исполняли *с обыгрыванием*, то есть разыгрыванием сюжета песни. Это «Васенка мой, середенький мой», хороводно-игровая «Ёрш Ершович» и др. В корпусе музыкально-поэтических текстов этой жанровой группы есть образцы украинского происхождения, например, «Який дуб, який дуб, який зелэнэнький», «Да не вырастет выше кропу лебеда» и др., шуточные песни с многосоставными и асемантическими рефренами-абракадабрами, часто встречающимися и в других южнорусских традициях. Таков, к примеру, рефрен *игровой* песни «Да приходи ко мне в понедельник»: *Салавей ва саду: «тюф да тюф!», Канареечка жалобно паёть. Пудер-вудер-вапапудер-вапапидер-вапапа!»* Интересно, что жанровая группа *игровых* баклановских песен содержит довольно мало образцов с *алилёшными* рефренами, характерными для хороводных и плясовых песен многих традиций юга России, практически все они приурочены к свадьбе и определяются народными исполнителями как *сва́дьбишные*. Эта особенность, вероятно, восходит метропольной культуре Приосколья. По наблюдениям исследователей, для песенной системы его южного субареала характерен меньший удельный вес хороводных, ограниченный набор хореографических элементов и форм, приуроченность к свадьбе *алилёшных* хороводных песен [см.: 3, с. 20–21]. Баланс шуточных, неприуроченных и свадебных хороводно-плясовых в жанровой группе *игровых* песен воспроизводит структуру метропольной традиции, а также демонстрирует вли-

яние украинской культуры: кроме поэтических текстов об этом свидетельствует и наличие многосоставных рефренов-абракадабр, характерных и для восточных украинских, и для южнорусских этномузыкальных традиций.

Таким образом, песенный репертуар станицы Баклановской содержит множество компонентов, которые относятся к различным стилевым пластам и восходят к различным историко-культурным регионам, что является яркой отличительной чертой переселенческих традиций позднего формирования. Песенная система Баклановской обнаруживает сходство с этнокультурным массивом линейного казачества, следы влияния украинской и терской культур, вместе с тем, она сохранила и черты метропольной южнорусской традиции — белгородского Приосколья.

ЛИТЕРАТУРА

1. 60 песен станицы Баклановской в звукозаписях Л. А. Якоби, Л. А. Антиповой, Е. О. Засимовой / Ред.-сост. Е. А. Дорохова, Д. В. Морозов. Ставрополь: Ставропольский краевой Дом народного творчества, 2018. 128 с.

2. *Ефименкова Б. Б.* Ритм в произведениях русского вокального фольклора. М.: Композитор, 2001. 256 с.

3. *Кузнецова Н. С.* Свадебный музыкально-этнографический комплекс в песенной традиции верхнего Приосколья. Белгород, Воронеж: АртПринт, 2021. 314 с.

A. A. Petukhova

THE SONG SYSTEM OF THE BAKLANOVSKAYA VILLAGE AS A MANIFESTATION OF THE SPECIFICS OF THE TRADITION OF LATE FORMATION

Annotation. The paper presents the results of the analysis of the song repertoire of the Baklanovskaya stanitsa of the Stavropol Krai. The problems of the article are related to the specifics of song systems in the migrant cultures of late formation. Of particular value is the identification of the features of the ethno-cultural system of Baklanovskaya and the correlation of the data obtained with known information about the metropolitan and neighboring traditions.

Key words: Stavropol Krai, Baklanovskaya stanitsa, Cossacks, song folklore, musical tradition of late formation

С. А. Латышева

СВАДЕБНАЯ ТРАДИЦИЯ СТАНИЦЫ СТАРОПАВЛОВСКОЙ КИРОВСКОГО РАЙОНА СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

Аннотация. В статье представлены материалы по свадебному ритуалу станицы Старопавловской Кировского района Ставропольского края. Исследуемый музыкально-этнографический комплекс, с одной стороны, проявляет общетипологические черты восточнославянской свадьбы-веселье, с другой — выделяется рядом характерных локальных признаков. Самобытно его обрядовое и музыкальное наполнение.

Ключевые слова: Ставропольский край, традиционная культура, терские казаки, свадебный ритуал, свадебные песни и плачи

Кировский район, центром которого является Новопавловск, находится на юге Ставропольского края, на границе с Кабардино-Балкарской республикой, протягиваясь с юго-запада на северо-восток вдоль рек Золки, Малки и Куры. Станица Старопавловская располагается в 12 километрах к югу от районного центра.

Старопавловская относится к числу старейших станиц края, одно из многих звеньев в цепи укрепленных казачьих поселений Кавказской Линии, образованной в первой трети XVIII в. Основание станицы яицкими (уральскими) казаками — участниками Пугачевского восстания, бежавшими сюда после подавления бунта, связывается с 1773 годом. В 1829–1831 годах в станицу были переселены казаки Волгского казачьего полка. Позже в разное время сюда прибывали переселенцы из разных областей России и Украины [см.: 1].

Основой для изучения местной свадебной традиции послужили данные двух гнесинских экспедиций, состоявшихся в 2018 и 2022 гг., а также записи 2014 и 2015 гг., предоставленные сотрудниками старопавловского Дома культуры. Материал зафиксирован от нынешних и бывших участников фольклорного ансамбля «Терские казаки».

Основные этапы старопавловской свадьбы (или, по-местному, *свайбы)* — это сватовство, *своды,* ответный визит родни невесты в дом родителей жениха, подготовительный период (сопровождав-

шийся *посиделками* в доме невесты); обряды кануна свадьбы: перенос в пятницу приданого невесты в дом жениха, в субботу — ритуальное мытье в бане и предсвадебная вечерина в доме невесты; первый день свадьбы с сажанием невесты на *посад*, приездом свадебного поезда, выкупом и увозом невесты, с венчанием в храме, пиром в доме жениха и одариванием молодоженов родственниками; гулянье второго дня и заключительные обряды третьего дня свадьбы.

Этапы станичного свадебного действа, их последовательность характерны для свадьбы-веселья — ритуала восточнославянского Запада и русского Юга [см.: 3]. В старопавловской свадьбе наблюдается свойственное этому типу ритуала соотношение драматургических планов свадебного сюжета (доминирование коммуникативно-обменного над инициационным), а также функциональное равенство локусов двух семейных кланов.

Имеющиеся в распоряжении материалы содержат записи 31 свадебной песни. Не все обрядовые музыкально-поэтические тексты, бытовавшие здесь и упомянутые информантами, удалось зафиксировать. Однако и выявленный репертуар представляется репрезентативным. Обрядовые тексты оформляют наиболее значимые моменты ритуала: от кануна свадьбы до второго дня. При этом ярче всего музыкально выделен центральный этап-эпизод — приезд жениха и встреча двух сторон.

Что касается набора функций и жанровых разновидностей обрядово-песенных текстов старопавловской свадьбы, то это дразнилки, включенные в коммуникацию представителей двух родов, песни прощальной функции, а также песенные образцы, комментирующие определенные обрядовые действия — *посад* невесты, приезд жениха и произошедший выкуп невесты («Чёрная галка на раките сидела / Умная Таня на посаде сидела», «Ехал Ваня мимо тёщина двора», «А наш братец — татарин / Продал сестру за дары»). Иные жанровые разновидности свадебных песен — величальные, каравайные, повивальные — не зафиксированы.

В местной свадьбе доминируют обряды контактов двух кланов и сопутствующие им песни (таковых 23 из 31). Кульминацией этой линии являются торги за невесту, к которым приурочено наибольшее число (треть) песенных текстов (8 из 23).

В инициационном плане, отмечающем переход молодых (в особенности девушки-невесты) в новый статус, значим посад невесты, момент же ее повивания — скромен. Однако эта драматургическая

линия прибавляет в весе за счет наличия в местной свадьбе развитого и насыщенного обрядовыми действиями *ба́енного* ритуала, который характерен для традиций не Юга, а Севера России. Сборы в баню молодежи (невесты с подругами, с одной стороны, жениха с друзьями — с другой) и ее перемещения по станице также отмечены обрядовым пением.

В Старопавловской невеста-сирота или жених-сирота в субботу накануне свадьбы ходили в сопровождении старших родственниц на кладбище. По дороге пелись песни, а на могиле звучали плачи. Вместе с невестой или женихом-сиротой отправляться на кладбище могла специально нанятая *плакальница*, просившая от их лица родительского благословения. Примечательно, что в аннотации-предисловии к диску «Оставляли мы станицу», знакомящему со старопавловской музыкально-фольклорной традицией, его автор, исследователь казачьей культуры Ю. Е. Чирков, упоминает о коллективном свадебном причете, то есть севернорусской разновидности жанра [см.: 9]. Впрочем, фольклорист не приводит его в записи. Гнесинцами же зафиксированы сведения лишь о сольном голошении и крошечный его фрагмент.

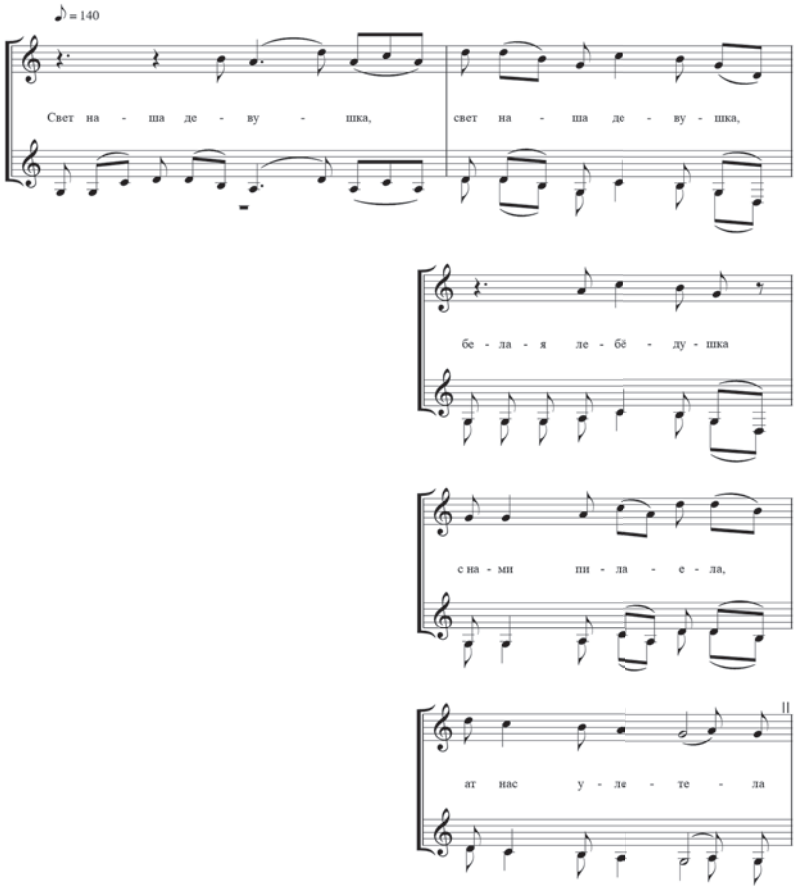
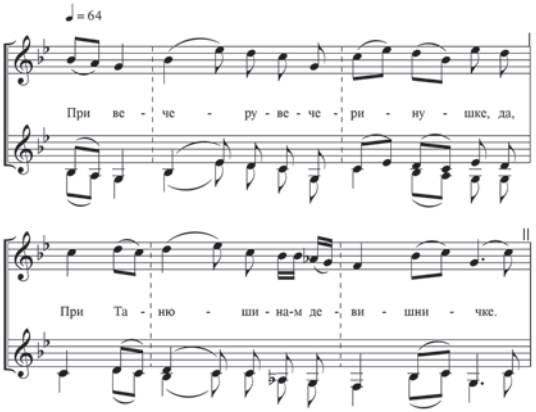
Основной музыкально-драматургический контраст местной свадьбы выражен темповыми средствами: песни коммуникативного плана — подвижные (см. примеры 1, 3), тогда как песни инициационной линии, исполняемые на вечерине и поющиеся девушками утром, когда наряжают невесту и когда ее ведут на *посад*, — медленные (пример 2). Подобная темповая оппозиция типична для свадебных традиций восточнославянского Запада и Юга [см., например: 5; 10].

Напевы большинства свадебных песен станицы относятся к классу цезурированных форм со стихами силлабического склада. Немногочисленны образцы неравносегментного строения (их пять) с тоническим стихом (см. пример 2) и равносегментные (которых два) со стихом силлабической организации (см. пример 3). Такой перевес цезурированных форм характерен для традиций Русского Юга.

Старопавловские свадебные тексты распеваются по 15 ритмическим моделям, которые приведены в Таблице[1] на с. 73–75.

---

[1] Сокращения: РТ — ритмический тип, КЕ — композиционная единица, СМРФ — слоговая музыкально-ритмическая форма.

Пример 1. Свет наша девушка. Невесту с женихом выводят из-за стола. Ставропольский край, Кировский р-н, ст. Старопавловская. Исп.: В. П. Форова (1941), Г. Н. Бутенко (1970), Г. Г. Долбилова (1957), Л. М. Николенко (1963), В. В. Беленко (1947), Н. А. Гринько (1966), Е. В. Доценко (1967). Зап. Латышева С., Чилахсаев М., Жуковская А., Кулакова О., 2022. Архив РАМ DVD 2571-51. Нот. автора.

Пример 2. «При вечеру-вечеринушке». Поют на девишнике. Ставропольский край, Кировский р-н, ст. Старопавловская. Исп.: Т. Г. Ильинова (1937), Н. В. Кошелева (1957), В. Е. Шабалина (1954), Г. Г. Долбилова (1957), А. С. Усачёва (1938), В. В. Беленко (1947), Н. А. Гринько (1966), Н. Т. Наседко (1940), Е. В. Доценко (1967). Зап. Чилахсаев М., Ключникова О., Кузнецов В., 2018. Архив РАМ DVD 5221-3. Нот. автора.

Пример 3. «Не был ветров». Поет родня невесты по прибытии свадебного поезда жениха. Ставропольский край, Кировский р-н, ст. Старопавловская. Исп.: Т. Г. Ильинова (1937), Н. В. Кошелева (1957), В. Е. Шабалина (1954), Г. Г. Долбилова (1957), А. С. Усачёва (1938), В. В. Беленко (1947), Н. А. Гринько (1966), Н. Т. Наседко (1940), Е. В. Доценко (1967). Зап. Чилахсаев М., Ключникова О., Кузнецов В., 2018. Архив РАМ DVD 5221-13. Нот. автора.

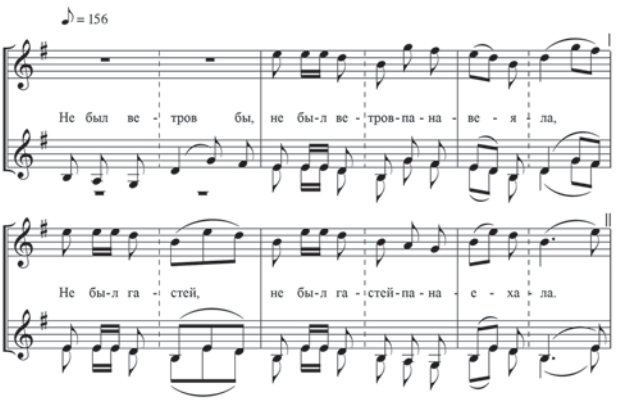
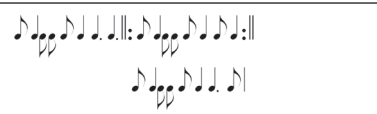
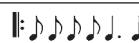
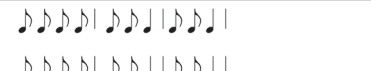
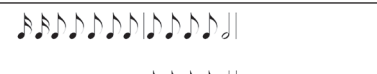
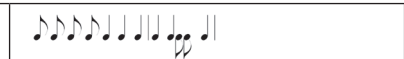
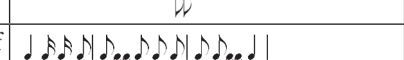
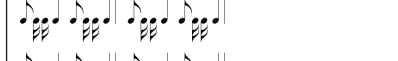
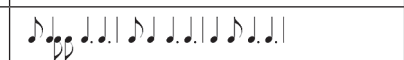
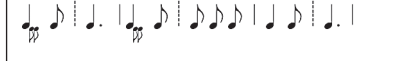
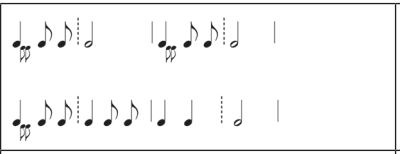
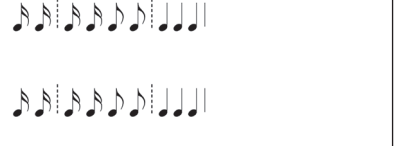
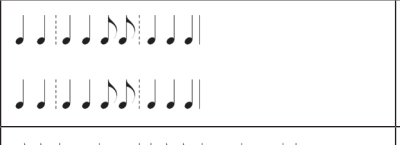
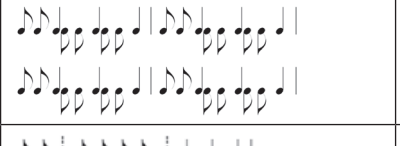
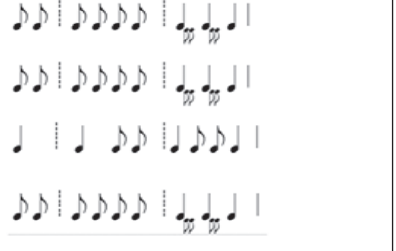



Таблица. *Слогоритмические модели свадебных песен ст. Старопавловской*

РТ	Стих	КЕ	СМРФ	Инципиты	Функции
1	6+6	aa/n		Девушки-подружки, несите подушки; Не приступай, литва; Курил братец местничку; Наш дружко хвалился; Девки муку ели; Свашка-нелипашка; Свет наша девушка; Оглянися, маты; Как на хате зелье; Как у нашего свата; Как у нашей свашки; Продрал котик сперье	***Коммуникативная:*** увоз сундука выкуп невесты выкуп невесты выкуп невесты корение дружка корение свашки выведение пары из-за стола отъезд из дома невесты приход родни невесты на 2-й день корение свата на 2-й день корение свашки на 2-й день поют невесте на 2-й день
2	6+6	ab/cd		У нас сундук новый; Подайтя нам пиво; Погнулися сени	***Коммуникативная:*** увоз сундука увоз сундука родня жениха садится за стол
3	4+3	abb/ cdd		А наш братец — татарин, татарин	***Коммуникативная:*** окончание торгов
4	7+5	ab/b		Ой, да недолго веночку на столике лежать	***Инициационная:*** утром наряжают невесту

5	$7+3_4$	ab/rb		Да спохилое дерево стояло	***Инициационная:*** утром наряжают невесту
6	$4_3+4_5+3_4$	abc/def		Да й летели гуси-лебеди через сад	***Инициационная:*** заводят невесту за стол на *посад*
7	4_6+4_6	ab/cd		Расступись-расступись	***Инициационная:*** пели сироте на кладбище
8	4_5+4 r=4	abr_1/ abr_2		Дубровушка зелёная	***Инициационная:*** сборы в баню
9	$4_5+4_5+6_7$	aab/b		Чёрная галка на раките сидела	***Инициационная:*** на *посаде*
10	3_4+3_4+5	aab/ ccd		Не был ветров — понавеяло	***Коммуникативная:*** встреча двух родов

11	4_5+5	aa/ab		Сад над рекой расстилается	***Коммуникативная:*** отъезд из дома невесты
12	2.3.2	AB (BC…)		Да й подули ветры	***Инициационная:*** пели сироте по дороге на кладбище
13	2.3.2	AB (BC…)		Как у нас было при вечеру	***Инициационная:*** на девишнике
14	(5-7)+ (6-7)	ab/cd		Подари-подари, наших девок не кори; Как у голубя золотая голова	***Коммуникативная:*** торги за невесту жених садится к невесте за стол
15	2.3.2-4	ABRB		Как по садику, по садику; Ехал Ваня мимо тёщина двора; Как во поле травка стелется	***Коммуникативная:*** по дороге к невесте по дороге к невесте

Статус доминантного в местной песенной свадьбе имеет РТ тирадного строения с формулой стиха 6+6 (РТ1), представленный 12 образцами, что составляет более трети зафиксированного репертуара (см. пример 1). Они определяют музыкальный облик старопавловской свадьбы, так как звучат многократно на всем ее протяжении (с пятницы до понедельника). Сопровождающий значимые этапы ритуала, РТ1 является монофункциональным, обслуживая коммуникативные ситуации — увоз сундука невесты в преддверии свадьбы, торги во время основной встречи двух партий и их взаимодействие на следующий день. Примечательно, что выдвижение различных версий тирад 6-сложной организации в качестве доминантных структур типично для свадьбы на обширных территориях восточнославянского Запада и Юга, например, для ритуала брянского Стародубья, украинских сел Новооскольского р-на Белгородчины, русского и украинского населения Дона [см.: 10–12].

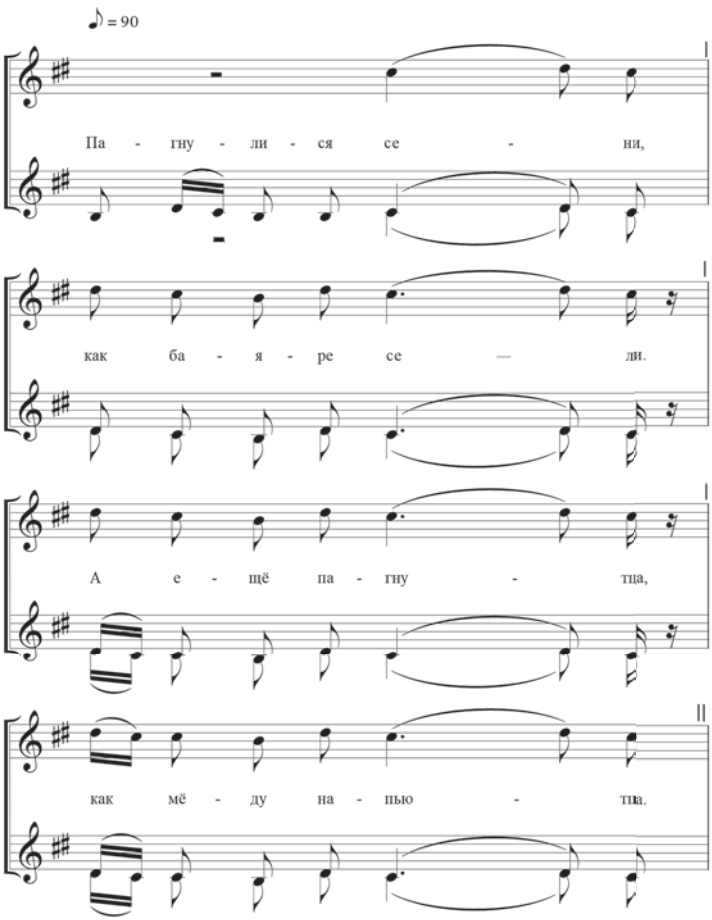
Еще одна политекстовая ритмическая модель старопавловских песен, опирающаяся на 6-сложный стих, — РТ2 (см. пример 4). Координирующийся с тремя текстами, он, как и предыдущий, также монофункционален: оформляет коммуникативные ситуации (увоз сундука невесты и момент, когда родня жениха после выкупа невесты садится за стол).

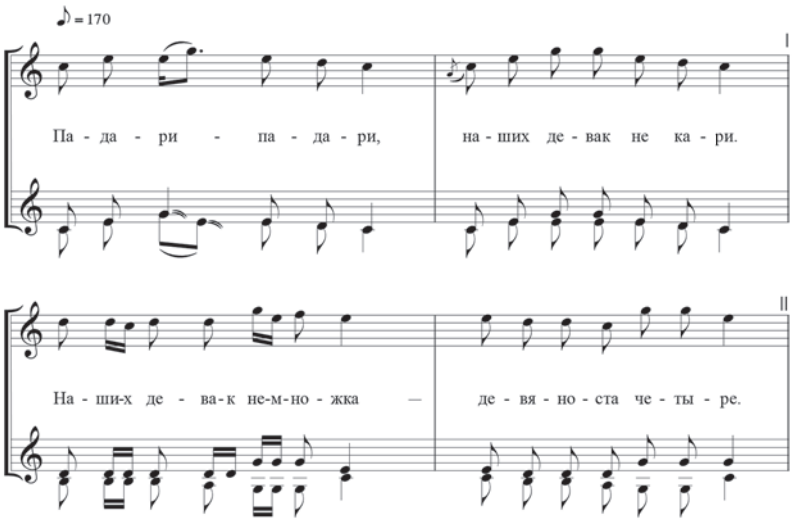
11 ритмических моделей старопавловского свадебного корпуса (РТ3–13) отмечены в единичных песенных образцах. Среди них преобладают те, которые связаны с ситуациями инициационного плана. Как демонстрирует приведенная таблица, песни контактов сторон в основном политекстовые, тогда как все инициационные музыкально-поэтические тексты репрезентированы единичными записями.

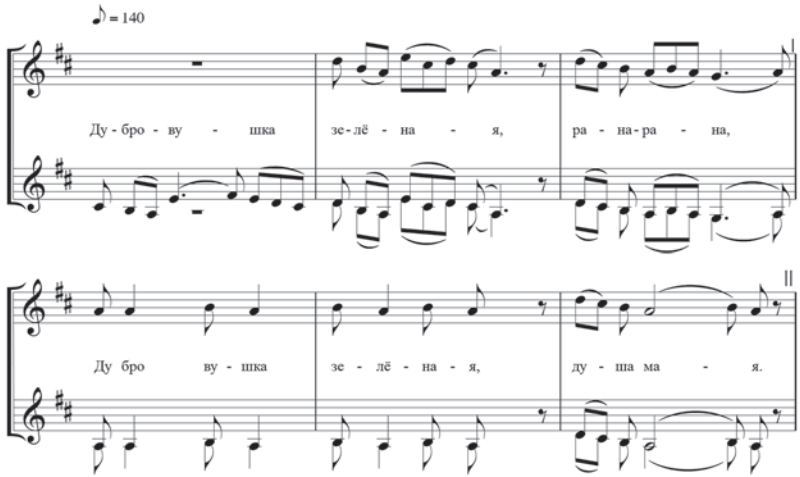
В Старопавловской к торжеству приурочены, помимо свадебных обрядовых музыкально-поэтических текстов, также плясовые. Они представлены цезурированным 8-временником (пример 5) и моделью со стихом камаринской 2.3.2 (РТ14 и РТ15, соответственно). Обе ритмические структуры являются политекстовыми, зафиксированы с двумя-тремя сюжетами.

Для ритмики старопавловских песен характерна троичная система счисления: как для цезурированных (относящихся к РТ1, РТ7, РТ8, РТ9), так и для равносегментных образцов, принадлежащих РТ10. Показательно, что она свойственна 16 песням — более чем половине зафиксированного репертуара.

Пример 4. «Погнулися сени». Родня жениха садится за стол после выкупа невесты. Ставропольский край, Кировский р-н, ст. Старопавловская. Исп.: Т. Г. Ильинова (1937), Н. В. Кошелева (1957), В. Е. Шабалина (1954), Г. Г. Долбилова (1957), А. С. Усачёва (1938), В. В. Беленко (1947), Н. А. Гринько (1966), Н. Т. Наседко (1940), Е. В. Доценко (1967). Зап. Чилахсаев М., Ключникова О., Кузнецов В., 2018. Архив РАМ DVD 5221-20. Нот. автора.

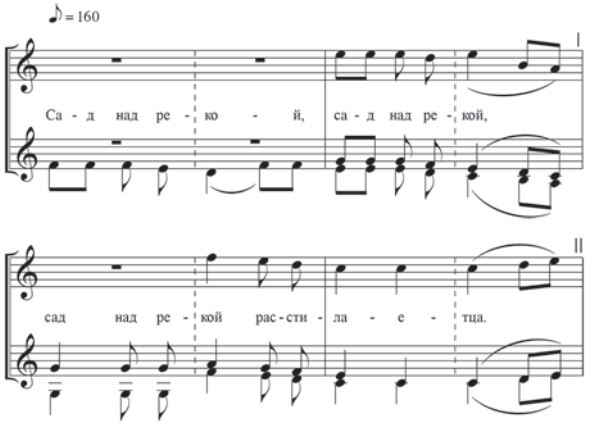


Пример 5. «Подари-подари, наших девок не кори».
Поет сторона невесты во время торгов.
Ставропольский край, Кировский р-н, ст. Старопавловская.
Исп.: Т. Г. Ильинова (1937), Н. В. Кошелева (1957),
В. Е. Шабалина (1954), Г. Г. Долбилова (1957), А. С. Усачёва (1938),
В. В. Беленко (1947), Н. А. Гринько (1966), Н. Т. Наседко (1940),
Е. В. Доценко (1967). Зап. Чилахсаев М., Ключникова О.,
Кузнецов В., 2018. Архив РАМ DVD 5221-21. Нот. автора.

Остановимся на отдельных ритмических структурах старопавловского песенного корпуса, начав рассмотрение с РТ1. Вообще свадебные песни-тирады 6-сложной организации имеют широкое распространение на восточнославянском Западе: это значительная часть Украины, юг Беларуси, а также прилегающие западные и южные территории России [см.: 7, карты 2 и 4]. В столь обширном ареале встречаются разные версии тирадной структуры, которые отмечены разнообразием ритмизации и композиционного воплощения базовой модели. Ямбические тирады с 6-сложной основой (среди которых, впрочем, нет образцов в троичной системе с двумя долгими концевыми временами) известны преимущественно в западной зоне Западного региона. РТ1 — раритетная для Юга России форма. Обращает на себя внимание ее концевой ритмический рисунок, отличный от известных типовых формул 6-сложника — четверть с точкой и восьмая. Подобная ритмизация двух последних силлабохрон

Пример 6. «Дубровушка зелёная».
Поют в субботу, когда девушки носят воду в баню,
ходят к жениху за мылом и после бани несут кисеты
жениху, его другу и родственникам.
Ставропольский край, Кировский р-н, ст. Старопавловская.
Исп.: Т. Г. Ильинова (1937), Н. В. Кошелева (1957),
В. Е. Шабалина (1954), Г. Г. Долбилова (1957), А. С. Усачёва (1938),
В. В. Беленко (1947), Н. А. Гринько (1966), Н. Т. Наседко (1940),
Е. В. Доценко (1967). Зап. Чилахсаев М., Ключникова О.,
Кузнецов В., 2018. Архив РАМ DVD 5221-8. Нот. автора.

встречается и в других моделях старопавловских песен — в РТ2 и РТ8, в которых возникают концевые ритмические рисунки, выделяющиеся на фоне типовых формул 6- и 4-сложников.

Что касается РТ8, то ритмическая модель с данной формой стиха распространена во многих западно- и южнорусских свадебных традициях в двоичной версии. Местная же версия — троичная (пример 6). Аналогичные образцы в троичной системе встречаются также в свадебных песнях донского казачества.

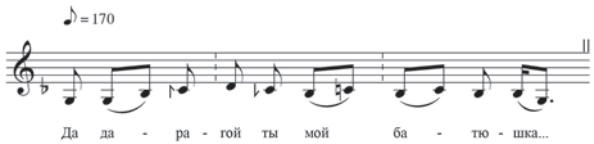
Среди ритмических форм старопавловских свадебных песен выделяются два равносегментных образца. В первом из них сегменты имеют 3-временную величину (пример 3), во втором — 4-временную (пример 7). Первый музыкально-поэтический текст по своему строению корреспондирует со свадебными песнями западного региона, бытующими в бассейне Западной Двины (причисляемыми к РТ, условно названному Б. Б. Ефименковой «Вишенка»). Второй соотносит-

Пример 7. «Сад на рекой расстилается».
Невеста с женихом покидает дом родителей.
Ставропольский край, Кировский р-н, ст. Старопавловская.
Исп.: Т. Г. Ильинова (1937), Н. В. Кошелева (1957),
В. Е. Шабалина (1954), Г. Г. Долбилова (1957), А. С. Усачёва (1938),
В. В. Беленко (1947), Н. А. Гринько (1966), Н. Т. Наседко (1940),
Е. В. Доценко (1967). Зап. Чилахсаев М., Ключникова О.,
Кузнецов В., 2018. Архив РАМ DVD 5221-24. Нот. автора.

ся со свадебными песнями Севера, Поволжья, Закамья (обозначается Б. Б. Ефименковой как РТ «Вьюн») [4, с. 127–130]. Для южнорусских традиций такие музыкально-поэтические тексты в целом не характерны, хотя они и известны, например, в приокской (Орловская область) и приоскольской (Белгородская область) свадьбе [см.: 2, с. 123].

Имеющаяся в распоряжении запись фрагмента плача невесты-сироты (пример 8) позволяет если не предполагать, то не исключать, что и далее он мог бы интонироваться так же, по севернорусской ритмической модели с тоническим стихом 2.2.2:

Насколько можно судить по материалам гнесинского архива, аналогичный старопавловскому набор ритмических форм в целом и ямбические тирады, в частности, не характерны для других станиц Кировского района, записи свадебных песен из которых в нашей коллекции, впрочем, малочисленны и демонстрируют лишь единичные пересечения.

Примечательно, что в песнях старопавловской свадьбы мало рефренных композиций — всего 5 образцов (РТ5, РТ6, РТ15), что

Пример 8. «Да дорогой ты мой батюшка».
Плач невесты-сироты при посещении в субботу кладбища.
Ставропольский край, Кировский р-н, ст. Старопавловская.
Исп.: Е. С. Клюева (1925). Зап. Чилахсаев М., Ключникова О., Кузнецов В., 2018. Архив РАМ DVD 5224-426. Нот. автора.

выделяет ее среди свадебных традиций русского Юга, где преобладают поэтические формы с рефренами.

Что касается многоголосия, то старопавловским свадебным напевам присуща гетерофония с незначительным расслоением голосового пласта. Как демонстрируют приведенные ранее примеры, в фактуре песен имеется также верхняя исполнительская версия, дублирующая основную певческую партию в октаву. Подобные формы встречаются в различных регионах России. Пение женщин «тонкими» голосами распространено на Дону, в большей же степени противопоставление групп высоких и низких женских голосов соответствует песенным образцам Русского Севера, среднего и нижнего Поволжья. Возможно, в двухрегистровой гетерофонии старопавловских свадебных песен прослеживаются исторические связи местного населения с указанными территориями.

В заключение следует отметить, что старопавловский музыкально-этнографический комплекс, с одной стороны, проявляет типологические черты восточнославянской свадьбы-веселье, с другой, — выделяется рядом характерных локальных признаков. Самобытно его обрядовое и музыкальное наполнение. Специфика обнаруживается на ритмическом и звуковысотном уровнях организации музыкальных текстов. Многие выявленные ритмические модели отличаются яркими местными особенностями — структурными или композиционными. Старопавловская свадьба имеет множественные и разноплановые пересечения со свадебными традициями различных регионов — восточнославянского Запада, Русского Юга и Севера, что во многом может объясняться историей основания и обстоятельствами последующего заселения станицы, особенностями культуры данного региона как традиции позднего формирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Губенко О. В.* Терское казачье войско в XV–XXI вв.: влияние государства на социально-экономические аспекты казачьей жизни. Ессентуки, 2007. 239 с.

2. *Енговатова М. А.* Закамские свадебные песни равносегментного ритма: структура и семантика // Вопросы этномузыкознания. 2016. № 2 (15). С. 110–123.

3. *Ефименкова Б. Б.* Восточнославянская свадьба и ее музыкальное наполнение. М., 2008. 62 с.

4. *Ефименкова Б. Б.* Ритм в произведениях русского вокального фольклора. М.: Композитор, 2001. 256 с.

5. *Жиганова С. А.* Особенности обрядового фольклора в музыкально-этнографической традиции Темрюкского района Краснодарского края // Вопросы этномузыкознания. 2020. № 1 (16). С. 206–214.

6. *Жиганова С. А., Нечитайло А. С., Кулик В. Н.* Сохранение казачьих народно-песенных традиций в творческой деятельности аутентичных и молодежных фольклорных коллективов (на примере ансамблей «Терские казаки» и «Родня») // Культурная жизнь Юга России. Краснодар. 2020. № 4 (79). С. 24–34.

7. *Клименко И. В.* Украинские и белорусские обрядовые мелоареалы как ядро ялавяно-балтского раннетрадиционного массива // Вопросы этномузыкознания. 2016. № 2 (15). С. 54–90.

8. *Кузнецова Н. С.* Свадебный музыкально-этнографический комплекс в песенной традиции верхнего Приосколья. Белгород, Воронеж: Арт-Принт, 2021. 314 с.

9. Оставляли мы станицу. Традиционные песни казаков Кавказской линии [Электронный ресурс]. Исп.: этнографический ансамбль станицы Старопавловская. СПб., 2009. 1 зв. диск.

10. *Репина А. Н.* О двух группах ритмических форм в свадебном репертуаре Стародубья // Вопросы этномузыкознания. 2022. № 18. С. 166–184.

11. *Рудиченко Т. С.* Припевки-тирады в донской свадьбе (к изучению универсалий фольклора) // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2005 г.: Мат-лы Северокавказской науч. конф. Дикаревские чтения (12). Краснодар: ООО РИЦ «Мир Кубани», 2006. С. 220–230.

12. *Слоква Л. В.* Музыкально-этнографическая традиция села Гринёво Новооскольского района Белгородской области. М., 2020. (Дипломная работа: РАМ имени Гнесиных; науч. рук. И. А. Никитина.)

S. A. Latysheva

WEDDING TRADITION OF THE VILLAGE OF STAROPAVLOVSKAYA KIROVSKY DISTRICT OF STAVROPOL KRAI

Annotation. The article presents materials on the wedding ritual of the stanitsa Staropavlovskaya of the Kirovsky district of the Stavropol Krai. The studied musical and ethnographic complex, on the one hand, shows the general typological features of the East Slavic wedding-fun, on the other, it stands out with a number of characteristic local features. Its ceremonial and musical content is distinctive.

Key words: Stavropol Krai, traditional culture, Terek Cossacks, wedding ritual, wedding songs and lamentations

Г. Я. Сысоева

КАЗАЧИЙ ФОЛЬКЛОР В ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Автор рассматривает специфику проявления казачьей песенной традиции в селах Воронежской области. История местного казачества, начавшись в XVI веке, прервалась уже в эпоху Петра I, позднее большую роль в истории края сыграли украинские казаки-черкасы. Элементы песенной культуры различных казачьих групп проявляются, часто в измененном виде, в репертуаре современных носителей фольклорной традиции Воронежского края.

Ключевые слова: Воронежская область, казаки, музыкальный фольклор, казачьи песни, солдатские песни

В связи с большим вниманием, которое уделяется в наши дни возрождению культуры казачества, в том числе и в Воронежской области, становится актуальной проблема выявления, сохранения, возрождения традиционного казачьего фольклора. В каком виде существует он в Воронежском крае? Что осталось от старых казачьих традиций XVI–XVII веков? Или казачий фольклор на нашей территории — это миф?

Взгляды на происхождение и природу казачества у разных исследователей существенно расходятся. Общепринятыми в науке на сегодня являются следующие факты. Лексема «казак» имеет множество значений, главное из которых относится к наименованию особого сословия— полувоинского, полуземледельческого — населения на окраинных территориях Российского государства. Некоторые исследователи, например, Л. Н. Гумилев, склонны считать казаков субэтносом [см.: 1, с. 138].

Казак — слово тюркского происхождения, впервые появляется в источниках XIV в., но этимология его до конца не ясна; одна из версий — свободный, независимый человек, искатель приключений, бродяга. На связь с тюркской культурой указывает и огромное количество тюркизмов в названиях предметов военного снаряжения и оружия у донских казаков (башлык, ичиги, нагайка и т. п.).

Территория Воронежской области в истории казачества упоминается, прежде всего, в связи с так называемым Червленым Яром. Эта историческая область в междуречье Дона и Хопра счи-

тается колыбелью донского казачества. В 1987 году в Воронеже вышла в свет монография Александра Александровича Шенникова «Червленный Яр. Исследование истории и географии Среднего Подонья в XIV–XVI вв.», в которой автор делает такие выводы: «На хоперско-донском междуречье в золотоордынскую эпоху существовало сложившееся, по-видимому, еще раньше, при половцах, объединение татарских (бывших половецких), восточнославянских и, вероятно, также мордовских территориальных общин, получивших общее название Червленый Яр. Его хозяйственной основой было обоюдовыгодное сотрудничество. …На этой хозяйственной основе выросло своеобразное общество без феодалов с военно-демократическим общинным управлением, подобное будущим казачьим обществам» [2, с. 128]. Похожую мысль высказывал ранее и известный этнолог Л. Н. Гумилев. В своей книге «Древняя Русь и Великая степь» он писал о том, что некий народ Червленого Яра неславянского происхождения под названием «чиги» породил многие общины хоперских казаков.

Не вдаваясь подробно в историю хоперского казачества, отметим, что она, оформившись в начале XVI века, не прерывалась никогда, но пережила много трагических моментов. Один из них — уничтожение 27 хоперских казачих городков по приказу Петра I, в частности, городка Пристанский Воронежской губернии в 1708 году в связи с тем, что казаки поддержали восстание Кондратия Булавина. Часть жителей была уничтожена, часть изгнана. На пепелище Пристанского в 1710 году по чертежам самого Петра I была заложена новая крепость Новохоперск, где несли службу солдаты и драгуны, а также началось строительство Хоперской верфи.

С 1717 года стал формироваться новый хоперский казачий гарнизон из числа желающих переселиться из других полков, однако настолько медленно, что в 1724 году Петр I допустил «тихую амнистию» и возвращение некоторых хоперских казачьих семей, согласившихся вернуться на родину. Гарнизон был развернут в конный полк и приписан к астраханскому войску. Но в 1786 году по приказу Екатерины II Хоперский полк был включен в число казачьих полков Кавказской линии, началось принудительное переселение хоперцев на Кавказ. Таким образом, на территории Воронежской губернии в Прихоперье уже к XIX веку казачьих станиц не осталось.

Станицы, расположенные по притокам Хопра — Бузулуку, Медведице (в настоящее время это территория Волгоградской обла-

сти) — не были разорены Петром I и позже вошли в состав Войска Донского вместе с вновь образованными казачьими поселениями вокруг Урюпинска.

В западной части Воронежского края казаки появились в середине XVII века в результате правительственной колонизации, которая была вызвана строительством Белгородской черты — так называлась укрепленная оборонительная линия, перекрывающая на территории Воронежской губернии татарские дороги: Кальмиусскую сакму и Изюмский шлях. В личный состав каждой крепости, построенной на этой черте (Верхососенск, Усёрд, Ольшанск, Острогожск), входили служилые люди различных воинских профессий: стрельцы, пушкари, затинщики и обязательно казаки, которые несли сторожевую службу и были главной воинской силой. О военной истории этих мест сегодня напоминают названия сел, например, Казацкое, Стрелецкое в Красногвардейском районе Белгородской области. К сожалению, в настоящее время в фольклоре этих сел нет даже упоминания о казаках.

Огромную роль в истории Воронежского края сыграли украинские казаки-черкасы, появившиеся здесь под управлением Ивана Дзиньковского в середине XVII века и основавшие в 1652 году город-крепость Острогожск. Позже выходцы из украинского Острогожского полка основали многие села и слободы на юге Воронежской области.

Уже к 70-м годам XVII века Белгородская черта утратила актуальность, и все служилое население, получив землю для нужд своих семей, очень быстро превратилось в земледельцев. Пожелавшие остаться на воинской службе позже вошли в состав ландмилиции, основанной Петром I, или еще позже — в состав регулярной армии, превратившись в солдат. Эти изменения сказываются и на фольклоре, где появляются новые жанры солдатской песни — строевая, застольная и др. Они перекликаются с казачьими, поскольку выполняют ту же функцию — их поют под строевой шаг или во время кавалерийского смотра.

В многочисленных экспедициях по Воронежской области педагоги и студенты кафедры этномузыкологии Воронежского государственного института искусств искали казачий фольклор на Дону, в Прихоперье, в селах, появившихся вокруг городов-крепостей на Белгородской черте, и тех, что были основаны украинскими казаками. Пытались найти протяжные песни с воинской тематикой (исто-

рические, социально-бытовые), былинные песни (известные по публикациям), песни частые — строевые (под шаг), плясовые, песни семейного быта, календарных праздников, свадебные, народные казачьи романсы. Хорошо описаны в этномузыковедческой научной литературе стилевые признаки казачьей донской традиции, в особенности многоголосное пение с дишкантом (подголоском), специфическими слоговыми распевами и вокализированными вставками в протяжных песнях, типичными мелодико-фактурными оборотами. Но — увы! Села с укорененной казачьей песенной традицией нам не встретились, и лишь в некоторых фиксировались отдельные образцы казачьего фольклора. По прошествии 25 лет активного экспедиционного поиска можно сделать следующие выводы.

Казачьи песни в традиционной культуре Воронежской области — это заимствования из соседних казачьих станиц Волгоградской и Ростовской областей. Попадая в «мужицкую» (то есть не казачью) песенную традицию, они приобретают другие черты в мелодии и многоголосной фактуре. Так, например, произошло с песней «Батюшка наш Дон», записанной в селе Верхний Мамон Воронежской области. Этот сюжет исключительно широко представлен в волгоградской и ростовской казачьих традициях. Распев Верхнего Мамона существенно отличается от казачьего: в нем отсутствует дишкант, а фактура относится к типу двухголосия с подводкой.

В селе Никольское Воробьевского района обнаружен целый пласт казачьих песен, по стилю очень похожих на песни хоперских казаков Урюпинского района Волгоградской области. Оказалась, что никольские мужики уходили на отхожие промыслы к казакам для выполнения плотницких и сельскохозяйственных работ. Вернувшись в родное село, они привозили с собой заимствованные казачьи песни: «Заря моя, зоренька», «Трава моя, травушка» и др.

Некоторые песни, которые могли быть в репертуаре старинных казачьих сообществ XVII–XVIII веков, трансформировались в солдатские и в таком виде дошли до наших дней. Характерные признаки солдатской песни — маршеобразный характер напева, припевные слова «любо, любо, люли-люли», например, «Во двенадцатом году» из с. Семидесятное Хохольского района или «Выпьем, братцы, по рюмочке» из с. Солдатское Острогожского района. Такие песни имеют музыкально-стилевые признаки канта, проникшие в народную культуру России в конце XVII — начале XVIII века: тональное мышление, опору на трехголосие с функциональным басом.

На юге Воронежской области в Богучарском районе казачьи песни (например, «Черные брови», «Скрылось солнышко», «Кузнец, кузнец») фиксируются как вкрапления в традиционный репертуар русских сел Белая Горка, Монастырщина, Сухой Донец, Каразеево.

Заимствование казачьих песен воронежскими сельскими исполнителями происходит достаточно активно и в наше время. Так, например, в селах Скрипниково и Новая Криуша Калачеевского района, расположенных на границе с Волгоградской и Ростовской областями (как говорят местные жители, «у нас петух на три области кричит»), в репертуаре местных фольклорных ансамблей достаточно много казачьих песен. Исполнители даже поясняют: «Эти песни мы у казаков взяли. Если в тексте песни говорится о женщине, что она *бабочка, бабёночка* — это уже казачья песня».

На заимствованный характер бытующих в воронежских селах казачьих песен указывает тот факт, что, как правило, они относятся к иному музыкально-стилевому пласту, чем местные фольклорные образцы, а сами носители традиции обладают фольклорным двуязычием. При этом местный крестьянский репертуар здесь доминирует.

Отдельный пласт казачьего фольклора Воронежской области могли бы составить украинские песни. Как уже упоминалось выше, украинские казаки под названием «черкасы», «малоросы» появились здесь, на Воронежской земле, в середине XVII века, основали город Острогожск, а позже — многие села и слободы на реках Толучеевка, Богучарка, Левая Россошь.

Песни украинских казаков-черкас, дошедшие до наших дней, трудно назвать казачьими, поскольку они, в отличие от песен хоперских и донских казаков, не имеют ярко выраженной музыкальной специфики. Исчезновение воинского уклада и подчиненного ему быта, превращение казаков-черкас в XVIII веке в земледельцев, последующее закрепощение украинского населения привели к изменению сюжетного содержания украинского фольклора (изначально казачьего!), где казак выступает лирическим героем. Такое переосмысление образа казака позволило и до сегодняшнего времени сохранить его в качестве главного песенного персонажа, который идентифицируется с любым украинским мужчиной (как в русском крестьянском фольклоре — «добрый молодец»).

Таким образом, размежевание казачьих и не казачьих украинских песен можно сделать только на уровне поэтических текстов:

если в песне главным персонажем является казак, то ее можно условно отнести к казачьим, как, например, «Тэчэ ричка нэвэлычка», «Ни тучкы, ни хмаркы». Большинство песен, записанных в Воронежской области, имеют широкое распространение и на Украине, например «Плывэ човэн», «Лугом иду — коня вэду».

Следует упомянуть также о песнях, созданных в отрядах «красных казаков» в период Гражданской войны — «Из-под горки всё туман», «Славно нам было в отряде».

Итак, традиционные казачьи песни в Воронежской области представлены двумя этническими слоями — русским (донским) и украинским. Фольклорные образцы донского происхождения носят исключительно заимствованный характер, поскольку формировались на территории казачьих историко-этнографических областей, украинского — не имеют специфических признаков казачьего стиля.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера земли / Сост. и общ ред. А. И. Куркчи. М.: «Институт ДИ-ДИК», 1997. 640 с.

2. *Шенников А. А.* Червленый Яр. Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV–XVI вв. Л.: Наука, 1987. 144 с.

G. Ya. Sysoeva

COSSACK FOLKLORE IN THE VORONEZH REGION

Annotation. The author examines the specifics of the manifestation of the Cossack song tradition in the villages of the Voronezh region. The history of the local Cossacks, which began in the XVI century, was interrupted already in the era of Peter I, later Ukrainian Cossacks-Cherkassy played a major role in the history of the region. Elements of the song culture of various Cossack groups are manifested, often in a modified form, in the repertoire of modern carriers of the folklore tradition of the Voronezh Region.

Keywords: Voronezh region, Cossacks, musical folklore, Cossack songs, soldier songs

Е. М. Шишкина

ПЕСЕННО-ОБРЯДОВОЕ НАСЛЕДИЕ АСТРАХАНСКИХ КАЗАКОВ КАК ЧАСТЬ ВОЛЖСКОЙ ТРАДИЦИИ

Аннотация. Статья посвящена песенному наследию астраханского казачества, особенности музыкальной культуры которого обусловлены этническими характеристиками его населения и социально-историческими условиями. Автором впервые предпринимается попытка осмыслить генезис этой песенно-обрядовой традиции, которая до настоящего времени остается мало изученной. Актуальность статьи также тесно связана с постепенным упадком традиций этой социально-культурной общности.

Ключевые слова: казаки, Астрахань, регион Нижней Волги, русский музыкальный фольклор

Данная статья посвящена особенностям песенно-обрядового наследия астраханского казачества, тесно связанным с его определенными этническими и социальными характеристиками. Располагавшееся в Нижнем Поволжье, Астраханское войско — одно из 11 казачьих войск России — до 1917 года являлось прежде всего особым сословным, военным и хозяйственным институтом.

Астраханская казачья музыкальная традиция относится к оригинальной *конгломеративной культуре*[1], что до сегодняшнего дня не осмыслено как специальная научная проблема. Поэтому комплексное исследование этой традиции с учетом ее постепенного упадка представляется чрезвычайно важным и актуальным. Не менее ценным является и изучение недостаточного освоенного и представленного в публикациях песенного комплекса астрахан-

[1] Термин автора, который определяется условиями, когда процесс взаимодействия разных локальных традиций на протяжении ряда столетий приводит к синтезированию компонентов разных типологических культур, к их интеграции, органическому сочетанию, причем эти компоненты находятся в определенном равновесии, и образованное единство является уже не заимствованием, а конгломеративной системой с переплетением стилистических черт разных традиций.

ских казаков[1]. Автором впервые делается попытка осмысления генезиса этой песенно-обрядовой традиции, а также ее ухода *в стазисе быстрой редукции*[2].

Преследуя цель дать описание музыкальной традиции астраханского казачества, автор ставит перед собой взаимосвязанные и в то же время относительно самостоятельные исследовательские задачи:

1) распределение имеющихся архивных, опубликованных и авторских экспедиционных материалов в соответствии с выделенными четырьмя историческими периодами функционирования традиции астраханского казачества;

2) осмысление своеобразия локальной песенно-обрядовой традиции астраханского казачества на современном этапе.

Основной базой исследования послужила авторская фольклорно-экспедиционная деятельность в регионе Астраханского казачьего войска (Астраханская, Волгоградская, Саратовская области) с 1974 года[3]. Использование в статье разнообразных исторических источников, подвергаемых в некоторых работах последних лет серьезной критике, предполагает создание определенного культурно-исторического фона с пониманием недостаточной уточненности ряда предлагаемых данных. В целом, при

---

1 Автору неизвестны какие-либо аналитические и теоретические работы по песенной традиции астраханского казачества. Вместе с тем современными исследователями осмысливается важное место песенного репертуара в казачьей культуре. Так, например, А. В. Звонов в своих работах подчеркивает, что «песенное наследие, в частности, историческая песня, составляет не только эстетическую, но и историческую ценность» [8, с. 136].

2 Термин автора. Быстрая редукция предполагает забывание традиционных компонентов культуры локальной традиции определенного этноса / субэтноса, возникающее при насильственном прерывании постепенности трансляции — государственном запрете на родную речь, обряды, религию и фольклор, лишении традиционных мест и компактности проживания, традиционных промыслов, национальной кухни.

3 Материалы собственных музыкально-этнографических экспедиций 1974–2023 годов собраны в 105 поселениях Харабалинского, Енотаевского, Ахтубинского, Черноярского, Володарского, Наримановского, Камызякского, Лиманского, Икрянинского, Приволжского р-нов Астраханской обл., а также ряде населенных пунктов Волгоградской и Саратовской обл. Песенные традиции последних в данной статье не рассматриваются.

всей обширности существующей уже сегодня исторической базы, необходимо отметить ее фрагментарность, распыленность, отсутствие значительных целостных комплексов материалов по истории астраханского казачества. Отметим, что предлагаемая автором периодизация исторического пути астраханского казачества на сегодняшний день не получила подтверждения в исследованиях историков.

В первом периоде — с середины XVI до первой трети XVIII века — астраханская казачья община отличалась особой этнической и социальной неоднородностью. Для этого исторического отрезка характерны смешанные браки казаков с женщинами-инородками, активное усвоение иноэтнических элементов в разных сферах культуры. В XVIII веке исследователи неоднократно отмечали высокую толерантность астраханских казаков, их терпимость к чужой религии, культуре, обычаям, образу жизни [см.: 34–35].

Последний астраханский губернатор, общественный деятель, историк И. А. Бирюков писал, что часть донских казаков после взятия Астрахани и присоединения ее к России (казачьи походы 1554–1556 гг.) осталась там на службе [см.: 3, с. 4]. Однако современный исследователь П. В. Казаков, ссылаясь на исторические источники XVI–XVII веков, считает, что в этот период все казаки были только «воровские», а защитники Астрахани находились в статусе стрельцов [см.: 11, с. 6].

При определении этнических групп, которые в то время участвовали в сложении астраханского казачества, можно обратиться к данным историка П. П. Короленко, который описывал, как в 1698 году после бунта московских стрельцов часть из них была выслана в астраханский регион, в том числе и в качестве казаков[1]. В 1718–1720 годах по повелению Петра I между Доном и Волгой создается Царицынская линия, куда в 1733-м переселяют донских казаков и формируют из них Волжское войско[2].

---

[1] «Из них красноярские тотчас приняли название красноярских казаков, черноярские остались при имени стрельцов; камышинские известны были под именем солдат, а саратовские — ружников» [12, с. 1].

[2] Волжское казачье войско — иррегулярное казачье формирование на Средней и Нижней Волге. Образовано в 1734 г. указом императрицы Анны Иоанновны на территории проживания волжских казаков. После Пугачёвского восстания в 1777 г. указом императрицы Екатерины II войско было передислоцировано на реку Терек.

Из источников явствует, что донские и терские казаки были в этот период основой для создания астраханского казачества. Кроме того, в него вошли также крещеные калмыки [см.: 32] и красноярские казаки. С 1743 года служба становится наследственной с 16-летнего возраста, к ней привлекаются преимущественно русские жители региона.

В этот исторический период главными функциями астраханского казачества были охрана границ государства, обеспечение безопасности проходящего по волжскому правобережью Московского тракта, рыболовецких и соляных промыслов, а также защита русских поселенцев и российских подданных — татар, калмыков и ногайцев — от набегов групп киргиз-кайсаков (как в те времена именовали казахов). В предисловии к изданию «Рассказы о службе астраханских казаков» А. А. Догадин отмечает: «[Служба астраханских казаков] была все время в высшей степени невидною, можно сказать, будничною. Постоянная охрана порядка и спокойствия в астраханском крае и непрерывная служба на кордонных постах против набегов кочевников — вот краткое содержание полуторавековой истории астраханского казачества, лишь изредка скрашиваемой участием в военных походах и делах против кавказских горцев, турок и среднеазиатских народов» [16, с. II].

Утверждать что-либо определенное о специфике песенного наследия астраханского казачества того времени достаточно трудно. Можно лишь предположить, что в репертуар постепенно входили былины и песни донских, кубанских и терских казаков; это зависело от того, в соединении с какими войсками и в каком походе участвовали астраханцы.

Во втором периоде — с первой трети XVIII до начала XX века, — начиная со строительства на Нижней Волге в 1742 году Енотаевской крепости, вдоль волжского правобережья по Московскому тракту образуется цепь расположенных чересполосно государевых казачьих станиц, которые и оформляются в 1750-м в Астраханское казачье войско (см. таблицу).

Оставшиеся на Средней Волге казаки были преобразованы в самостоятельный Волжский казачий полк, присоединенный к Астраханскому казачьему войску 7 января 1804 г. [см. 15, с.: 121–122, 301–303; 3, с. 244–247].

Таблица. *Казачьи станицы и крепости на территории Астраханской области*[1]

Район / город	Наименование / переименование поселения	Год создания	Новое название поселения	Год переименования
Енотаевский р-н	кр. Енотаевская	1742	село Енотаевка	1925
	ст. Замьяновская	1764	село Замьяны	1918
	ст. Грачёвская	1764	село Грачи	1918
	ст. Копановская	1764	село Копановка	1918
	ст. Ветлянинская	1765	село Ветляевка	1918
	ст. Сероглазинская	1766	село Сероглазка	1920-е
	ст. Косикинская	1777	село Косика	1920-е
	ст. Михайловская	1784	село Михайловка	1921
Черноярский р-н	кр. Черный Острог / ст. Черноярская	1627 1860-е	село Черный Яр	1920-е
Наримановский р-н	ст. Дурновская	1785	село Дурное село Рассвет	1925 1965
	ст. Лебяжинская	1764	село Верхнелебяжье	1969
Красноярский р-н	кр. Красный Яр / ст. Красноярская	1650 1860	село Красный Яр	1925
г. Астрахань	ст. Городофор-постинская / ст. Атаманская	1785 1893	пос. Трусово	1921
	ст. Казачебугровская	1750	пос. Фридриха Энгельса	1921

Оборонное значение казачьих станиц в первую очередь предопределило их значительную удаленность друг от друга и в последующем окружение каждой из них селами, образованными как переселенцами из различных областей России, так и иноэтническими

[1] Помимо указанных крепостей и станиц на территории астраханского региона постепенно образовались также десятки казачьих хуторов, которые не были обозначены на картах (см. карту 2).

группами (в дельте Волге — татар, калмыков, казахов, ногайцев). Казаки, явившись первопроходцами оседлого освоения зоны степей и полупустынь в низовьях Волги, дали толчок развитию основных типов хозяйственной деятельности в Астраханской губернии. Главную роль у астраханских казаков в верховых станицах Волго-Ахтубинской поймы играло скотоводство, в дельте Волги — рыболовство [см.: 14; 22]. Современный историк В. П. Казаков делает вывод о слиянии разнородных команд, разбросанных по городам Нижнего Поволжья, в единое формирование именно в этот период, отмечая, что тогда «оформляется хозяйственный уклад астраханских казаков, остававшийся неизменным вплоть до начала XX века, закладываются основы культурно-бытового своеобразия астраханского казачества» [11, с. 12].

Ил. 1. Братья Селезнёвы, казаки станицы Дурновской Астраханского казачьего войска. 1914. Фото из семейного архива

В этот период астраханские казаки выполняют на Нижней Волге три основные государственные функции: занимают новые пустынные и почти необитаемые земли, по-прежнему охраняют от нападения воинственных соседей как вновь занятые, так и ранее заселенные территории, а кроме того, комплектуют своими частями вооруженные силы государства, неся службу вне войсковых пределов наравне с регулярными войсками (1812–1917)[1].

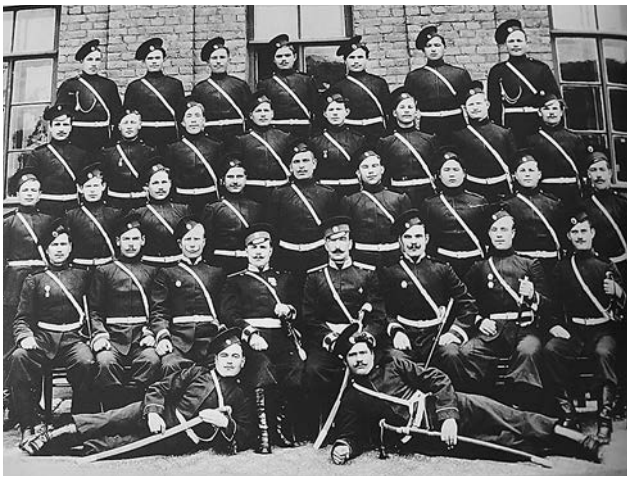
[1] Астраханские казаки участвовали в боевых сражениях, которые вела Российская империя в войне с Наполеоном (1812–1914 гг.), в Персии, на Кавказе и во время русско-турецкой войны (1877–1878 гг.), в охране границ в Туркестане. Во время Первой мировой войны 1914–1917 гг. Астраханское казачье войско мобилизовало и отправило на фронт все свои боевые части [см.: 22, с. 48; 10, с. 514–521].

Ил. 2. Личный состав станичного сбора Атаманской станицы. 1911 [3, ч. 2, вклейка после с. 238]

Астраханское казачье войско, в отличие от исторически сложившихся войск Дона, Терека и Урала, являлось искусственно созданным подразделением, «составной частью сословного государственного механизма» [1, с. 19] и предназначалось для охраны южных границ России. Возникновение Астраханского казачьего войска было обусловлено прежде всего быстрым территориальным ростом империи и острой потребностью государства в дополнительных воинских контингентах для колонизации многонациональной окраины. Процесс его становления шел по инициативе и под контролем государства и представлял собой прообраз военных поселений — особой организации войск России в 1819–1857 годах.

Когда к началу XX века Поволжье превратилось в один из высокоразвитых регионов России, удаленных от внешних границ государства, потребность в существовании Астраханского казачьего войска непосредственно на этой территории значительно ослабла. Не случайно в ряде исследований того времени указывается на необходимость его упразднения или переселения астраханских казаков в другие регионы [см.: 14, 22][1]. Само астраханское казачество постепенно ассимилируется с окружающим населением, утрачивая

[1] Современный историк О. О. Антропов указывает на то, что «системный кризис, поразивший Россию в начале XX века... актуа-



Ил. 3. Астраханский взвод лейб-гвардии Сводного казачьего полка. Царское село, 1910. Фото П. И. Видинеева [26, с. 110]

специфические сословные черты. Особенно быструю и глубокую трансформацию претерпевают жители станиц, расположенных на городских окраинах, — Казачебугровской, Атаманской и др.[1].

В начале XX века при Астраханском казачьем войске была создана Песенная комиссия, которая 8 июля 1902 года постановила организовать сбор казачьих песен по станицам, поручив заняться этой работой подъесаулу А. А. Догадину[2]. Ее результатом стали два

лизировал государственную потребность во внутренней (во многом — полицейской) службе Астраханского войска» [2, с. 17].

1 В условиях бурного капиталистического развития края казачьи общины теряют способность к самостоятельному существованию, экономическую устойчивость. Все это, в свою очередь, «негативно сказывалось на служебной пригодности казаков, ставило вопрос об оправданности дальнейшего существования войска» [1, с. 18].

2 Догадин Александр Адрианович (1870–1918) — собиратель и публикатор астраханских казачьих песен. Он великолепно пел, но нот не знал, производил записи песен на фонограф, значился исполнителем и автором ряда песен. Его собрание былин и песен нотировали и гармонизовали, по разным данным, Николай Семенович Кленовский (инспектор регентских курсов Петербургской придворной певческой капеллы) и Макс Давыдович Колодный (духовик, выпускник Петербургской консерватории, ученик Н. А. Римского-Корсакова по инструментовке) [см.: 21, с. 120].

Ил. 4. А. А. Догадин, подъесаул Астраханского казачьего войска, автор собрания «Былины и песни астраханских казаков»

издания — публикация рассказов казаков [16] и музыкально-фольклорное собрание, в два выпуска которого вошло 210 образцов [4].

Музыковед А. В. Свиридова, исследовавшая историю создания фольклорных сборников Догадина, отметила их некоторые недостатки: «сомнительная достоверность басового голоса; отсутствие паспортизации исполнителей, не указано время записи песен; не соблюдена система расположения песен по жанрам» [21, с. 121]. Тем не менее исследователь называет эту работу «бесценной», с чем нельзя не согласиться: ведь в собрании Догадина зафиксированы многие песни, которые в настоящее время недоступны для записей, а о других, как и о былинах, не сохранилось даже воспоминаний[1]. Это двухтомное издание позволяет сделать срез традиционной музыкальной культуры астраханских казаков в период ее расцвета и дает возможность сравнительного анализа с песенным наследием других казачьих войск России.

Третий исторический период астраханского казачества (1918–1991) начался процессом расказачивания, который описывается в энциклопедии «Революция и Гражданская война в России: 1917–1923» как массовый красный террор и репрессии против казачества как социальной и культурной общности, сословия Российского государства[2]. Основная масса казаков-астраханцев после поражения антибольшевистского восстания заявила о признании советской вла-

---

1 Это былины, песни о полководцах А. В. Суворове, М. И. Кутузове, о событиях, связанных с Семилетней войной, наполеоновским нашествием 1812 года, песни о казацкой вольнице с образом казачьего круга как вольного собрания казаков, об атамане Ермаке и многие другие.

2 Политика расказачивания проводилась через массовые расстрелы, взятие заложников, сожжение станиц, натравливание иногородних на казаков [см.: 17, с. 215].

сти и сложении с себя «сословного звания казака»[1].

Астраханский Губисполком в феврале 1918 года объявил об упразднении Астраханского войска, взяв курс на ликвидацию астраханского казачества как военно-хозяйственной и социокультурной общности. В 1918–1925 годы астраханские станицы теряют свои наименования, структуру, функции пограничных застав. Не только политическим событием, но и социокультурной трагедией стал расстрел Ивана Алексеевича Бирюкова, автора фундаментального труда «История Астраханского казачьего войска» [3][2].

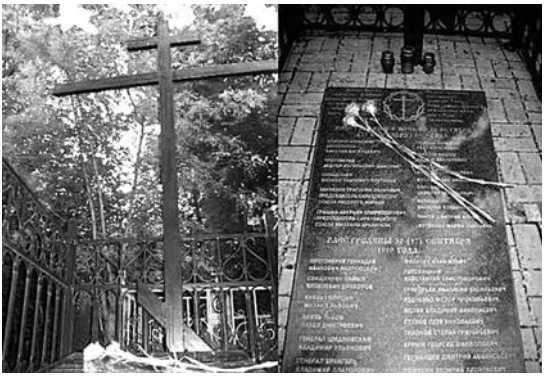
Ил. 5. И. А. Бирюков, атаман Астраханского казачьего войска, последний астраханский губернатор, автор трехтомной «Истории Астраханского казачьего войска»

Мужские — исторические, воинские строевые — песни астраханского казачества в этот период уходят в глубокую латентную память хранителей культурного наследия. Начатая в 1960-е годы полевая фольклорная деятельность в регионе не ставила задачи фиксировать именно казачью песенную культуру. Тем не ме-

---

[1] В этих процессах было много противоречий. Так, современный исследователь Л. И. Футорянский приходит к выводу о том, что «расказачивание надо понимать как объективный процесс, вызываемый развитием капитализма, неизбежно означавший крах феодальной войсковой системы, ее консервативности, замкнутости» [25, с. 51].

[2] Бирюков Иван Алексеевич (1856–1919) — атаман Астраханского казачьего войска, последний астраханский губернатор, генерал-майор, историк-краевед. Астраханский революционный трибунал за «контрреволюционное выступление против Советской власти» приговорил Бирюкова к 25 годам заключения, но по ходатайству казаков его родной станицы Грачевской срок заключения был снижен до 2,5 лет с отбыванием тюремного заключения в Саратове. Однако 30 сентября 1919 года Бирюков был расстрелян по решению Саратовской ГубЧК. Похоронен в братской могиле на Воскресенском кладбище г. Саратова.



Ил. 6. Братская могила на Воскресенском кладбище г. Саратова, где похоронен И. А. Бирюков

нее, в изданном в 1978 году музыкально-фольклорном сборнике В. П. Самаренко и М. А. Этингера с материалами, записанными в 1962–1967 годах, репрезентированы 26 образцов из четырех станиц астраханских казаков: Дурновской (с. Рассвет), Ветлянинской (с. Ветлянка), Грачевской (с. Грачи) и Атаманской (пос. Трусово). В основном это записи мужского пения, причем ряд песен демонстрирует самобытность мелодики, ладового и многоголосного строения напевов, что отличает их от известных песенных образцов донских казачьих традиций [см.: 20, № 89–115][1].

Началом **четвертого исторического периода астраханского казачества** следует считать 1991 год, когда был принят закон РСФСР от 26.04.1991 № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов». В нем указано, что в отношении казачества проводилась «на государственном уровне политика клеветы и геноцида, сопровождавшаяся насильственным переселением... установлением режима террора и насилия». В последующем в 1992 году Постановлении Верховного Совета РФ «О реабилитации казачества» оно было определено как «исторически сложившаяся культурно-этническая общность».

---

[1] К сожалению, звуковые материалы этих экспедиций на сегодняшний день не доступны. Они были переданы в полном объеме в 1976 г. доцентом Астраханского пединститута В. П. Самаренко в Фонограммархив Пушкинского Дома. Однако Е. А. Дорохова отмечает: «Этот фонд до сих пор в указанном фонограммархиве не атрибутирован и не находится в доступе для исследователей» (из выступления на конференции «История и традиционная культура российского казачества» в РАМ им. Гнесиных, 25.09.2023).

Ил. 7. Село Рассвет (бывшая станица Дурновская) Наримановского р-на Астраханской обл. 14 ноября 2014 г. Фото Е. М. Шишкиной

Все это, разумеется, привело к самым серьезным и долгосрочным последствиям. В частности, с 1990-х годов на территории астраханского региона создаются казачьи общества и школы, казачьи песенные коллективы[1], а упраздненное Астраханское казачье войско сейчас входит в казачий реестр как часть Всевеликого войска Донского[2].

---

1 «Казачье народное творчество в современных любительских коллективах Астраханской области стало в последнее время как никогда актуальным: целенаправленная работа профильных организаций регионального Министерства культуры и туризма привела к резкому увеличению количества творческих коллективов. Причем не только в местах компактного проживания родовых казаков, но и практически во многих русских (мужицких) селениях. Такое агрессивное и модное "оказачивание" приводит к явно искаженному пониманию традиционного уклада и песенной традиции, к поверхностности восприятия народной культуры, ее искажению» [5, с. 5–6].

2 Войсковое казачье общество «Всевеликое войско Донское» внесено в государственный реестр казачьих обществ Российской Федерации решением Главного управления казачьих войск при Президенте Российской Федерации от 13 июня 1997 г. Оно находится на территории четырех субъектов РФ: Ростовской, Волгоградской, Астраханской областей и Республики Калмыкия. В уставе казачьего общества Ростовского округа Всевеликого войска Донского, утвержденном распоряжением губернатора Ростовской области от 29 декабря 2020 г. под № 99 указано, что члены войскового казачьего общества привлекаются для несения следующих видов государственной службы: обеспечение общественной безопасности, охрана государственной границы, рыбных запасов, лесов, противопожарная защита объектов социальной сферы.

Ил. 8. В фойе астраханского Театра юного зрителя. Слева направо: товарищ атамана Астраханского казачьего войска В. М. Меркульев, доцент Астраханской государственной консерватории Е. М. Шишкина, губернатор Астраханской области А. П. Гужвин, атаман Астраханского казачьего войска А. И. Полежаев, председатель Астраханского губернского дворянского собрания Н. Б. Рогаль-Левицкий. 1996. Фото В. Д. Лоянича

В современном движении за возрождение астраханского казачества ярко обозначилось и так называемое этническое направление. Исследователь М. А. Рыблова отмечает, что его представители, получившие название «общественники», уже в течение почти 40 лет «пытаются найти свое место в этнокультурном пространстве современной России, отмежевываясь от тех, кто вошел в так называемый казачий реестр, демонстрируя различные практики этнокультурного конструирования и формирования своей групповой идентичности» [19, с. 124].

С 2008 года Астраханское региональное отделение «Казачье Астраханское войско» Общероссийской общественной организации «Союз казаков» и Астраханская областная научная библиотека имени Н. К. Крупской организуют ежегодную конференцию «Бирюковские чтения» с последующей публикацией ее материалов[1].

---

[1] Эти конференции, посвященные памяти И. А. Бирюкова, призваны осветить вопросы истории и культуры астраханского казачества с приглашением к участию астраханских казаков, историков, краеве-

Ил. 9. Семья казака Вилкова из станицы Дурновской (ныне село Рассвет) Астраханской обл. Фото из семейного архива

Авторские записи с 1970-х годов в казачьих станицах астраханского края отражают самобытную музыкальную традицию со стилистическим и жанровым разнообразием и богатством музыкальных форм.

Изначально астраханская казачья песенная традиция в ее воинском мужском воплощении опиралась в основном на наследие донского казачества, заимствовалась и часть репертуара кубанских и терских казаков [см.: 27, с. 38]. Обрядовые же музыкально-этнографические комплексы астраханских казачьих станиц репрезентируют нижневолжскую календарную и свадебную культуру. Эта проблематика заявлялась и исследовалась автором данной статьи в научных работах начиная с 1980-х годов [см.: 30, с. 8–12], нотации же песен из казачьих станиц представлены в более поздних публикациях [см.: 28; 31].

В работах этномузыкологов Т. В. Дигун и Т. С. Рудиченко, посвященных песенным традициям донского казачества, подчеркивается,

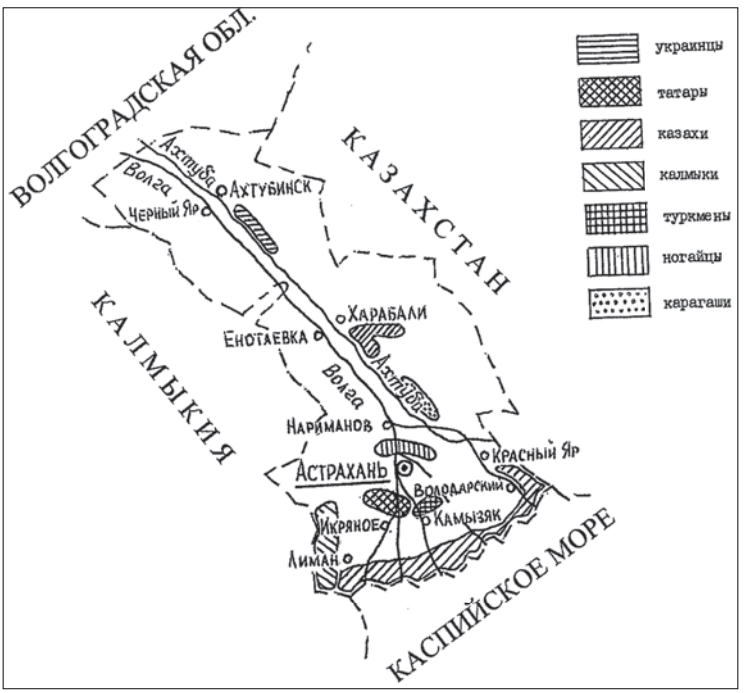
---

дов, фольклористов. К настоящему времени в Астрахани опубликовано 14 сборников материалов «Бирюковских чтений» (2008–2022 гг.).

что донские казаки до конца XX века сохраняли старинную исполнительскую манеру, виртуозный мелодический стиль, сложные виды многоголосного пения [см.: 6; 7; 18]. Сравнительный анализ записей астраханских казачьих песен с репертуаром донских казаков из собрания А. М. Листопадова [13] и ряда других публикаций показывает, что за последние три-четыре столетия в Нижнем Поволжье у казаков сложилась собственная оригинальная песенная традиция.

Местный стиль астраханского казачьего народного пения обладает своими локальными особенностями и в контексте песенной культуры волжского региона в целом, которая включат в себя практически все жанры восточнославянского музыкального фольклора: календарные и свадебные песни, традиционные и поздние лирические, эпические песни, хороводные и игровые, плясовые, колыбельные, трудовые рыбацкие, частушки. Локальные особенности казачьего пения формировались при взаимодействии различных субэтнических групп русских на территории астраханского края, но также под влиянием традиционной культуры соседних народов (см. карту 1).

Карта 1. Иноэтнические поселения на территории Астраханской обл.



Ил. 10. Празднование юбилея хора станицы Дурновской в селе Рассвет Наримановского р-на Астраханской обл. С солистками хора— атаман хутора Разин А. И. Полежаев (слева) и казак А. В. Шмыров. 1996 [23, с. 40]

С конца 1970-х годов в этой этноконфессиональной и этносоциальной группе происходит смещение функций, связанное с редукцией астраханского казачьего песенного наследия и его дальнейшим сохранением в основном в женской среде, что повлияло на изменение репертуара и певческого стиля [см.: 27, с. 38].

Возможность изучать эволюцию этого стиля существует благодаря разновременным публикациям музыкального фольклора астраханского казачества — собранию Догадина, изданному в начале XX века [4], коллекции Самаренко и Этингера 1960-х годов [20] и сборнику А. С. Ярешко 1970-х [33], а также авторским записям 1970–2020-х годов [см.: 28–31].

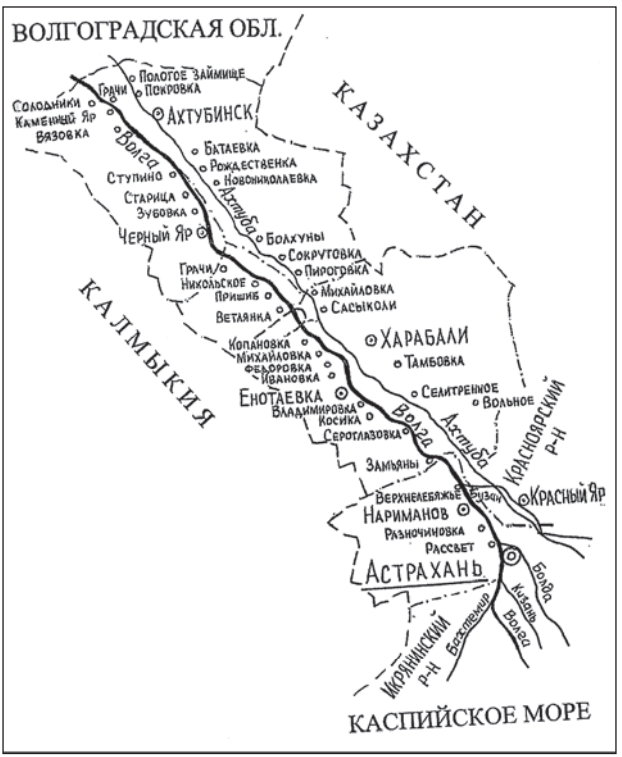
В песенном репертуаре астраханских казаков иногда сохранялись элементы, дошедшие из глубины веков, что и создавало своеобразие этой локальной музыкально-фольклорной традиции. Самобытный астраханский казачий стиль ярче всего проявляется в воинских исторических песнях, например, в песнях «Завивай, кокушка» (версия сюжета «Соловей кукушку уговаривал» о завоевании русскими татарского города Казани в XVI в.) [см.: 29, № 62–63][1], «Наш батюш-

[1] Кроме того, есть неопубликованные собственные записи этой песни, сделанные в 1981 г. в с. Тишково.

ка, храбрый Михаил» о событиях русско-турецкой войны 1877–1878 годов, взятии Карса русскими войсками [см.: 20, № 91], а также в лирических протяжных «Уж ты поле мое» [см.: 20, № 94], «Один в поленьке цветочек» [см.: 20, № 26].

На сохранение ряда характерных местных черт в народно-песенном искусстве верховых станиц волжского правобережья астраханского региона несомненно повлияла длительная обособленность этого ареала, почти не имеющего вкраплений иноэтнических элементов. В песенном наследии верховых станиц Черный Яр, Енотаевская, Копановская, Замьяновская, Грачевская наблюдаются яркие локальные музыкально-стилевые признаки, значительно смягченные в казачьих станицах дельты Волги (см. карту 2). И это не случайно, ведь в низовьях реки взаимодействие с окружающими народами было гораздо более тесным и интенсивным: здесь играли роль близость географических границ и тесные экономические взаимосвязи.

Карта 2. Населенные пункты Астраханской обл.



Ил. 11. Пристань в селе Рассвет (бывшей станице Дурновской) Наримановского р-на Астраханской обл. 14 ноября 2014 г. Фото Е. М. Шишкиной

Если говорить об астраханской казачьей этнокультурной системе как о части традиционной русской культуры в целом, то можно назвать ее ярким воплощением прежде всего поволжской традиции, дополненной чертами украинской, калмыцкой, тюркоязычной и других народных культур.

Легко заметны тембровые отличия певческого искусства астраханских казаков от донских: более резкие тембры, гортанно звучащие, могут прорезать большие степные пространства, на которые военные, строевые песни, собственно говоря, и были рассчитаны: «Прошла слава хороша», «Наш батюшка, храбрый Михаил», «Из-за леса копий и мечей», «Под зеленою ракитой» [см.: 20, № 90–93, 102].

В сравнении с близкими текстовыми вариантами песен донских казаков ладомелодический облик астраханских напевов иной, они опираются на ангемитонику как типологическую основу местных мелодических стилей в целом. Хоровая фактура также своеобразна: без октавной дублировки голосов и индивидуализированных подголосков, типичных для сложного многоголосия донских казаков. Многоголосию здесь свойственны особенности фактуры редких образцов протяжных песен русских Нижнего Поволжья, где угловатость мелодики ангемитонного пласта формирует и особый многоголосный склад напевов: секундовые и квартовые звуковые комплексы становятся основой не только мелодических ячеек отдельных исполнительских версий, но и ладовой корреляции противостоящих и дополняющих друг друга голосовых партий.

Нормативный воинский уклад казачьей общины, разумеется, отразился на культуре станичников, и даже женское пение в астраханских казачьих станицах сегодня в какой-то степени отсылает

к мужественным характерам казаков, сформированным историческими условиями и событиями XVI–XIX веков. Тем не менее переход мужской воинской песенной традиции в женскую среду редуцировал репертуар, изменил мелодические особенности песен, их многоголосную фактуру и систему жанров в целом. Почти полностью исчезли воинские исторические песни, частично сохраняется традиционная лирика, и только обрядовые (календарные, семейно-бытовые) песни, причитания, городские романсы и плясовые получили более долгую жизнь в бывших казачьих станицах астраханского региона.

Проведенные автором в 1970–1990-х годах исследования обрядов и обрядовых песен показали самую тесную внутреннюю взаимосвязь астраханских локальных традиций — общность поэтических текстов, ладовых моделей, мелодики и многоголосия, которые не зависят от специфики происхождения поселений на данной территории. Некоторым своеобразием отмечены лишь этнографические детали ритуалов, среди которых можно упомянуть, например, свадебный обряд «своды» в казачьих станицах Волго-Ахтубинской поймы, отсутствующий в других русских селах.

Разбросанные между селами казачьи станицы отличались от них особенностями быта и жизни. И если в верховьях Волго-Ахтубинской поймы эти отличия не носили характер противостояния, то в дельте Волги, где большая часть поселений инонациональна, а довольно редкие казачьи крепости (они назывались городками или крепостицами) жили замкнуто, выполняя в основном воинские функции, традиционная культура казаков была в значительной степени обособленной.

С точки зрения прошедшей в XX веке деформации культурных основ важно отметить, что астраханские казачьи станицы никогда не образовывали компактного ареала на территории астраханского региона. Вероятно, с этим и связаны быстрые процессы редукции внутри этой социально-экономической и культурной общности после государственного запрета на ее существование. Тем не менее рассмотренные этапы развития песенно-обрядовой традиции астраханского казачества убеждают в бытовании здесь самостоятельной музыкальной традиции с сильным влиянием как донской казачьей, так и нижневолжской культуры.

Значимость музыкального наследия астраханского казачества глубоко осознается до сего дня жителями русских сел региона, бла-

годаря чему можно записывать казачьи воинские и исторические песни во многих рыболовецких поселениях дельты Волги. Пронзительная эмоциональность воинских песен, повествование в них о важнейших событиях истории России становятся камертоном духовной значимости и собственной сопричастности к судьбам Родины для всех жителей региона. Замечательное песенное наследие казаков ощущается общим культурным достоянием и драгоценной сокровищницей всеми русскими Нижней Волги.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Антропов О. О.* Астраханское казачество. На переломе эпох. М.: Вече, 2008. 409 с.

2. *Антропов О. О.* Астраханское казачье войско в первой трети XX века: Опыт социально-исторического анализа: Автореф. дис. ... канд. историч. наук. Волгоград, 1999. 30 с.

3. *Бирюков И. А.* История Астраханского казачьего войска: в 3 ч. — Саратов: Издание Астраханского казачьего войска, 1911.

4. Былины и песни астраханских казаков: в 2 вып. / собрал и на ноты положил А. А. Догадин; под ред. Н. С. Кленовского. Астрахань: Издание Астраханского казачьего войска, 1911–1913. Вып. 1, 120 с.; Вып. 2, 96 с.

5. *Гузенко К. В.* Казачье народное творчество в современных любительских коллективах Астраханской области (некоторые проблемы популяризации и сохранения) // X Бирюковские чтения: Материалы Бирюковских чтений (27 января 2018 г.) / отв. ред. Е. Д. Сычев. Астрахань: Новая Линия, 2018. С. 4–7.

6. *Дигун Т. В.* О ритмическом и мелодическом строении донецких протяжных песен // Традиционное народное музыкальное искусство восточных славян (вопросы типологии): Сб. трудов. Вып. 91. М.: ГМПИ им. Гнесиных, 1987. С. 4–32.

7. *Дигун Т. В.* Протяжные песни донских казаков: Дис. ... канд. иск. М., 1985. 228 с.

8. *Звонов А. В.* Историческое значение казачьей песни в России // Художественное образование и наука. 2019. № 3 (20). С. 135–143.

9. *Звонов А. В.* Русская воинская песня и ее место в армейской музыкальной практике XIX в.: Автореф. дис. ... канд. иск. Ростов-на-Дону, 2021. 29 с.

10. История Астраханского края. Астрахань: Изд-во Астраханского гос. пед. ун-та, 2000. 1119 с.

11. *Казаков П. В.* Астраханское казачество в XVIII — первой половине XIX в. (формирование, хозяйственная деятельность, быт): Автореф. ... канд. историч. наук. Астрахань, 1999. 26 с.

12. *Короленко П. П.* К вопросу об образовании Астраханского казачьего войска. Екатеринодар: Тип. Кубанского обл. правления, 1908. 9 с.

13. *Листопадов А. М.* Песни донских казаков: в 5 т. / под общ. ред. Г. П. Сердюченко. М.: Музгиз, 1949–1954.

14. *Македонов Л. В.* Хозяйственное положение и промыслы населения станиц Астраханского казачьего войска. СПб.: Типо-литография М. П. Фроловой, 1906. 236 с.

15. *Пронштейн А. П.* Земля Донская в XVIII веке. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1961. 375 с.

16. Рассказы о службе астраханских казаков / записаны А. А. Догадиным. Астрахань: Издание Астраханского казачьего Войска, 1908. 143 с.

17. Революция и Гражданская война в России. 1917–1923: Энциклопедия: в 4 т. / гл. ред. С. А. Кондратов. М.: Терра, 2008.

18. *Рудиченко Т. С.* Донская казачья песня в историческом развитии. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовской консерватории им. С. В. Рахманинова, 2004. 511 с.

19. *Рыблова М. А.* Российское казачество в процессах поиска групповой идентичности и этнокультурного конструирования // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28, № 2. С. 124–141.

20. *Самаренко В. П., Этингер М. А.* Русские народные песни Астраханской области. М.: Сов. композитор, 1978. 142 с.

21. *Свиридова А. В.* Сборник А. А. Догадина «Былины и песни астраханских казаков» (оценочное суждение через дистанцию времени) // IV Бирюковские чтения: Материалы Бирюковских чтений (13 июля 2012 г.). Астрахань: Волга, 2012. С. 119–126.

22. *Скворцов В. И.* Историко-статистический очерк Астраханского казачьего войска. Саратов: Типография П. С. Феокритова, 1890. 411 с.

23. *Сычев С. Д., Сычев М. С.* Очерки истории возрождения Астраханского казачьего войска: 1991–2021 гг. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2021. 239 с.

24. *Торопицын В. Л.* Юбилейный год в истории астраханских казаков // X Бирюковские чтения: Материалы Бирюковских чтений (27 января 2018 г.). Астрахань: Новая Линия, 2018. С. 47–53.

25. *Футорянский Л. И.* Проблемы казачества: расказачивание // Вестник ОГУ. 2002. Вып. 2. С. 43–53.

26. Часовые отечества: Из истории российского казачества: Каталог выставки. СПб.: Славия, 2006. 303 с.

27. *Шишкина (Проскурякова) Е. М.* О песенном репертуаре казачьих поселений волжского правобережья Астраханской области // Современное состояние казачьей песенной традиции и проблемы ее изучения: Тезисы научной конф. (22–25 апреля 1983 г.) / отв. ред. М. А. Енговатова. М.: КМФ СК РСФСР, 1983. С. 38.

28. *Шишкина Е. М.* Астраханские ловцы в своих песнях, обрядах, сказаниях, легендах: в 2 т. Т. I. Астрахань: Полиграфком, 2012. 228 с. (Традиционная музыка Нижнего Поволжья; Вып. 2).

29. *Шишкина Е. М.* Астраханские ловцы в своих песнях, обрядах, сказаниях, легендах: в 2 т. Т. II. Астрахань: Полиграфком, 2014. 210 с. (Традиционная музыка Нижнего Поволжья; Вып. 3).

30. *Шишкина Е. М.* Музыка свадьбы Нижнего Поволжья (Астраханская область): Дис. ... канд. иск. М., 1988. 199 с.

31. *Шишкина Е. М.* Русские свадебные песни и причитания Волго-Ахтубинской поймы (Астраханская область). Астрахань: Нова, 2003. 243 с.

32. *Шовунов К. П.* Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII–XVIII вв.). Элиста: Калмыцкий ин-т обществ. наук, 1992. 317 с.

33. *Ярешко А. С.* 100 русских народных песен Астраханской области. Астрахань: Областной дом народного творчества, 1974. 46 с.

34. Ansiedlung von Volga Kosacken an der Linie von Mosdok bis Asow in 6 befestigten Stanizen, unter der Bennenung Astrachanisches Thopponheer // St. Petersburgisches Journal. 1776. Bd. 1. Junius.

35. Merkwürdigkeiten der Morduanen, Kasaken, Kalmücken, Kirgisen, Baschkiren etc.: Auszug aus Pallas Reisen. Frankfurt und Leipzig, 1773.

E. M. Shishkina

SONG AND RITUAL HERITAGE OF ASTRAKHAN COSSACKS AS PART OF THE VOLGA TRADITION

Annotation. The article is devoted to the song heritage of the Astrakhan Cossacks, whose musical culture features are determined by the ethnic characteristics of its population and socio-historical conditions. For the first time, the author attempts to comprehend the genesis of this song-ritual tradition, which remains little studied to date. The relevance of the article is also closely related to the gradual decline of the traditions of this socio-cultural community.

Key words: Cossacks, Astrakhan, Lower Volga region, Russian musical folklore

К. А. Крылов

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР ОРЕНБУРГСКИХ КАЗАКОВ В ПУБЛИКАЦИЯХ, ИССЛЕДОВАНИЯХ И АРХИВНЫХ КОЛЛЕКЦИЯХ

Аннотация. Статья представляет собой обзор архивных коллекций с записями музыкального фольклора оренбургских казаков. Дается информация о собирателях этих материалов. В историческом ракурсе рассматриваются основные публикации и исследования, посвященные музыкальному фольклору казаков Оренбуржья. Обозначены наиболее ценные с научной точки зрения издания.

Ключевые слова: оренбургское казачество, уральские казаки, собирание музыкального фольклора и этнографических материалов, фольклорные архивы

Оренбургское казачество располагалось в границах пяти уездов Оренбургской губернии Российской империи: Оренбургского, Орского, Верхнеуральского, Троицкого и Челябинского. Современные границы Оренбургского казачьего войска проходят по территориям пяти субъектов Российской Федерации — Курганской, Свердловской, Оренбургской, Челябинской областей и Республики Башкортостан. Перечисленные субъекты относятся к регионам Среднего и Южного Урала, а также Зауралья.

В статье представлены публикации и исследования музыкального фольклора оренбургских казаков. Обозначены наиболее ценные с научной точки зрения издания.

Первые краткие описания народной традиционной культуры оренбургских казаков встречаются в записках путешественников конца XVIII века *Петра Симона Палласа* (1741–1811) [29] и *Петра Ивановича Рычкова* (1717–1777) [46]. В первой половине XIX века публикаций, соответствующих теме нашего исследования, не обнаружено. Во второй половине XIX века появились работы, содержавшие описания обрядов и поэтические тексты песен. Авторами таких публикаций стали офицеры Оренбургского казачьего войска, священники и чиновники. В «Очерке свадебных обрядов у оренбургских новолинейных казаков», написанном *Владимиром Николаевичем Плотниковым* (1832–1909) и изданном в 1871 году, от-

сутствует информация о точном месте записи материалов, однако автор сообщил, что «очерк этот относится преимущественно к тем селениям, — от укрепления Наследника до Троицка, — которые образовались от переселения туда со старой линии в 1835 году солдат с зачислением их в казаки» [41, с. 146]. Согласно современному административно-территориальному делению данные поселения (поселок Наследницкий Брединского района и город Троицк) находятся на территории Челябинской области. В. Н. Плотников описал ход обряда, привел диалоги участников и поэтические тексты песен и причитаний с учетом их места и времени исполнения в обряде.

Сходны по структуре и содержанию несколько других работ, вышедших в свет в конце XIX века. В 1881 году священник *Николай Петрович Сементовский* в одном из номеров «Оренбургских епархиальных ведомостей» опубликовал «Свадебные обычаи по казачьим селениям Троицкого уезда (Оренб. губ.)» [49]. В 1894 году в газете «Оренбургский край» свои очерки выпустили *А. Завьялов* («Свадебные обряды казаков Челябинского уезда») [14] и неизвестный автор под псевдонимом Дольский казак («Игрища, устраиваемые в казачьих поселках Челябинского уезда») [9]. Авторы перечисленных работ подробно изложили ход свадебного обряда и игр, хотя и не включили в описание реплики и диалоги его участников. В упомянутых публикациях впервые в большом количестве обнародованы поэтические тексты песен и причитаний с указанием особенностей их исполнения.

В начале XX века работа по сбору фольклора оренбургских казаков продолжилась, и наряду с очерками (например, *Александра Ивановича Кривощёкова* (1882–1957) о свадебном обряде, вечерках и календарных праздниках [21], *Ипполита Михайловича Крашенинникова* (1884–1947) о хороводных и плясовых песнях [20]) стали появляться и сборники песен. Большое значение в этом направлении сыграл *Александр Иванович Мякутин* (1876–1918), который, помимо собственной собирательской деятельности, стимулировал работу по сбору фольклорных материалов большого круга единомышленников (более 80 человек). Среди них *Павел Петрович Вопилов* (1875/1878–1907, «Подробность свадебного обихода и свадебных обычаев в станице Кундравинской») [6]), *Филипп Денисович Ефимов* («Описание свадьбы в станице Магнитной» [12], «“Кстины” (крестины)» [11]), а также войсковой старшина *Н. Бухарин*, подъесаулы *М. Лобанов* и *Л. Чернявский*, сотник *Д. Пичугин* и уряд-

ник *М. Соколов*. Итогом этой масштабной работы стало четырехтомное издание «Песни оренбургских казаков» (1904–1906, 1910), подготовленное А. И. Мякутиным [33; 34; 35; 36].

Первым из собирателей, опубликовавшим, помимо поэтических текстов также и музыкальные нотации образцов фольклора оренбургских казаков, стал *Фёдор Никифорович Баранов*. Его трехтомное издание «Песни оренбургских казаков с напевами» вышло в свет в 1913 году в Оренбурге [38]. Нотации, вероятно, выполненные по слуху, представлены в одноголосном изложении с указанием вариантного развития мелодики. Предварительное сравнение опубликованных нотаций с записями, произведенными в конце XX века, позволяет говорить о высокой степени достоверности. К сожалению, в данной работе не указаны места записи песен.

В дореволюционный период фольклорные материалы, собранные у оренбургских казаков, публиковались в Оренбурге и Уфе. После революции 1917 года эта деятельность стала осуществляться специалистами в Екатеринбурге (Свердловске), Кургане, Магнитогорске, Москве, Оренбурге (Чкалове), Санкт-Петербурге и Челябинске, а дело сбора фольклорного материала перешло в основном к представителям высших учебных заведений или сотрудникам учреждений культуры. Дальнейшее представление публикаций в настоящей статье будет осуществляться по городам.

В **Свердловске** (**Екатеринбурге)** в период с 1943 по 1957 годы собирательской деятельностью занимался *Лев Львович Христиансен* (1910–1985). В большей степени им были обследованы горнозаводские поселки Свердловской области и Пермского края, но также и казачьи поселения Челябинской области: села Катенино Варненского района и Варламово Чебаркульского района в 1954 году. В сборнике «Уральские народные песни» (1961) им опубликованы музыкальные нотации и поэтические тексты песен [56].

Начиная с 1994 года экспедиционную деятельность в Челябинской и Курганской областях проводят сотрудники Свердловского областного Дома фольклора *Светлана Геннадьевна Бармина, Светлана Наильевна Кучевасова, Елена Александровна Лягинскова, Юрий Михайлович Нестеров, Валентина Николаевна Паркулаб, Евгений Владимирович Пестерев,* записавшие большое количество образцов музыкального фольклора оренбургских казаков. Ныне материалы экспедиций хранятся в архиве Центра традиционной народной культуры Среднего Урала. Часть записей издана на аудиокассетах

и компакт-дисках в серии «Антология казачьего фольклора», куда вошли песни из казачьих населенных пунктов Арсинский, Бородиновка, Катенино, Краснинский, Кулевчи, Наследницкий Челябинской области. Помимо аудиозаписей публикуются и сборники с нотациями песен, архивными документами по истории оренбургского казачества и воспоминаниями народных исполнителей о семейной и календарной обрядности [3; 10; 16; 24; 53; 55]. Значительную часть собранного материала еще предстоит исследовать и опубликовать.

В Кургане записи музыкального фольклора оренбургских казаков исследователи осуществляют с 1970-х годов. Поэтические тексты песен и описания обрядов опубликованы *Леонидом Алексеевичем Саверским* в издании «Русский дом» [45]. Свадебный обряд и поэтические тексты песен из села Прорывное Звериноголовского района Курганской области приводятся *Валентиной Павловной Фёдоровой* в статьях газеты «За изобилие» [57]. Единичные нотации казачьих песен были обнародованы в сборнике *Григория Ивановича Иванова-Балина* «Русские народные песни Зауралья» [44]. Вместе с тем основная часть архивных записей песен оренбургских казаков из коллекций Л. А. Саверского, Г. И. Иванова-Балина, а также *Михаила Григорьевича Екимова,* не издана и хранится в архиве Курганского областного Дома народного творчества.

В Магнитогорске собирательской и исследовательской деятельностью с 1973 года занимается филолог *Андрей Георгиевич Серов*. Результатом фольклорных экспедиций собирателя стало издание трудов, посвященных быту и традиционной культуре оренбургских казаков: «Песни, обычаи и обряды станицы Магнитной» [32], «За Уралушкой огонечек горит…» [13] и «Воспоминания старожилов станицы Магнитной» [7]. В сборнике «За Уралушкой огонечек горит…» опубликовано 337 поэтических текстов песен. Объемный архив аудио- и видеозаписей уже оцифрован в Магнитогорской консерватории, в настоящее время А. Г. Серов занимается его систематизацией и подготовкой к публикации.

В 2004 году на базе Фольклорно-этнографического кабинета филологического факультета Магнитогорского государственного университета была открыта Лаборатория народной культуры под руководством профессора *Татьяны Ивановны Рожковой* (кабинет работал с 1993 года). С 2014 года Лаборатория функционирует в структуре Магнитогорского государственного технического университета имени Г. И. Носова. Ее сотрудники проводят экспедици-

онное обследование народной традиционной культуры Челябинской области и Республики Башкортостан. По итогам работы в свет вышли следующие издания, содержащие поэтические тексты и нотации образцов музыкальной культуры оренбургских казаков: «Похоронно-поминальные традиции на Южном Урале» [42] и «Народный календарь Южного Урала» [27]. Данные работы представляют результат научного осмысления жанров духовных стихов и календарных песен. Помимо текстов и, частично, напевов в трудах даны сведения этнографического характера, отражающие особенности функционирования календарных песен, духовных стихов, псальм и похоронных причитаний.

Большой вклад в экспедиционное обследование традиций оренбургских казаков внесли **столичные** музыкальные высшие учебные заведения — Московская государственная консерватория имени П. И. Чайковского и Российская академия музыки имени Гнесиных.

Ранние аудиозаписи музыкального фольклора оренбургских казаков сделаны в 1958 году аспиранткой Московской государственной консерватории *Ю. С. Звоницкой* в селе Варламово Чебаркульского района Челябинской области. Ею зафиксировано на магнитной пленке уникальное звучание свадебного хорового причитания, а также свадебных, лирических, хороводных и плясовых песен. Записи хранятся в архиве Научного центра народной музыки имени К. В. Квитки МГК.

С 1986 года по настоящее время экспедиционную деятельность на исследуемой нами территории ведет профессор Московской консерватории *Нина Михайловна Савельева*. Значение проделанной ею работы трудно переоценить, так как опубликованные материалы стали значительным стимулом к практическому освоению музыкального фольклора оренбургских казаков для местных фольклорных ансамблей. В 2003 году был издан компакт-диск «За Уралом за рекой. Песни и наигрыши оренбургских казаков», а затем в 2009 году — нотный сборник с одноименным названием [47], в который вошли и записи 1967 года, выполненные студенткой Московской консерватории *Л. А. Славянской*. Стоит отметить, что в 2018 году был опубликован сборник «Запоем-кася, братцы, песню новую. Народные песни и наигрыши Оренбургской области» [48], в который включены материалы экспедиций в неказачьи поселки. Неопубликованными остаются записи из граничащего с Челябинской областью Кваркенского района на востоке Оренбургской области.

В январе 1991 года в Нагайбакском районе Челябинской области проводилась экспедиция под руководством профессора Московской консерватории *Вячеслава Михайловича Щурова* (1937–2020). Летом того же года собиратель записал песни от казаков Кизильского и Брединского районов Челябинской области. В результате работы В. М. Щуровым был накоплен необычайно ценный материал: лирические, свадебные, плясовые песни и свадебные причитания (общее количество записей составило 324 образца). Часть коллекции была опубликована самим исследователем совместно с *Александром Васильевичем Никитиным* в виде сборника музыкальных нотаций и поэтических текстов «Старинные песни уральских станиц» [52]. Экспедиционные записи хранятся в архиве Научного центра народной музыки имени К. В. Квитки Московской консерватории.

В 1976 году студентки Государственного музыкально-педагогического института имени Гнесиных (ныне Российская академия музыки имени Гнесиных) *Н. Ю. Тархова* и *М. Гольдер* осуществили запись песен от оренбургских казаков в Пластовском районе Челябинской области. Годом позже Н. Ю. Тархова предприняла повторную поездку, зафиксировав ценные записи причитаний, лирических, свадебных и плясовых песен в Уйском районе Челябинской области. Часть записанного материала была проанализирована и вошла в ее дипломную работу «Лирические и плясовые песни Южного Урала». Записанные образцы не опубликованы и хранятся в архиве Музыкально-этнографического центра имени Е. В. Гиппиуса Российской академии музыки имени Гнесиных.

В Оренбурге (Чкалове) собирательской деятельностью занимался *Александр Владимирович Бардин* (1888–1962). Он вел курс советской литературы и фольклора в Чкаловском педагогическом институте. Многие годы исследователь фиксировал произведения устного народного творчества Чкаловской области. Результатом его собирательской деятельности стал выход в свет книг «Фольклор Чкаловской области» [58] и «Советский фольклор Чкаловской области» [51]. В труде «Песни оренбургского казачества» [40] А. В. Бардин впервые разместил фольклорные образцы лирических, свадебных, плясовых песен с напевами, сопровождая их указаниями о месте записи. Запись напевов в 1930-е годы осуществил *Павел Петрович Малый (*1905–1981*)*. Сборник содержит также материалы из поселка Грязнушинский Кизильского района Челябинской области.

В 2000-е годы сборники песен оренбургских казаков издавались Региональным центром развития культуры Оренбургской области. Большая заслуга в этом принадлежит *Татьяне Юрьевне Скопинцевой* (1950–2022) и *Анне Владимировне Борщевской*. В 2018 году был опубликован сборник песен «Как во саду было, садику» [17], подготовленный Т. Ю. Скопинцевой и *Ириной Петровной Посадской*. В нем уделено внимание функционированию духовных стихов, опубликованы поэтические тексты и нотации казачьих песен из Сакмарского района, а также выполнено описание свадебного обряда. Годом позже, в 2019 году А. В. Борщевская и Т. Ю. Скопинцева подготовили публикацию «Дружно, ребята, в поход собирайтесь» [2], куда вошли материалы, записанные в Саракташском районе Оренбургской области в период с 1989 по 2018 годы. Издание содержит нотации и поэтические тексты песен, а также описания свадебной и календарной обрядности, занятий, игр и развлечений детей и молодежи, бытового уклада казаков.

Еще одна публикация А. В. Борщевской и Т. Ю. Скопинцевой совместно с *Натальей Александровной Долгих* вышла в 2020 году — «Наследие степного Оренбуржья: музыкально-этнографические модели традиционной культуры Илекского, Переволоцкого и Саракташского районов Оренбургской области» [28]. Стоит отметить, что книга, помимо поэтических текстов и нотаций песен, содержит описание традиционной культуры казаков и историю возникновения сел. Последнее на данный момент издание, вышедшее в 2021 году, — «Оренбургские казачьи народные песни» [1] — включает в себя значительное собрание песен (100 образцов). Публикация подготовлена А. В. Борщевской, Т. Ю. Скопинцевой и *Ольгой Ивановной Рукавицыной*. Особый интерес представляет описание разных сторон казачьей жизни, специфики регионального исполнительского стиля, особенностей бытующих жанров и форм фольклора. С аудиозаписями песен можно познакомиться, пройдя по ссылке из QR-кода.

Сотрудники Фольклорно-этнографического центра имени А. М. Мехнецова и студенты музыковедческого факультета[1] **Санкт-Петербургской** государственной консерватории имени Н. А. Рим-

[1] Направление подготовки 53.03.06 Музыкознание и музыкально-прикладное искусство (уровень бакалавриата), профиль «Этномузыкология».

ского-Корсакова начали обследование казачьих поселений оренбургских казаков в Челябинской и Курганской областях в 2014 году. Целью фольклорно-этнографических экспедиций стало комплексное обследование народной традиционной культуры оренбургского казачества. Материалы экспедиционных поездок хранятся в архиве ФЭЦ имени А. М. Мехнецова СПБГК им. Н. А. Римского-Корсакова (коллекции основного цифрового фонда № 313, 315, 321, 326, 337, 341, 353). В 2017 году по итогам совершенных экспедиций был выпущен сборник «Песни оренбургских казаков Новой линии» [37]. В 2019 году опубликована работа автора данной статьи «Песни казаков Южного Урала (по экспедиционным записям из Кизильского района Челябинской области)» [31]. В аудио- и видеоприложение на DVD вошли также записи, выполненные В. М. Щуровым в 1991 году. В предисловии к сборнику даны сведения, кратко представляющие местную песенную традицию, характеризующие свадебную и календарную обрядность казаков. Материал расположен согласно жанрам музыкального фольклора и насчитывает 86 образцов.

Помимо издания сборников автор статьи выполнил исследование, которое вышло в виде монографии «Песенная традиция казачьего села Кулевчи Челябинской области» [22], где приведена жанровая система музыкального фольклора оренбургских казаков, выделен попевочный словарь, рассмотрены характерные исполнительские приемы. Издание содержит 53 музыкально-поэтических текста, а также аудиоприложение с записями, выполненными с помощью метода многоканальной фиксации. Исследование осуществлено на материале экспедиций 1996 и 1997 годов, проведенных сотрудниками Свердловского областного Дома фольклора. В настоящее время материал хранится в Центре традиционной народной культуры Среднего Урала (г. Екатеринбург).

В Челябинске изучением фольклора оренбургских казаков начали заниматься в середине XX века. Выдающийся фольклорист и исследователь *Виктор Евгеньевич Гусев* (1918–2002) с 1947 по 1955 годы работал в Челябинском государственном педагогическом институте. В этот период он целенаправленно и систематически проводил фольклорно-этнографические экспедиции в Челябинской области, по результатам которых в 1957 году опубликовал сборник «Русские народные песни Южного Урала» [8] с поэтическими текстами песен.

Продолжателем дела, начатого В. Е. Гусевым, стал *Александр Иванович Лазарев* (1928–2001) — фольклорист, литературовед, краевед

и общественный деятель. Первые фольклорные экспедиции были осуществлены им в 1959 году. Возглавляя кафедру литературы и фольклора Челябинского государственного университета, он занимался изучением народных традиций и публиковал фольклорно-этнографические материалы в сборниках. А. И. Лазарев совместно с В. Л. Хоменко в 1969 году издал сборник «Родные напевы. Старинные и современные русские народные песни Урала» [43], в который вошли нотации и поэтические тексты песен, записанных в этнографических экспедициях Челябинского педагогического института. В соавторстве с А. В. Глинкиным А. И. Лазарев подготовил издания «Песни оренбургских казаков: старые и новые записи» [39] и «Любовь — песня. Народные песни Южного Урала» [23]. В них опубликованы песни, записанные в период с 1970-х по 1990-е годы, а также комментарии историографического и филологического характера. Стоит отметить, что в сборниках приведены музыкальные нотации свадебных обрядовых, посиделочных, любовных, семейно-бытовых, социально-бытовых, воинских и драматических (с балладным сюжетом) песен.

Немаловажную роль в собирании и публикации материалов по народной традиционной культуре казаков сыграл *Владимир Леонидович Хоменко* (1928–?), преподававший в Челябинском государственном институте культуры. Им опубликованы сборники народных песен, один из которых — «В Урале Русь отражена» [5] — представляет две сферы творчества: композиторское искусство и народную музыку. В книге размещены сочинения южноуральских композиторов и нотации песен, собранных В. Л. Хоменко в казачьих поселках Октябрьского, Верхнеуральского, Агаповского и Еткульского районов Челябинской области. В другой работе этого автора — «Народные песни Челябинской области. Методические рекомендации для руководителей самодеятельных хоров народной песни» [59] — приведены нотации и поэтические тексты песен с рекомендациями их сценического воплощения.

Анатолий Викторович Глинкин, будучи с 1976 года преподавателем Челябинского колледжа культуры, а с 2002 года возглавляя отделение этномузыкального (этнохудожественного) творчества, ежегодно вместе с преподавателями и студентами осуществлял фольклорно-этнографические экспедиции по Челябинской области. Итогом его деятельности стало издание им в соавторстве с Т. А. Валиахметовой песенных сборников, вышедших в 2003

и 2008 годах под единым названием «Народные песни Южного Урала» [25; 26]. Данные публикации содержат 338 образцов народных песен Челябинской области. В сборнике 2008 года материал расположен согласно районам, что отражает стремление составителей отразить локальную специфику песенных традиций. К сожалению, в сборниках полностью отсутствуют комментарии об обстоятельствах исполнения песен, что затрудняет изучение песенной культуры оренбургских казаков.

Начиная с 1978 года экспедиционной деятельностью занимаются студенты и преподаватели Челябинского государственного института культуры. Результатом поездок стал нотный сборник «Песни Варненского района Челябинской области: По следам фольклорной экспедиции 1995 года» [30], подготовленный *Татьяной Александровной Засыпкиной* и вышедший в 1998 году в Челябинске. В издании приводятся нотации и поэтические тексты свадебных, лирических, семейно-бытовых, шуточных и игровых песен оренбургских казаков.

Несколько публикаций осуществлены *Надеждой Ивановной Бухариной* — «Народные песни Южного Урала: Из опыта изучения фольклорного наследия Челябинской области» [4] и «Как за реченькой, за Уралушкой. Народные песни Челябинской области» [18]. В них содержатся нотации песен и комментарии о контексте их исполнения. Во вступительной статье раскрываются исполнительские особенности пения казаков и приведена краткая характеристика жанровых групп.

Экспедиционную, исследовательскую и издательскую деятельность также ведет *Наталья Александровна Сафонова*, в 2020 году выпустившая в свет сборник песен «Как под веткой, под ветлинкой. Песенная традиция Южного Урала» с аудиоприложением [19].

При кафедре народного пения Южно-Уральского государственного института искусств имени П. И. Чайковского, образованной в 2016 году, действует научная лаборатория. С 2018 года преподаватели и студенты выезжают в фольклорно-этнографические экспедиции в Верхнеуральский, Нагайбакский и Варненский районы Челябинской области. Преподавателем кафедры *Ольгой Леонидовной Юровской* совместно с *Анатолием Александровичем Зыряновым* в 2018 году выпущен сборник «Там в саду при долине…: традиционные народные песни Верхнеуральского района Челябинской области» [54], который содержит аудио- и видеоприложение.

В 2022 году О. Л. Юровской и Н. И. Бухариной опубликована хрестоматия — учебно-практическое пособие «Казаченька: традиционные лирические песни поселка Арсинский Нагайбакского района Челябинской области» [15]. О. Л. Юровской написан ряд статей, посвященных свадебному музыкальному фольклору оренбургских казаков, одна из которых — «Музыкальный стиль свадебных песен поселка Арсинский Нагайбакского района Челябинской области» [60].

Обобщая презентацию источников, посвященных музыкальному фольклору оренбургских казаков, отметим, что за более чем столетний период активной собирательской деятельности опубликовано значительное количество нотаций и поэтических текстов музыкального фольклора оренбургских казаков, представляющих различные жанры: свадебные, календарные, лирические, хороводные, плясовые песни, духовные стихи и псальмы, свадебные и похоронные причитания. Большинство изданий предыдущих пяти лет содержат аудио- и видеоприложения, обращение к которым позволяет услышать подлинное звучание песенных образцов и перенять традицию стилистически достоверно.

Вместе с тем обращает на себя внимание факт недостаточного объема специализированных научных исследований, что может объясняться отсутствием в крупных уральских городах (Екатеринбурге, Магнитогорске, Оренбурге, Челябинске) особого научно-исследовательского направления в музыкальных высших учебных заведениях, которое бы готовило этномузыкологов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Борщевская А. В., Рукавицына О. И., Скопинцева Т. Ю.* Оренбургские казачьи народные песни / под общ. ред. О. В. Савенко, под науч. ред. В. А. Логиновой. Оренбург: ООО «Изд-во “Оренбургская книга”», 2021. 264 с.

2. *Борщевская А. В., Скопинцева Т. Ю.* «Дружно, ребята, в поход собирайтесь». Традиционный фольклор Саракташского района Оренбургской области. Оренбург: Межрегиональная общественная казачья организация «Рубеж»., 2019. 136 с.

3. «Будь верен до смерти…». Из истории станицы Магнитной: Этнографические очерки / Сост. С. Н. Кучевасова. Екатеринбург: ЦТНК СУ, 2017. 86 с. (Серия «Оренбургское казачество. История в судьбах». Вып. 5).

4. *Бухарина Н. И.* Народные песни Южного Урала: Из опыта изучения фольклорного наследия Челябинской области. Учебно-методическое пособие. Челябинск: Челяб. гос. ин-т искусства и культуры, 1997. 37 с.

5. В Урале Русь отражена: Песни конкурсные, о городах и народные / Сост., запись народных песен и коммент. В. Л. Хоменко. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1971. 190 с.

6. *Вопилов П. П.* Подробность свадебного обихода и свадебных обычаев в станице Кундравинской // Мякутин А. И. Песни оренбургских казаков. Песни обрядовые. Духовные стихи. Апокрифы. Заговоры. Очерки обрядов. Царь Максимилиан. Добавления. Оренбург, 1910. Вып. 4. С. 236–244.

7. Воспоминания старожилов станицы Магнитной (старые и новые записи) / Сост. А. Г. Серов. Магнитогорск: Изд-во «ПР-Капитал. Издат. Дом», 2013. 274 с.

8. *Гусев В. Е.* Русские народные песни Южного Урала. Челябинск: Челяб. кн. изд-во, 1957. 173 с.

9. *Дольский казак.* Игрища, устраиваемые в казачьих поселках Челябинского уезда // Оренбургский край. 1894. № 164. С. 1–2.

10. *Ефанова В. Н.* Из истории Верхнеуральска / Сост. С. Г. Бармина. Екатеринбург, 2013. 48 с. (Серия «Оренбургское казачество. История в судьбах». Вып. 1).

11. *Ефимов Ф. Д.* «Кстины» (крестины) // Мякутин А. И. Песни оренбургских казаков. Оренбург, 1910. Вып. 4. С. 244–245.

12. *Ефимов Ф. Д.* Описание свадьбы в станице Магнитной // Мякутин А. И. Песни оренбургских казаков. Оренбург, 1910. Вып. 4. С. 216–235.

13. «За Уралушкой огонёчек горит…»: песни казачьих посёлков Южного Урала / Вступ. статья, науч. коммент. С. Г. Шулежкова; сост., расшифровка фонозаписей, примеч. А. Г. Серов; под ред. С. Г. Шулежковой. Магнитогорск: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ»; Изд-во Магнитогорского гос. ун-та, 2007. 312 с.

14. *Завьялов А.* Свадебные обряды казаков Челябинского уезда // Оренбургский край. 1894. № 220. С. 2–3; № 223. С. 2–3; № 226. С. 2–3.

15. Казаченька: традиционные лирические песни поселка Арсинский Нагайбакского района Челябинской области (материалы фольклорно-этнографических экспедиций). Хрестоматия. Учебно-практическое пособие / Сост. О. Л. Юровская, Н. И. Бухарина. Челябинск: ОГБУК «Челябинский центр народного творчества», 2022. 61 с.

16. Казачий форпост: из истории Сухтелей: сборник этнографических материалов / Сост. С. Г. Бармина. Екатеринбург: ЦТНК СУ, 2015. 92 с. (Серия «Оренбургское казачество. История в судьбах». Вып. 3).

17. Как во саду было, садику...: традиционный фольклор Оренбургской области / Сост. Т. Ю. Скопинцева, И. П. Посадская. Оренбург: ИПК «Газпресс» ООО «СервисЭнергоГаз», 2018. 100 с.

18. «Как за реченькой, за Уралушкой»: народные песни Челябинской области: Репертуарный сборник / Сост. Н. И. Бухарина, И. Н. Вишнякова. Челябинск: Челябинская гос. акад. культуры и искусств, 2011. 78 с.

19. Как под веткой, под ветлинкой. Песенная традиция Южного Урала: фольклорно-этнографические материалы / Автор-сост. Н. А. Сафонова. Челябинск: Челябинский государственный институт культуры, 2020. 130 с.

20. *Крашенинников И. М.* Хороводные и плясовые песни казачьего поселка Сосновка Челябинского уезда Оренбургской губернии // Этнографическое обозрение. М., 1904. № 2. С. 139–155.

21. *Кривощёков А. И.* Обряды и обычаи оренбургских казаков // Вестник Оренбургского учебного округа. Уфа, 1915. № 1. С. 9–27; № 2. С. 57–87.

22. *Крылов К. А.* Песенная традиция казачьего села Кулевчи Челябинской области. Екатеринбург: ЦТНК СУ, 2023. 272 с.

23. Любовь — песня: Народные песни Южного Урала / Сост. А. В. Глинкин, А. И. Лазарев; вступ. ст. А. И. Лазарева. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1999. 191 с.

24. «Место, где живут “дутовцы”»… / Сост. С. Г. Бармина. Екатеринбург: ЦТНК СУ, 2016. 178 с. (Серия «Оренбургское казачество. История в судьбах». Вып. 4.).

25. Народные песни Южного Урала / Авт.-сост. А. В. Глинкин, Т. А. Валиахметова. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. 208 с.

26. Народные песни Южного Урала / Авт.-сост. Т. А. Валиахметова, А. В. Глинкин. Троицк: Изд-во ИП Кузнецова Н. Н., 2008. 248 с.

27. Народный календарь Южного Урала: хрестоматия / Сост. С. А. Моисеева, Т. И. Рожкова. Магнитогорск: МаГУ, 2013. 214 с.

28. Наследие степного Оренбуржья: музыкально-этнографические модели традиционной культуры Илекского, Переволоцкого и Саракташского районов Оренбургской области / Сост. А. В. Борщевская, Н. А. Долгих, Т. Ю. Скопинцева; собиратели М. А. Гладышева, О. И. Рукавицына; под общ. ред. О. В. Савенко, науч. ред. В. А. Логинова. Оренбург: ИПК «Газпресс» ООО «СервисЭнергоГаз», 2021. 304 с.

29. *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российской Империи. Санкт-Петербург, 1773. Ч. 1. 657 с.

30. Песни Варненского района Челябинской области: По следам фольклорной экспедиции 1995 г. / Сост. Т. А. Засыпкина. Челябинск, 1998. 51 с.

31. Песни казаков Южного Урала (по экспедиционным записям из Кизильского района Челябинской области). Сборник песен с аудио-, видеоприложением (2 DVD) / Сост., предисл. К. А. Крылов. Санкт-Петербург: Скифия-Принт, 2019. 192 с.

32. Песни, обычаи и обряды станицы Магнитной: Материалы по традиционной культуре, фольклору и этнографии станицы Магнитной / Сост. А. Г. Серов. Магнитогорск, 2003. 195 с.

33. Песни оренбургских казаков / Собрал сотник А. И. Мякутин. Оренбург: Типо-литография Б. Бреслина, 1904. Т. 1. Песни исторические. 294 с.

34. Песни оренбургских казаков / Собрал сотник А. И. Мякутин. Оренбург: Типо-литография Б. Бреслина, 1905. Т. 2. Песни былевые. 162 с.

35. Песни оренбургских казаков / Собрал подъесаул А. И. Мякутин. Оренбург: Типо-литография Б. Бреслина, 1906. Т. 3. Песни бытовые. 314 с.

36. Песни оренбургских казаков / Собрал А. И. Мякутин. Санкт-Петербург: Типо-Литография К. Беркенфельда, 1910. Т. 4. Песни обрядовые. Духовные стихи. Апокрифы. Заговоры. Очерки обрядов. Царь Максимилиан. Добавления. 352 с.

37. Песни оренбургских казаков Новой линии / Авт.-сост. К. А. Крылов. Екатеринбург: ЦТНК СУ, 2017. 36 с.

38. Песни оренбургских казаков с напевами: в 3-х выпусках / Собрал и положил на ноты Ф. Н. Баранов. Оренбург: Электро-паровая литотипография товарищества Каримов, Хусаинов и К°, 1913. Вып. 1. 106 с.; Вып. 2. 120 с.; Вып. 3. 120 с.

39. Песни оренбургских казаков: старые и новые записи / Авт.-сост. А. В. Глинкин, А. И. Лазарев. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1996. 266 с.

40. Песни оренбургского казачества / Сост., вступление А. В. Бардин. Оренбург: Обл. книж.-журнал. изд-во, 1938. 157 с.

41. *Плотников В. Н.* Очерк свадебных обрядов у оренбургских новолинейных казаков // Записки Оренбургского отдела Императорского Русского Географического Общества. Казань: Университетская типография, 1871. Вып. 2. С. 169–200.

42. Похоронно-поминальные традиции на Южном Урале. Сборник материалов фольклорных экспедиций лаборатории народной культуры Магнитогорского государственного университета (1993–2007) / Авт.-сост. Т. И. Рожкова, С. А. Моисеева. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорского гос. ун-та, 2008. 191 с.

43. Родные напевы. Старинные и современные русские народные песни Урала / Сост. А. И. Лазарев, нотная запись В. Л. Хоменко. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1969. Вып. 1. 100 с.

44. Русские народные песни Зауралья / Сост. Г. И. Иванов-Балин. М.: Сов. композитор, 1988. 198 с.

45. Русский Дом: русские семейно-бытовые традиции, обряды, говоры, заговоры, молитвы, поверья в рассказах и песнях старожилов Зауралья / Авт.-сост. Л. А. Саверский. Курган, 2015. 660 с.

46. *Рычков П. И.* Журнал или Дневные записки путешествия капитана Рычкова по провинциям Российского государства, 1769 и 1770 году. Санкт-Петербург, 1770. 190 с.

47. *Савельева Н. М.* За Уралом, братцы, за рекой. Народные песни и наигрыши оренбургских казаков. Оренбург: ООО «Печатный дом "Димур"», 2009. 264 с.

48. *Савельева Н. М.* Запоем-кася, братцы, песню новую. Народные песни и наигрыши Оренбургской области. Москва: Современная музыка, 2018. 226 с.

49. *Сементовский Н.* Свадебные обычаи по казачьим селениям Троицкого уезда (Оренб. губ.) // Оренбургские епархиальные ведомости. 1881. № 5. С. 194–202; № 6. С. 234–240.

50. *Семёнов В. Г.* Судьба казачьих офицеров Мякутиных // Оренбургское казачье войско: Культура. Быт. Обычаи. Межвуз. сб. науч. трудов. Челябинск, 1996. С. 117–127.

51. Советский фольклор Чкаловской области / Сост., авт. предисл. и прим. А. В. Бардин. Чкалов: Кн. изд-во, 1947. 167 с.

52. Старинные песни уральских станиц / Сост. В. М. Щуров, А. В. Никитин. М.: Изд-во «Плакат», 2002. 86 с.

53. Сухтели и сухтелинцы / Сост. С. Г. Бармина. Екатеринбург: ЦТНК СУ, 2022. 121 с. (Серия «Оренбургское казачество. История в судьбах». Вып. 7).

54. Там в саду при долине…: традиционные народные песни Верхнеуральского района Челябинской области. Материалы фольклорных экспедиций / Зап., нот., сост., вступ. и коммент. О. Л. Юровской, А. А. Зырянова. Челябинск, 2018. 204 с.

55. У Лебяжьего озера / Сост. С. Г. Бармина. Екатеринбург: ЦТНК СУ, 2019. 200 с. (Оренбургское казачество. История в судьбах. Вып. 6).

56. Уральские народные песни / Сост. Л. Л. Христиансен. М.: Сов. композитор, 1961. 217 с.

57. *Фёдорова В. П.* Казачья свадьба в Зауралье // За изобилие. Куртамыш. 1979. 13, 15 ноября.

58. Фольклор Чкаловской области / Сост. канд. филол. наук А. В. Бардин. Чкалов: Кн. изд-во, 1940. 420 с.

59. *Хоменко В. Л.* Народные песни Челябинской области. Методические рекомендации для руководителей самодеятельных хоров народной песни. Челябинск: Обл. типогр. обл. управления изд-в, тип. и книжной торговли, 1980. 58 с.

60. *Юровская О. Л.* Музыкальный стиль свадебных песен поселка Арсинский Нагайбакского района Челябинской области // Искусствознание: теория, история, практика: научно-практический журнал. № 2 (34). Июнь 2022. Челябинск: ЮУрГИИ им. П. И. Чайковского, 2022. С. 16–24.

K. A. Krylov

MUSICAL FOLKLORE OF ORENBURG COSSACKS IN PUBLICATIONS, RESEARCH AND ARCHIVAL COLLECTIONS

Annotation. The article is a review of archival collections with recordings of musical folklore of Orenburg Cossacks. Information is given about the collectors of these materials. The main publications and studies devoted to the musical folklore of the Orenburg Cossacks are considered from a historical perspective. The most valuable publications from a scientific point of view are designated.

Key words: Orenburg Cossacks, Ural Cossacks, collecting musical folklore and ethnographic materials, folklore archives

В. И. Бодрова

ПЕСЕННЫЕ ТРАДИЦИИ И ПЕВЧЕСКОЕ ИСКУССТВО КАЗАКОВ АЛТАЯ

Аннотация. Фольклор казаков Алтая представляет собой синтез многообразных истоков различных этнических групп казачества и сибирских старожилов. Вместе с тем он органично вписывается в русло старожильческих фольклорных традиций. Это подтверждается общностью репертуара и песенной стилистики с ленточным двухголосием в основе, а также — единой манерой пения в низком грудном регистре. Песенному фольклору алтайских казаков свойственна исполнительская импровизационность, являющаяся показателем владения традицией.

Ключевые слова. Алтай, казаки, песенный фольклор, импровизационность, песенная традиция

Казаки составляют значительную часть старожильческого населения Алтая. Осуществляя правительственную колонизацию Верхнего Приобья и Прииртышья, они были здесь первыми земледельцами [см.: 1]. Фольклор казаков Алтая вобрал в себя традиции селившихся по Сибирской военной линии государственных сибирских крестьян, старообрядцев-поляков, ссылаемых в счет рекрутов и отставных военнослужащих. Предполагавшаяся интеграция разных этнических групп старожилов Сибири подтверждается общностью их песенных стилей.

Ф. Зобнин в конце XIX века отмечал близость фольклора казаков и раскольников, в частности, переклички в свадебном репертуаре, что наблюдается и через столетие [см.: 5; 6]. Исходя из невозможности их непосредственной связи в то время, он предполагал наличие общих истоков. Однако данный факт можно объяснить соседством их поселений. Так, рядом с «поляцкими» поселениями Екатерининское и Старо-Алейское находились казачьи укрепленные пункты — форпост Ново-Алейский, редут Плоский и станица Верх-Алейская.

Целенаправленное изучение фольклора русских поселенцев Алтая началось с 30–40-х годов XIX века. В частности, его исследованием занимались С. И. Гуляев и Г. Н. Потанин, которые оказались непосредственно связаны с казачеством [см.: 3; 12]. Мать

Гуляева происходила из донских казаков, а Потанин был офицером Сибирского казачьего войска. Несмотря на то, что оба они побывали в станице Чарышской, фольклор алтайского казачества, судя по публикациям, не был ими зафиксирован. Потанин собирал фольклор иртышских казаков, а Гуляев — неказачьих традиций. Фольклор алтайских казаков получил освещение в работах Ф. Зобнина и В. Плотникова — собирателей рубежа XIX–XX веков [см.: 5; 6; 12]. Первый, совершая в 1897 г. поездку по Бийской казачьей линии, посетил некоторые ее пункты вплоть до станицы Чарышской. В с. Плоское под Змеиногорском, называвшемся маяком Верх-Алейской станицы, им был зафиксирован свадебный обряд.

Зобнин отмечал, что у казаков были распространены игрища от Пасхи до Троицы по воскресным и праздничным дням. В его публикациях представлены весенние хороводы и игровые песни, приуроченные к весенне-летним праздникам. Две из них — «Как под наши ворота» и «Вышли девушки на улочку» — широко распространены среди сибирских старожилов, встречаясь у разных их групп и в разных местностях, особенно часто — у староверов-поляков. Записанный в с. Плоское Третьяковского района весенний хоровод «Вышли девушки на улочку» исполняется не в старожильческом стиле и певческой манере, а с привнесением влияний поздних российских переселенцев. Песня «Веселитеся подружки», записанная Зобниным в пос. Ключевском, была зафиксирована автором статьи в с. Чарышском в 1988 году в качестве свадебной. С. И. Гуляев также определяет ее принадлежность к свадебному обряду. Однако вариант этой песни в публикации Ф. Зобнина не обнаруживает связи со свадебной обрядностью и, раскрывая любовно-драматическое содержание, приобретает черты весенней игрищной. Вызывает интерес хороводная песня «Ты заря, ты, моя зоренька», записанная Зобниным в пос. Андреевском Змеиногорского уезда. В совместной экспедиции с В. Ю. Багринцевой (Дедык) в 1988 г. эта песня была зафиксирована автором в с. Тигирек Краснощековского района. Игровая песня «Девушка в саду гуляла», записанная Зобниным в том же Тигиреке, в настоящее время там не обнаружена, но текстовые переклички с ней возникают в песне «Засвистали в поле казаченьки» из с. Тулата Чарышского района (1987 г.).

Однако абсолютных песенных аналогов опубликованным образцам рубежа XIX–XX веков среди экспедиционных записей

1987 г. не обнаружено, лишь в поэтических текстах встречаются сюжетные и образные переклички. Так, например, одна из песен, записанных В. Плотниковым, — «Проходи-ко, ты, мое скучное времечко» — содержит мотивы трех тулатинских песен, записанных в 1987–1988 гг.: «Со востоку ветер дует», «Под окошечком сидела» и «Кинареечка»[1].

Основываясь на имеющихся публикациях, этнограф XX века Я. Р. Кошелев отмечает, что в казачьем фольклоре преобладали лирические песни, большей частью на интимно-бытовые темы, а также рекрутские и тюремные песни местного происхождения [см.: 7; 8]. Материалы экспедиций 1987–1988 гг. к казакам Алтая подтверждают это наблюдение.

Установление истоков казачьих фольклорных традиций на Алтае может быть только предположительным, поскольку данные об этом не содержатся в архивных списках казаков. Потаниным зафиксировано, что, по сохранившимся преданиям, среди казаков были запорожцы и донцы, сосланные в 1770 г. за разорение польских городов. Кошелев, отмечая этнографическую пестроту казачьего войска, констатирует, что в нем состояли выходцы из Астраханской, Олонецкой, Тобольской, Тюменской губерний, с Ишима, Тары, Иртыша.

Фольклорист Щуров В. М. указывает на сходство песенного фольклора алтайского казачества с песнями казаков Урала, Дона, Терека [см.: 13; 14]. Возникают параллели в репертуаре казаков Алтая и Семиречья. При сравнении публикаций песен алтайских казаков рубежа XIX–XX веков с современными записями наблюдается жанровая трансформация. Показательной представляется контаминация песенных текстов, когда в развитой сюжетной сфере лирики отдельные сюжетные мотивы перерастают в самостоятельные песенные версии. В целом песенный репертуар казаков с. Тулата Чарышского района содержит лишь остаточные явления бытовавшего ранее фольклорного пласта.

Итак, казачий фольклор Алтая представляет собой синтез многообразных истоков различных групп казачества и сибирских старожилов, однако он органично вписался в русло старожильческих фольклорных традиций. Этот факт подтверждается общностью ре-

---

[1] Последняя отмечена и в собрании Плотникова, но при общности сюжета все ее варианты отличаются текстовым воплощением.

пертуара и песенной стилистики с ленточным двухголосием в основе, а также общей строгой певческой манерой в низком грудном регистре. Исполнительская импровизационность, являющаяся показателем наивысшего владения традицией, определяется принципом вариантных преобразований мелодики, что присуще песенному фольклору как казаков, так и старожилов Алтая.

Обращение именно к исполнительскому аспекту песенной лирики алтайских казаков имеет целью создать теоретическую основу для овладения импровизационностью в русле локальных традиций, наиболее адекватного их воссоздания в практике современного фольклорного исполнительства. Этапы достижения данной цели — наблюдение, фиксация и теоретическое осмысление особенностей исполнительского стиля аутентичных коллективов и отдельных певцов на основе анализа множества индивидуальных версий и вариантов песен.

Проследим реализацию динамического процессуального начала в протяжных лирических песнях, записанных в с. Тулата Чарышского района Алтайского края в 1987–1989 гг. Наибольшая ритмическая свобода при единой слогоритмической основе проявляется, прежде всего, в запевах, что связано с сольной природой их исполнения, не скованного регламентирующим звучанием певческого ансамбля. В запеве выделяются три зоны по степени мобильности: начальный зачин — своего рода импульс к максимальной реализации метроритмической мобильности в последующей части строфы; серединная зона со сквозным процессом вариантных трансформаций по вертикали и горизонтали; стабилизирующее завершение.

В основе всех ритмических вариантов лежат две тенденции: усиление ритмической характерности (синкопированность, пунктирный ритм, внутридолевое паузирование, асимметричное дробление) и унификация, выравнивание длительностей. Ритмика в запевах определяется, во-первых, принципом дробления долей — четным или нечетным, первое преобладает. Еще одним приемом метро-ритмической вариантности в серединной зоне запева является опускание, расширение или сокращение счетных долей. Немаловажную роль в этом процессе выполняет так называемая беглая восьмая, меняющая свое местоположение, в чем заключаются большие потенциальные возможности к трансформации. В ансамблевом звучании второго и третьего композиционных звеньев метроритм модифицируется значительно реже, и, главным образом, привнесением

в унифицированные ритмофигуры пунктирности, триольности, дробления или расширения.

Проявлению мелодической вариантности не свойственна закрепленность за определенными композиционными участками, она пронизывает песни в целом с большей или меньшей степенью интенсивности в различных исполнительских версиях. Движущим механизмом вариантных преобразований мелодики выступает обусловленная складом ленточного двухголосия терцовая взаимозаменяемость ступеней лада и образуемых по вертикали звукокомплексов. Данный принцип реализуется как по горизонтали в непосредственном сопряжении взаимозаменяемых тонов, так и по вертикали в сквозном межстрофическом процессе вариантных трансформаций. Производными от основного принципа возникновения вариантов мелодики являются орнаментика и перемещение ступеней в рамках одной трезвучной основы.

Первый принцип проявляется, главном образом, в начале запева и на завершающих участках второго и третьего звеньев, то есть в узловых композиционных точках, а второй и третий принципы распространяются на всю структуру, но максимально реализуются во втором и третьем звеньях.

Взаимозаменяемость ступеней лада позволяет сконструировать структурно-архитектонические модели звукокомплексов, объединяющие все возможные версии в начале мелодического рельефа и на каденционных участках. В начале мелострофы они представляют собой секундово-терцовые наслоения, заполняющие объем в пределах кварты. Двойное сочленение таких звуковых комплексов соответственно захватывает диапазон ноны. В завершении преобладает трезвучная фактура, причем с основой на VII ступени. Секундовые сочетания возникают в первом случае в результате совмещения второго и третьего принципов с привнесением в трезвучную основу орнаментики. Этим обусловлено многообразие мелодических решений, которое возникает путем комбинирования отдельных звуков. При любых их сочетаниях не возникает ощущения диссонатности в связи с их равнозначностью и взаимозаменяемостью. Второй и третий принципы по сути являются горизонтальной проекцией первого, его внутристрофической реализацией.

Мелодические варианты возникают тремя способами. Один проявляется в импровизационности запева на основе заданного мелодического рельефа, что предполагает скольжение по его

точкам с одновременным их метроритмическим оформлением. В вариантных трансформациях мелодики запева намечаются противоположные тенденции: либо к сглаживанию изломов мелодического контура, его большей плавности, волнообразности, либо к заострению характерной выразительности широких интервалов, становящихся ключевыми и ведущих к образованию асимметричного мелодического рельефа — плавно нисходящего после короткого стремительного взлета. Эти тенденции могут совмещаться как попеременно в разных частях инципитных строф, так и последовательно в одной части запева, когда плавная мелодическая волна начинается и завершается скачком.

Другой путь возникновения мелодических вариантов — свободный выбор при заполнении композиционных участков, предполагающих широкую интервалику и укрупненные длительности. Здесь взаимозаменяемыми оказываются интервалы терции, квинты, сексты, септимы и октавы. Третий способ — орнаментирование (форшлаги, опевания, вспомогательные ходы и т. п.). Орнаментика присутствует большей частью во втором и третьем композиционных звеньях, но может встретиться и в запеве. Она широко используется в терцовых последованиях, а также в завершающих оборотах.

В результате анализа микроинтонационных процессов выявились следующие закономерности. Склонность к микроальтерационным изменениям определенных ступеней лада, что подчинено общей логике ладоинтонационного развития. Повышение VI и понижение II ступеней свидетельствует о проявлении единой системы родственных ладов, свойственной стилистике рассматриваемых песен: натурального, дорийского, фригийского. В некоторых случаях процессы приводят к реальному изменению ступени на полтона (VI высокая и II низкая ступени). Незначительное повышение VII ступени свидетельствует о направленности лада к гармоническому минору, что также иногда реализуется в повышении VII ступени на полтона. Нейтральная терция появляется в результате микроальтерационного повышения II ступени или понижения III, что порой приводит к ее переливчатости — чередованию мажорной и минорной терции.

Обострение интонационной выразительности определенных ступеней, выражающееся в их микроальтерационном понижении или повышении, ведет к их сближению, например: VII повышенная — I пониженная; I повышенная — II пониженная; IV повы-

шенная — V пониженная. Это явление аналогично принципу сближения звуков трезвучий основных ступеней, что выражается в их взаимозаменяемости при вариантных трансформациях.

В микроальтерационных переходах реализуются спроецированные на ладотональность зонные звукопредставления. Правомерность рассмотрения подобных переходов в пределах полутона как одной «расширенной» ладотональности подтверждается взаимообратимостью ступеней в некоторых исполнительских версиях.

Итак, основой микроальтерационных процессов являются взаимозаменяемость ступеней лада и расширенная зонность звукоинтонирования. Типовые черты метроритмики, мелодики и звуковысотного уровня, отраженные в структурно-архитектонических моделях и слогоритмических формулах, позволяют вывести закономерности и принципы импровизационности, которая проявляется в мобильности структурных элементов в процессе исполнения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Булыгин Ю. С.* Первые крестьяне на Алтае. Барнаул, 1974.

2. Вольная душа казачества [Электронный ресурс]. Песни казаков с. Тулата Чарышского р-на: аудиозаписи из личного архива В. Бодровой / Рос. фольклор. союз, Сиб. войсковое казачье об-во; авт. проекта В. Бодрова. Барнаул: Студия Станислава Жерносенко, [2012]. 1 эл. опт. диск (CD-DA):, 1,4 м/сек (67 мин.), 12 см, цифр.

3. *Гуляев С. И.* Былины и песни Южной Сибири. Новосибирск, 1952.

4. Живая традиция [Электронный ресурс]. Песенные традиции староверов-поляков и казаков Третьяковского р-на: песенный фольклор с. Первокаменка Третьяковского р-на Алтайского края: аудиозаписи из личного архива В. Бодровой / Администрация Алтайского края, Рос. фольклор. союз; авт. проекта В. Бодрова. Барнаул: Студия Станислава Жерносенко, 2011. Комплект: 2 CD в контейнере.

5. *Зобнин Ф.* Казачьи песни // Зап. Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отделения Русского Географического Общества. 1903. Вып. 1. С. 1–19.

6. *Зобнин Ф.* Поездка на Алтай // Живая старина. 1898. Вып. 3. С. 267–293.

7. *Кошелев Я. Р.* Вопросы русского фольклора Сибири: дооктябрьский период. Томск: Томский университет, 1963.

8. *Кошелев Я. Р.* Русская фольклористика Сибири XIX — начала XX вв. Томск: Томский университет, 1962.

9. *Мотузная (Бодрова) В. И.* Основы импровизационности в песенном фольклоре (на основе лирики казаков Алтая) // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы междунар. науч. конф. Вып. 4. Барнаул: БГПУ, 2001. С. 150–165.

10. Неизвестная Тулата [Электронный ресурс]. [сборник: аудиозаписи 1966, 1987 и 2012 гг.] / Науч.-изд. центр «Луч» и проект «Чарышский молодежный форпост»; сост.: В. М. Щуров, Л. П. Махова. — Электрон. дан. — М.: Луч, 2014. 1 эл. опт. диск (CD-DA), 1.4 м/сек (65 мин.), 12 см, цифр.

11. *Плотников В.* Песни казаков Сибирского казачьего войска // Зап. Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отделения Русского Географического Общества. 1905. Вып. 2. С. 1–19.

12. *Потанин Г. Н.* Юго-Западная часть Томской губернии в этнографическом отношении / Этнографический сборник. 1864. Вып. 6. С. 1–154.

13. *Щуров В. М.* О региональных традициях в русском народном музыкальном творчестве / Музыкальная фольклористика. М.: Сов. композитор, 1986. Вып. 3. С. 11–48.

14. *Щуров В. М.* Песни алтайских казаков. Барнаул: Изд-во АлтГАКИ, 2010. 100 с.

V. I. Bodrova

SONG TRADITIONS AND SINGING ART OF ALTAI COSSACKS

Annotation. The folklore of the Altai Cossacks is a synthesis of the diverse origins of various ethnic groups of the Cossacks and Siberian old-timers. At the same time, it organically fits into the mainstream of old-timers folklore traditions. This is confirmed by the commonality of the repertoire and song style with a ribbon two–voice at the base, as well as a single singing manner in a low chest register. The song folklore of the Altai Cossacks is characterized by performing improvisationality, which is an indicator of the possession of tradition.

Key words: Altai, Cossacks, song folklore, improvisation, song tradition

П. А. Новиков

ПЕСНИ И СТИХИ ЗАБАЙКАЛЬСКИХ КАЗАКОВ, СОЗДАННЫЕ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1914–1918 гг.

Аннотация. Предыстория и характеристика этнолокальных особенностей Забайкальского казачьего войска. Обзор участия забайкальских казачьих соединений в Первой мировой войне. Поэтические тексты забайскальских казаков.

Ключевые слова: Забайкальское казачье войско, Первая мировая война, песни и стихи

Данная статья призвана осветить отражение в поэтических текстах участия забайкальских казаков в Первой мировой войне. Тема взаимосвязи военной истории со стихами и песнями этнолокального характера обширна и многогранна. В публикации считаю целесообразным сосредоточится на общеисторическом контексте зарождения и развития Забайкальского казачьего войска, выделить особенности, кратко описать наиболее яркие и характерные из малоизвестных широкой общественности эпизодов боевой и земледельческо-колонизационной деятельности данной военной общины.

Забайкальское казачье войско было учреждено 17 марта (все даты по старому стилю) 1851 г. по инициативе генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева. Мотивы создания — защита от Китая (Цинской империи) и ближайшая кадровая и материальная база освоения Приамурья и Приморья. Войско объединило «природных» казаков (пограничных, городовых, станичных) и поверстанных в казачество крестьян Нерчинских горных заводов, всего 100 800 чел. К 1917 г. численность войскового населения достигла 265 000 чел., что составляло 28 % населения Забайкальской области.

С 1855 г. часть забайкальских казаков переселена в Приамурье [см.: 2], где они составили ядро *Амурского казачьего войска.* Из-за непривычного климата (частых наводнений и затяжных дождей) на адаптацию понадобилось несколько поколений. Освоение Приамурья и Приморья можно считать последним крупным территориальным приобретением России, и поныне оставшимся в составе нашего государства.

Забайкальские казаки участвовали в обороне низовьев реки Амур в Крымскую войну 1853–1856 гг. (2,5 тыс. казаков), в подавлении восстания *ихэтуаней* в Китае в 1900 г. (8,5 тыс.), в русско-японской войне 1904–1905 гг. (свыше 19 тыс.). С началом Первой мировой войны в 1914 г. войско выставило 12 276 казаков. Позднее на пополнение мобилизовали еще 6 443 чел. При железнодорожной перевозке забайкальских казаков на фронт в Европейской России их принимали за японцев. Недоразумение возникало из-за монгольских черт лица и желтых лампасов.

В боях Первой мировой войны, по неполным данным, Забайкальское казачье войско потеряло 659 человек убитыми или 3,52 % от выставленных на службу. Для сравнения: в среднем по России погибло 10 % от числа мобилизованных. Благодаря воинскому умению казаки несли меньшие потери, добиваясь больших боевых успехов. В 2014 г. нами предметно был описан боевой путь забайкальских казаков в сражениях Первой мировой войны [см.: 1].

Ниже приводятся три поэтических текста. Два первых написаны старшим урядником 1-го Читинского казачьего полка, георгиевским кавалером И. Н. Воросовым и взяты из книги И. Ф. Шильникова [см.: 3, с. 16–17, 55]. Автор третьего стихотворения неизвестен, оно хранится в архиве историка и журналиста Виталия Апрелкова (Чита). Орфография приведена к современной норме, пунктуация авторов (публикаторов) сохранена.

И. Н. Воросов

АТАКА У Д. ОЛЕШНО 19 ОКТЯБРЯ 1914 Г.

Уж болото прошли. В цепь втянулись хребтов,
Леса бодрость чует дыханье.
Вот лужайка с травой. Ряд прибрежных[1] кустов,
Солнца яркое с неба сиянье.

Впереди наши цепи в горе залегли —
Там живая слышна перестрелка.
Батареи к полку на рысях подошли
И пустили шрапнель на пристрелку.

[1] Река Чарна (Черная).

Полковой командир[1] на горе со значком,
Наблюдает за ходом сраженья.
Доктор мирно любуется свежим цветком,
Как бы выразив к бою презренье.

Сотня наша в резерве стоит до поры.
Уплетают картошки казаки.
Пушек залп громовой… Вдруг команда с горы:
Стройся четвертая сотня[2] к атаке…

Мы наметом пошли, строим лаву в карьер,
Чтобы фланги скорее загнули.
Городьбу из жердей берем словно барьер
И летим к строю немцев, как пули.

Кони бешено мчат чрез канавы, кусты,
Чрез поля, городьбу и обрывы.
В стороне остаются без пользы мосты
Чрез ручьи живописных извивы.

Каски тонных драгун перед нами блестят,
Кони нервно трепещут пред боем.
Видно, даже, на пиках значки шелестят
И гарцует начальство пред строем.

К контратаке готовятся наши враги.
Неуверенность чуем в их рвеньи.
Вдруг по фронту несется пронзительно: и-и!
Участь боя решилась в мгновенье.

Пики к бою опущены. Грозно концы
Поднимаются в уровень глаза
Пыль хлобощется нервно. Драгуны бойцы
Далеки боевого экстаза.

Словно лопнула стенка шеренги врагов,
Строй хваленый в момент разорвался
Все смешалось, лишь блеск аккуратных подков
Долго в орбите глаза метался.

---

1 Временно войсковой старшина И. Ф. Шильников.

2 Командир сотни подъесаул Н. Г. Нацвалов.

НА МОКРЖЕЦ. 2 ИЮЛЯ 1915 Г.

Я помню час, короткий миг кровавой сечи,
Когда мы шли под смелой опытной рукой
Скрываяся во ржи, с врагом желая встречи.
И сердце бурно клокотало в груди молодой.
Когда вожди: Один[1] герой войны минувшей,
Создавший имя первого разведчика себе,
Скрывая тайну для врага во ржи уснувшей,
Сидел на чердаке в полуразрушенной избе.
И точно, как в раскрытых картах, пред собою
Момент руководящий в битве чутко находил…
Другой[2] ползком во ржи, приняв всю тяжесть боя,
Отвагой подлинною храбрость в казаках будил.
Пылает день. Из тучи с ясною улыбкой
На землю солнышко шлет луч со светом и теплом
Читинцы движутся ползком, волною зыбкой,
То тут, то там во ржи мелькнув сереющим пятном.
Нигде ни звука. Словно все кругом застыло.
Вот неожиданно затакал сзади пулемет…
Конечная минута боя наступила…
Еще единый миг прошел, как будто целый год
И вдруг… Ура! Мгновенно шашки обнажились,
По цепи словно ток пронесся из конца в конец.
Цепь поднялась. Рванулась. Дико устремились
К конечной цели все туда, где выступал Мокржец
И дремлющая рожь раскрыла тайну боя.
Решительный момент для схватки наступил.
Расправа началась. Нестройною толпою
Австрийцы потянулись полонниками в тыл.
Да два, еще совсем горячих пулемета
Трофеями достались тут же с массой ружей нам.
Кровавый кончен бой. Усталые все разбрелись
На отдых по разрушенным избам.

---

1 Полковник Д. Ф. Семенов — участник похода в Китай 1900 г. и Русско-японской войны.

2 Есаул А. П. Бакшеев, за этот бой награжден орденом Святого Георгия 4-й степени.

МАРШ 2-ГО АРГУНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ПОЛКА
(на мотив песни «Из села мы трое вышли»)

В нашу славу и победу
Вспомним братцы мы о том,
Как с пятнадцатого года
Породнилися с клинком.

Отбивали ятаганы,
Гнали турок за Аракс
И молилися армяне
Богородице о нас!

Во турецких древних скалах
В царстве ветра и орлов
Турки видели удалых
Забайкальских казаков.

По снегам в ночную пору,
Обходили без дорог
Арарат — крутую гору,
Ван — турецкий городок.

Горем Турция богата,
Смерть здесь рыскает как волк,
Но запомнят супостаты
Наш 2-й Аргунский полк.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Новиков П. А.* Забайкальское казачье войско // Россия в Первой мировой войне 1914–1918 гг.: Энциклопедия: В 3 т. / отв. ред. А. К. Сорокин. Т. 1. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 688–695.

2. *Новиков П. А., Воронцов Д. В.* Амурское казачье войско как опыт военного освоения // Четырнадцатые Байкальские социально-гуманитарные чтения. Материалы Всероссийской политологической конференции с международным участием, Всероссийской социально-гуманитарной конференции, Петровских философских чтений: в 2 т. Т. 1. Иркутск: Иркутский гос. унив-т, 2021. С. 74–81.

3. *Шильников И. Ф.* 1-я Забайкальская казачья дивизия в Великой Европейской войне 1914–1918 гг. Харбин, 1933. 180 с.

P. A. Novikov

SONGS AND POEMS OF THE TRANS-BAIKAL COSSACKS, CREATED DURING THE FIRST WORLD WAR OF 1914–1918

Annotation. Prehistory and characteristics of ethnolocal features of the Trans-Baikal Cossack army. Review of the participation of Trans-Baikal Cossack formations in the First World War. Poetic creativity of the Trans-Baikal Cossacks.

Key words: Trans-Baikal Cossack army, World War I, songs and poems

А. Ю. Патошина

ОБРАЗЫ КАЗАКОВ ВРЕМЕН ВОЙНЫ С НАПОЛЕОНОМ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Аннотация. На протяжении многих столетий казаки принимали участие в войнах, которые вела Российская Империя. Не стала исключением и Отечественная война с войсками Наполеона, которая завершилась Заграничным походом русской армии 1813–1814 годов. На мирных жителей европейских стран большое впечатление произвели казаки, воевавшие вместе с солдатами русской регулярной армии. Их колоритный внешний облик, поведение и особенности быта нашли свое отражение не только в переписке и мемуарной литературе того периода, но и в произведениях изобразительного искусства. Картины, рисунки и гравюры, на которых мы видим казаков во время боевых действий и в мирной обстановке, являются одним из важных источников изучения культуры российского казачества начала XIX столетия.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 года, Заграничный поход русской армии, политическая пропаганда, казаки, изобразительное искусство

Казачество сыграло огромную роль в Отечественной войне 1812 года и окончательной победе над войсками Наполеона во время проведения Заграничного похода русской армии 1813–1814 годов. В первый день вторжения на территорию России 12 (24) июня 1812 года лейб-гвардии казачий полк начал перестрелку с французскими войсками во время их переправы через реку Неман. Казаки принимали участие во всех ключевых битвах с наполеоновскими захватчиками на территории России, участвовали в партизанской войне под предводительством Дениса Давыдова. «В занятых французами областях казачьи отряды проводили многочисленные диверсии, громя обозы и фуражиров, применяя “скифскую тактику” выжженной земли» [6, с. 25].

Во главе с генерал-лейтенантом В. Д. Иловайским казаки ворвались в оккупированную неприятелем Москву, освободив ее от остававшихся там французский войск. После изгнания французов с территории России казаки вместе с регулярными войсками русской армии дошли до Парижа. Наполеон, говоря о закончившемся

неудачей для него походе в Россию, писал: «Надо отдать справедливость казакам: именно им обязаны русские своими успехами в этой кампании. Это бесспорно лучшие легкие войска, какие только существуют» [1, с. 27].

Память об этих грандиозных исторических событиях сохранилась в мемуарной и художественной литературе, дневниках, письмах, газетных и журнальных статьях, а также в многочисленных произведениях изобразительного искусства того периода времени. Казаки стали частью собирательного образа России в массовом сознании европейцев, бывших свидетелями и участниками событий 1812–1814 годов.

Изученные нами картины художников первой половины XIX столетия, посвященные казачьей теме, позволяют выделить несколько типов изображений. Первый из них связан с подробной передачей внешнего облика казаков. Художников интересовали их колоритные костюмы, прически, бороды и различные атрибуты, связанные с профессиональной военной деятельностью. Эти картины имели познавательный характер и часто являлись иллюстрациями к книгам, описывающим занятия и внешний облик подданных Российской империи. Среди подобных изображений в особую группу можно выделить те, которые были призваны нести некую практическую пользу. Так, в австрийском и итальянском фехтовальных пособиях конца XVIII — начала XIX столетий были представлены казаки, ловко наносящие удары пиками.

Но особенно сильный интерес к казакам у европейских художников возник во время Заграничного похода русской армии, когда население европейских стран стало непосредственно общаться с занимавшими их территорию войсками. В каждой культуре существуют свои этносоциальные стереотипы, связанные с массовыми представлениями о других народах, которые далеко не всегда бывают объективными и справедливыми.

Наполеоновская пропаганда широко эксплуатировала образ казака как врага — дикого и безжалостного варвара, пугающего своим экзотическим внешним видом, необузданной жестокостью и пороками. «В 1907 году во Франции вышел словарь арго, в котором в статье “Русский” приводился следующий афоризм: ”Поскребите русского — и вы обнаружите казака, поскребите казака — и вы обнаружите медведя”… Афоризм этот приписывается

самому Наполеону, который действительно описывал русских как варваров и идентифицировал их в этом качестве с казаками — как и многие французы, которые могли называть казаками и гусар, и калмыков или башкир» [4].

Для французских читателей «отдельными брошюрами выходят антиказацкие памфлеты, печатаются эстампы, наглядно иллюстрирующие казачью жестокость, в ход идут даже псевдоказачьи песни, в которых якобы поется о том, что "золото и женщины станут здесь нашей добычей", что французские "дети и женщины заселят наши пустынные просторы"» [3, с. 17]. Накануне вступления русской армии в Париж по указанию Наполеона на улицах были развешаны рисунки с изображениями «ужасных казаков». Художники изображали их нарочито большого роста с безумным взглядом, скачущими в атаку с пиками наперевес, хватающими местных жителей, мародерствующими и пьянствующими (ил. 1–3).

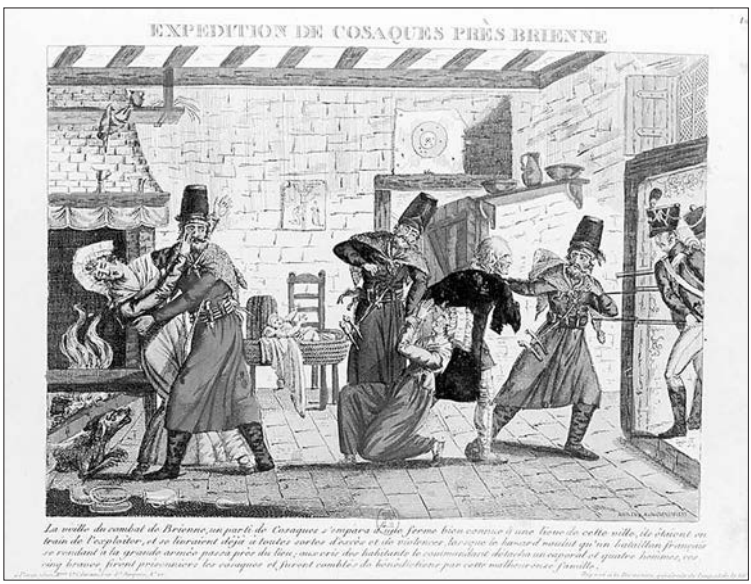
Подобного рода картины были призваны вселить ужас в мирных жителей и побудить их к сопротивлению врагу. Но несмотря на умело подогревавшуюся в прессе ненависть, парижане быстро увлеклись модой на все русское. Французы начали носить прически, головные уборы и костюмы в русском стиле, офицеров и простых казаков приглашали на великосветские мероприятия: «Мы имеем свидетельства о том успехе, который выпал на долю диковинных платовских наездников, преимущественно среди слабого пола» [5].

На гравюре французского художника Жоржа-Жака Гратина (1773–1824) мы видим юного казачьего офицера, которого более опытный товарищ пытается познакомить с дамами полусвета. Его денщик благоразумно пытается увести своего подопечного подальше от искушений (ил. 4).

Серию акварелей со сценками, изображающими казаков и французов в 1814 году сделал чешский художник Георг Эммануэль Опиц (1775–1841). Парижская серия рисунков этой тематики весьма обширна, и исследователи творчества Г. Э. Опица предполагают, что до сих пор часть из них не найдена. Художник был свидетелем пребывания в Париже русских войск, поскольку в это время сопровождал находившуюся там герцогиню Курляндскую. Небольшая часть работ автора связана с исторически важными событиями, такими как снятие с колонны на Вандомской площади статуи поверженного императора Наполеона в одежде римского цезаря (ил. 5).

Ил. 1. Сибирский казак. Карикатура издательства Jean. 1814 год

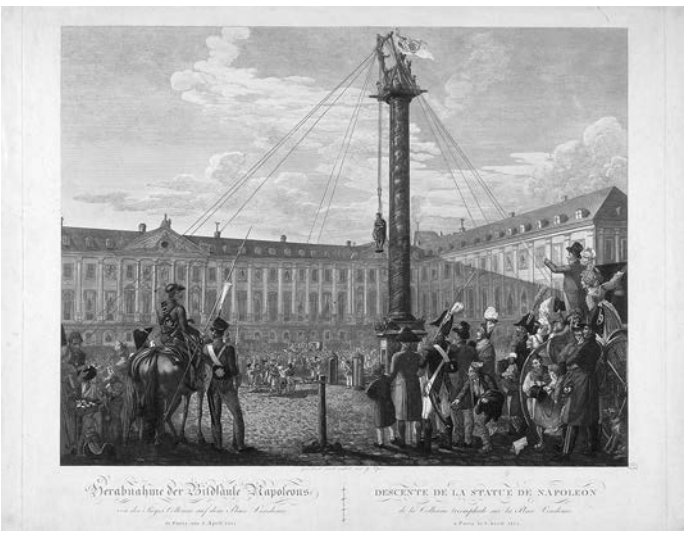
Ил. 2. Высшее счастье казака — пить и воровать. Карикатура издательства Genty. Начало XIX века



Ил. 3. Казаки под Бриенном.
Карикатура издательства Chéreau. 1814 год

[1] Источник иллюстраций: *Таньшина Н.* Наполеоновская пропаганда: «ужасные казаки». [Электронный ресурс] URL: https://dzen.ru/a/ZF4qv2ptlGbZrbzh.

Ил. 4. Ж-Ж. Гратин. Первый шаг юного казачьего офицера в Пале-Рояль. 1814 год[1]



Ил. 5. Г. Э. Опиц. Снятие статуи Наполеона с Вандомской колонны 8 апреля 1814 года[2]

1 Источник иллюстрации: Из Парижа — с любовью. Что писали русские офицеры о французах в 1814 году. [Электронный ресурс] URL: https://aif.ru/society/history/1133197.

2 Источник изображения: «Наполеоновский» Петербург и его отражение в романе Достоевского. [Электронный ресурс] URL: https://yablor.ru/blogs/napoleonovskiy-peterburg-i-ego-otra/7152246.

В левом нижнем углу мы видим фигуры казака на коне и стоящего офицера русской армии.

Основную часть акварелей Г. Э. Опица составляют камерные сцены, отражающие разные стороны быта казаков и их взаимоотношения с горожанами. На них мы видим покупку продуктов и приготовление еды на кострах, купание коней в Сене, пляски и игру на музыкальных инструментах, беседы с парижанками, игру в карты, разнообразные уличные увеселения (см. ил. 6–9).

«Акварели Опица в целом рождают у зрителя ощущение праздничнo приподнятой атмосферы, царившей в городе, и дружного единения победителей и побежденных… Его взгляд удивительным образом совпадает с тем, как воспринимали свое пребывание в Париже русские офицеры» [2, с. 63–64]. Достоверную картину жизни казаков в столице Франции мы видим и на гравюре русского художника немецкого происхождения А. И. Зауервейда (1783–1844), изображающей панораму огромного лагеря казаков, разбитого прямо на Елисейских полях (ил. 10).

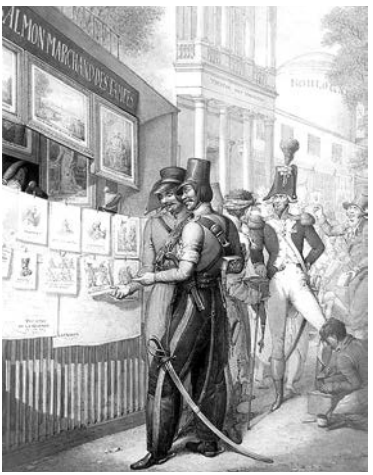
Перемена отношения европейцев к казакам находит свое подтверждение в картинах и гравюрах, появившихся в печати в последующие несколько лет. Французский художник-баталист Антуан-Шарль-Орас (Карл) Верне (1758–1836), сопровождавший армию Наполеона во многих походах, создал ряд реалистичных рисунков на казачью тему. В этих картинах нет неприязненного отношения к изображаемым персонажам, скорее, они являются неким отражением хроники военных событий 1814 года (см. ил. 11–13).

В 1820 году в лондонском издательстве выходит книга «Характерные портреты различных племен казаков, служивших в союзных армиях в кампании 1815 года; взяты из жизни в Париже: и сопровождаются историческими подробностями и подлинными описаниями их манер, костюма и т. д.» с рисунками Генри Уильяма Банбери (1750–1811). На этих изображениях мы видим портреты казаков и представителей различных национальных полков, принимавших участие в войне с наполеоновскими войсками (ил. 14–17).

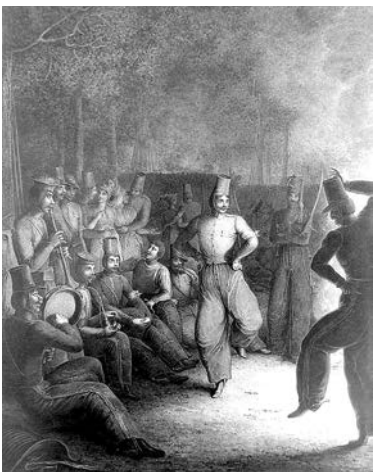
Не обошли вниманием художники и командующих казачьими войсками. Один из самых популярных героев-полководцев — легендарный генерал от кавалерии, войсковой атаман Матвей Иванович Платов (1753–1818). Сохранилось множество портретов и лубочных картин с изображением атамана (ил. 18–19).

Ил. 6. Г. Э. Опиц. Уличная сценка. Казаки в компании парижанок

Ил. 7. Г. Э. Опиц. Приготовление мяса в лагере казаков

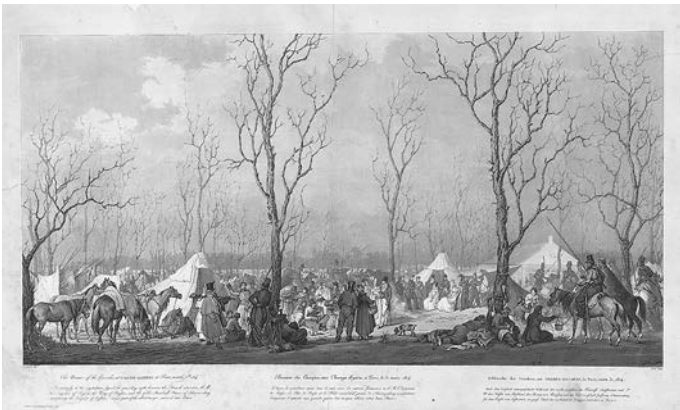


Ил. 8. Г. Э. Опиц. Казаки рассматривают карикатуры на самих себя



Ил. 9. Г. Э. Опиц. Казачья пляска ночью на Елисейских полях

[1] Источник иллюстраций: Казаки в Париже в 1814 году. [Электронный ресурс] URL: https://humus.livejournal.com/4427923.html?ysclid=ln8lyt8050429306580.



Ил. 10. А. И Зауервейд. Бивуак казаков на Елисейских полях в Париже 31 марта 1814 года. Гравюра Ж. П. М. Жазе. 1810-е гг.[1]

Ил. 11. Карл Верне. Казак регулярных полков на скаку, 1815[2]

---

1 Источник изображения: Государственный исторический музей. Экспонаты. [Электронный ресурс] URL: https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/2276885.

2 Источник изображения: Электронный архив «Мемориал Отечественной войны 1812 года». [Электронный ресурс] URL: http://www.1812db.simvolika.org/1812db_test.php?action=card&table=Subject&query=Type=1&id=5193&type=&nav=1&cursor=2830&step=40&sort=ORDER%20BY%20Autor%20ASC,%20Syear%20ASC,%20Smonth%20ASC,%20Sday%20ASC,%20Name%20ASC&title=%C2%F1%FF%20%E6%E8%E2%EE%EF%E8%F1%FC

Ил. 12. Карл Верне. Казаки на бивуаке, 1814[1]

Ил. 13. Карл Верне. Казак-ополченец, везущий военные депеши. Гравюра Дебюкура. 1810-е годы[2]

Ил. 14. Казак регулярного войска

Ил. 15. Донской казак

Ил. 16. Черкес

Ил. 17. Башкир[3]

---

1 Источник изображения: Русский библиофил. [Электронный ресурс] URL: https://www.rusbibliophile.ru/Book/Kazaki_v_voennom_lagere__

2 Источник изображения: Русский библиофил. [Электронный ресурс] URL: https://www.rusbibliophile.ru/Book/Kazakopolchenec__vezuschij_

3 Источник изображения: Характерные портреты различных племен казаков. [Электронный ресурс] URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/Category:Characteristic_Portraits_of_the_various_Tribes_of_Cossacks_(1820)

Ил. 18. Лубочная гравюра:
Граф Платов — гетман казаков[1]

Ил. 19. Ж. С. Фациус по оригиналу И. Я. Ромбауэра
Портрет атамана М. И. Платова, 1812[2].

---

1 Источник изображения: [Электронный ресурс] URL: https://ru.bidspirit.com/ui/lotPage/litfund/source/catalog/auction/33109/lot/221966/Лубочная-гравюра-Граф-Платов?lang=ru

2 Источник изображения: Четыре портрета атамана, генерала от кавалерии М. И. Платова. [Электронный ресурс] URL: https://bidspirit.com/ui/lotPage/source/catalog/auction/349/lot/53292/foo?lang=en.

После того, как французы заняли Москву, он объявил, что отдаст замуж свою дочь Марию за человека любого сословия, если тот сможет взять в плен Наполеона. В печати была выпущена гравюра, на которой изображена молодая девушка с подписью: «Из любви к отцу отдам руку, из любви к Отечеству — сердце» (ил. 20).

На гравюре Иоганна Фридириха Югеля (1772–1833), выполненной по рисунку Иоганна Готфрида Шадова (1764–1850), изображен генерал Платов и его войско после победы союзных войск под Лейпцигом (ил. 21). За выдающиеся заслуги прямо на поле боя генерал был награжден орденом святого Андрея Первозванного. Орденская лента на плече графа говорит о том, что его только что наградили. На заднем плане картины казаки преследуют французских солдат, другие читают газеты, в которых описан подвиг их любимого командира и их самих.

До наших дней сохранились и парадные портреты командующих казачьими войсками — героев войны 1812–1814 годов. На иллюстрациях 22–24 представлены некоторые из них.

Тема эпохи наполеоновских войн, в которых героически сражались казачьи полки, нашла отражение и в ряде других живописных полотен первой половины XIX столетия. В 1845 году немецкий художник Карл Рехлин (1802–1875) написал картину «Атака лейб-казаков под Лейпцигом 4 октября 1813 года», в центре которой изображен командир лейб-гвардии кавалерийского полка В. В. Орлов-Денисов (1775–1843), ведущий в бой казаков (ил. 25). Полотно было заказано потомками Орлова-Денисова в память об этом героическом сражении и выдающейся роли, которую сыграла в нем храбрость генерала.

В период Отечественной войны 1812 года художниками был создан ряд лубочных картин, на которых русские солдаты, мужики и казаки сражаются с врагом (ил. 26–28). Подобные картины имели характер политической карикатуры и были очень популярны в среде простого народа.

Картины, гравюры, офорты, лубочные картинки, созданные русскими, французскими, немецкими и английскими художниками, многие из которых были непосредственными свидетелями исторических событий эпохи Отечественной войны 1812 года и Заграничного похода русской армии 1813–1814 годов, дают нам возможность более глубоко изучить славную роль казачества в победе над армией Наполеона.

Ил. 20. Дж. Готби. Дочь генерала Платова[1]

Ил. 21. И. Ф. Югель по оригиналу И. Г. Шадова. Гетман граф Платов и его казаки. 1810-е годы[2]

---

1 Источник изображения: «Из любви к отцу отдам руку, из любви к Отечеству — сердце». [Электронный ресурс] URL: https://dzen.ru/a/YekdPz9i1lE6jELI.

2 Источник изображения: Русский библиофил. [Электронный ресурс] URL: https://www.rusbibliophile.ru/bookprint/?book=Getman_graf_Platov_i_ego_

Ил. 22. Мастерская Джорджа Доу. Портрет генерал-лейтенанта В. Д. Иловайского. Военная галерея Зимнего Дворца, Государственный Эрмитаж[1]

Ил. 23. Неизвестный художник. Портрет генерал-майора Григория Алексеевича (Андреевича) Костина. Новочеркасский музей истории донского казачества[2]

Ил. 24. Е. Казаков. Портрет Войскового атамана генерал-лейтенанта Дмитрия Ефимовича Кутейникова. Новочеркасский музей истории донского казачества[3]

Ил. 25. Карл Рехлин. Атака лейб-казаков под Лейпцигом 4 октября 1813 года[4]

---

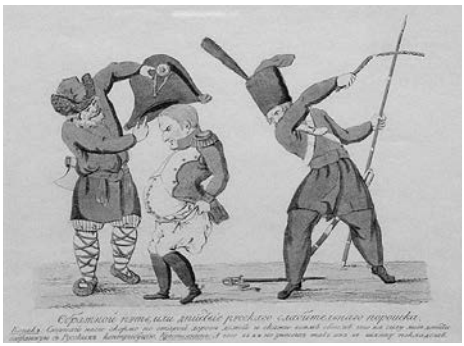
1 Источник изображения: Иловайский Василий Дмитриевич. [Электронный ресурс] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Иловайский,_Василий_Дмитриевич.

2 Источник изображения: Из фондов донских музеев. [Электронный ресурс] URL: http://old.donland.ru/?pageid=113429.

3 Там же.

4 Источник изображения: В. В. Орлов-Денисов. [Электронный ресурс] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Орлов-Денисов,_Василий_Васильевич.

Ил. 26. Уральский казак Сила Вихрев. Литография, раскрашенный акварелью офорт А. Г. Ухтомского по оригиналу Е. М. Карнеева[1]



Ил. 27. Крестьянин и казак выгоняют Наполеона из России[2]

Ил. 28 И. И. Теребенёв. «Наполеонова Слава» из серии карикатур на тему Отечественной войны 1812 года[3]

---

1 Источник изображения: http://vm1.culture.ru/muzey_otechestvennoy_voyny_1812/catalog/small/0000900140/

2 Источник изображения: В. Гулевич Кто стоит за европейской наполеономанией в 200-летнюю годовщину Отечественной войны 1812 года. [Электронный ресурс] URL: https://newsbalt.ru/analytics/2012/08/vladislav-gulevich-kto-stoit-za-evrope/

3 Источник изображения: [Электронный ресурс] URL: https://panoramaborodino.museum-online.moscow/entity/OBJECT/348.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агафонов А. И.* Донское казачество в Отечественной войне 1812 года // Известия вузов. Северо-кавказский регион. Общественные науки. 2012. № 3. С. 19–28.

2. *Безотосный В. М., Иткина Е. И.* Казаки в Париже в 1814 году. М.: Кучково поле, 2014. 152 с.

3. *Гладышев А. В.* Казаки во Франции в 1814 г.: образ и коллективная память // Уральский исторический вестник. № 4 (45). 2014. С. 15–24.

4. *Калитеевская И.* Что французы думали о казаках. Русские оккупационные войска во французских текстах, карикатурах и словарных статьях. [Электронный ресурс] URL: https://arzamas.academy/materials/830 (дата обращения 11.08.2023).

5. *Соловьев Н. В.* Иллюстрированные издания о России начала XIX века. [Электронный ресурс] URL: https://aldusku.livejournal.com/19535.html (дата обращения 15.08.2023).

6. *Чесноков И. В.* Рейды казачьих полков в Отечественной войне 1812 г. // Берегиня. 2012. № 3 (14). С. 23–28.

A. Y. Patoshina

IMAGES OF COSSACKS DURING THE WAR WITH NAPOLEON IN THE VISUAL ARTS OF THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Abstract. For many centuries, Cossacks took part in the wars waged by the Russian Empire. The Patriotic War with the troops of Napoleon, which ended with the Foreign Campaign of the Russian Army of 1813–1814, was no exception. The civilians of European countries were greatly impressed by the Cossacks who fought alongside the soldiers of the Russian regular army. Their colorful appearance, behavior and features of life were reflected not only in correspondence and memoirs of that period of time, but also in works of fine art. Paintings, drawings and engravings in which we see Cossacks during hostilities and in peacetime are one of the important sources for studying the culture of the Russian Cossacks of the early 19th century.

Keywords: Patriotic War of 1812, Foreign campaign of the Russian army, political propaganda, Cossacks, fine art

АКТУАЛИЗАЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ ФГОС В ОБЛАСТИ ИЗУЧЕНИЯ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА

В. Г. Захарченко

КУБАНСКИЙ КАЗАЧИЙ ХОР: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. В статье рассмотрена более чем 200-летняя история Кубанского казачьего хора: в императорскую, советскую и постсоветскую эпохи. Раскрыто понятие фольклор и поставлена проблема адаптации аутентичного фольклора к сценическому исполнению. Вопросы воспитания и образования последовательно озвучены в контексте мировых событий с иллюстрацией примерами из истории христианства и России.

Ключевые слова: Кубанский казачий хор, песенный фольклор Кубани, духовная борьба, культурные традиции, специфика искусства

Кубанский казачий хор имеет свою собственную уникальную историю. Его основание пришлось на день Покрова Пресвятой Богородицы — 1 октября (14 октября по новому стилю) 1811 года. Это был певческий хор в составе Черноморского войска, его функция, как и любого другого певческого хора — благолепное пение в храме утром и вечером: утром — божественная литургия, вечером — вечерняя служба. Однако казачьи, народные песни тоже исполнялись. С помощью краевых властей мне удалось переиздать тот обширный казачий репертуар [см.: 1; 3].

По мистическому совпадению именно 14 октября 1974 года, также на Покров Пресвятой Богородицы, в 163-й день рождения Кубанского казачьего хора я стал его художественным руководителем. Но тогда я и сам не знал многолетнюю историю этого коллектива.

В учебном пособии по Государственным русским народным хорам, по которому в 1970-е годы учились в ГМПИ имени Гнесиных (с 1992 г. — РАМ имени Гнесиных), написано, что Кубанский казачий хор — самый молодой народный хор России. Автор пособия — одна из основателей кафедры хорового и сольного народного пения в Институте имени Гнесиных Нонна Васильевна Калугина. Она написала так по неведению, потому что тогда никаких других сведений о Кубанском казачьем хоре не было. Автор указала, что в 1969 г. Министерством культуры РФ его художественным руководителем был назначен главный хормейстер Государственного Северного русского народного хора, заслуженный деятель искусств РСФСР Сергей Алексеевич Чернобай. Он приехал и организовал Кубанский казачий хор.

Виктор Гаврилович Захарченко, художественный руководитель и главный дирижер Кубанского казачьего хора

Но вернемся к истории Войскового Кубанского певческого хора. Хор исполнял не только духовные песнопения во время церковных служб, но и хоровую классику вне храма. Оказывается, в составе Кубанского казачьего войска были так называемые музыкантские хоры: духовой, симфонический и хор трубачей [см.: 4]. Например, в дореволюционном Всевеликом войске Донском была хоровая капелла, а в Кубанском — певческий хор. Вот отсюда были и воспитание, и образование. Кого готовили в певческом хоре и выпускали для дальнейшей работы? Все певцы, закончив службу, становились регентами станичных церковных хоров. Нынешний Кубанский казачий хор не может приготовить регента. Регентование — это отдельная церковная профессия. И поэтому мы вынуждены пока браться за это дело, хотя не знаем основ церковного пения.

Когда я узнал историю Кубанского казачьего хора, оказалось, что первый художественный руководитель нового хора — бывший регент Войскового певческого хора Григорий Митрофанович Концевич. Он был расстрелян [см.: 5]. Возникает вопрос, а за что его расстреляли? Мы с вами хорошо знаем историю нашей страны? Нет. Потому что история часто переписывается. История — это сплошная фальшь. Мы ученые и поэтому должны знать историю государства, христианства, Кубанского казачьего хора, как и любую другую, только на основании подлинных, достоверных фактов.

А сейчас, если хотите, все это фейки. Ложь исповедуется как религия. Чем больше и страшнее ложь, как сказал Геббельс, тем ей больше верят. Парадоксально, но факт! Вот почему сегодня идет борьба между Богом и сатаной, духовная борьба, страшная, смертельная. Очень хорошо о ней говорят философ Александр Дугин, Никита Михалков в своем «Бесогоне», Эдуард Петров в авторских передачах «Честный детектив», Мария Бутина в программах «Ку-

Музыкантский хор Кубанского казачьего войска

клы наследника Тутти» и другие. Поэтому то, что происходит сегодня, мы с вами адекватно не оценим, не зная истории. Сможем это сделать только тогда, когда будем знать историю: от сотворения мира, от рождения Христа и до новейшего времени.

Борьба духовная никогда не прекращалась, но мы ей сегодня не уделяем внимания. А жаль! Русская пословица говорит: «Без Бога ни до порога». Как без Бога строить будущее? В обновленной В. В. Путиным и народом Конституции РФ в тексте гимна России сказано: «Россия — священная наша держава». Не прекрасная, могучая или хлебосольная, а именно священная! Это термин, за который нам нужно отвечать перед Богом. А как понимать «священная»? Вы невольно скажете: «Берите Священное Писание», — и будете правы. Не случайно талантливый композитор Александр Александров, бывший регент храма Христа Спасителя, написал песню «Священная война». В годы войны эта песня поднимала тысячи и миллионы людей! Сегодня в нашей Конституции уже есть опора на наши духовные традиции. А духовные традиции у русского народа и казачества как его части — православные. Наши культурные традиции связаны прежде всего с фольклором, который мы сегодня изучаем. Фольклор и народное творчество — понятия очень сложные и многообразные.

Первый концерт восстановленного Кубанского казачьего хора. 30 июня 1937 г.

Мне довелось учиться, писать диссертацию, издавать книги под руководством профессора Евгения Владимировича Гиппиуса. Это ученик академика Б. В. Асафьева, человек необычайной эрудиции. До того было очень много фольклорных работ не музыкальных, а филологических. Возникла некоторая распря между филологами и музыкантами. Музыкантам было обидно, что основное внимание уделялось текстам, а музыка не анализировалась. Этот спор был правильный, нужно было познать, что такое фольклор, что такое традиции, зачем они даны и как их нужно изучать. У нас должен быть четкий, научный ответ, полезный для нынешних поколений, для будущего нашей страны. Фольклор — это живая связь времен и поколений, наш культурный код и наша идентичность!

В более чем двухсотлетней истории Кубанского казачьего хора можно проследить историю военной, хоровой и оркестровой музыки, потому что он соединил в своей деятельности три эпохи: императорскую, советскую и постсоветскую.

Вопросы воспитания и образования сегодня очень важны, потому что мы живем с вами в очень противоречивое время. То, что происходит сейчас, мы с вами даже в страшном сне никогда не видели, не могли представить того, что происходит в мире... Учиться

Виктор Захарченко с хором. 1975 г.

всем нужно всегда. Мы не просто должны, обязаны себя совершенствовать и профессионально, и духовно. Когда я поднимался по лестнице здесь, в РАМ имени Гнесиных, студенты запели изумительно, в народной аутентичной манере. Душа радуется!

Хочу подчеркнуть: каждый народ создавал культурные традиции только для самого себя, и никогда для другого народа! Вопрос в том, как сегодня исполнять эти аутентичные песни на сцене? Например, свадьба в жизни, в быту — конкретна. А свадьба на сцене — это вымысел: здесь якобы невеста, якобы отец, и это все меняет. Вспомним пушкинское: «Над вымыслом слезами обольюсь».

Подлинность нужна прежде всего в науке, а искусство — только вымысел и образы — то, что называется художественная правда. Чем меньше вымысла и образов в стихах, поэмах, театральных постановках, тем больше натурализма и тем меньше правды искусства. Вот пример. В Государственном Кремлевском Дворце у нас был концерт, и мы выпустили на сцену живую лошадь. Кубанский казачий хор выехал на сцену в тарантайке и запел песню «Ты ж мэнэ пидманула». А в искусстве нужна выдумка: чтобы лошадь разговаривала, летала, танцевала. Придуманная лошадь — это искусство, а живая — не искусство. А как нам надо натурализм переводить в искусство? В центре фольклора и этнографии Кубанского казачьего хора накоплены звукозаписи и видеоматериалы с огромным количеством аутентичных песен, обрядов, традиций. Но нам надо помнить, что главное содержание выражается словами. Особенно это относится к народным песням.

Встреча с Патриархом Всея Руси Алексием II. 1995 г.

Важно не только то, как поют, но и о чем, о ком поют. Ибо я, как христианин, всегда опираюсь на евангельские тексты. Как сказано в Евангелии от Иоанна (1:1-17): «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог».

Когда на сцене поет Кубанский казачий хор, можете наблюдать за всем внешним, что делается на сцене: выражением лиц, манерой пения, костюмами, танцами, но мой совет — послушайте, о чем и о ком поет Кубанский казачий хор!

В качестве примера — песня из репертуара Кубанского казачьего хора, написанная мной на стихотворение «Нет!» поэтессы Серебряного века Зинаиды Гиппиус:

Она не погибнет — знайте!
Она не погибнет, Россия.
Они всколосятся, — верьте!
Поля ее золотые.
И мы не погибнем — верьте!
Но что нам наше спасенье:
Россия спасется, — знайте!
И близко ее воскресенье.

Сейчас на нас идет очередное фашистское нашествие, 53 страны во главе с НАТО и США. Но в нашей истории все это было, мы все это проходили. У нас был Верховный Главнокомандующий Иосиф Виссарионович Сталин. Он вместе с многонациональным, много-

конфессиональным народом победил! Но на него за 80 лет налили столько грязи. Сейчас благодаря нашему Верховному Главнокомандующему Владимиру Владимировичу Путину показывают много документальных фильмов о Великой Отечественной войне, о Нюрнбергском процессе после войны, о создании Организации Объединенных Наций и т. д. Смотрите документальные фильмы, чтобы не слушать, что там пишут разные газетчики. Они ведь пишут то, что им надо. Слава Богу, только документы, только факты, никаких домыслов. Ведь ложь — это сатанинская вера, есть люди, которые поклоняются лжи.

Верна евангельская истина — по делам их суди их. Если мы христиане, то мы должны делать только добрые дела. Христианство как религия любви делает нас очень доверчивыми. Поскольку сказано: молись за врагов своих. Если ударили по одной щеке, подставь другую. Другая же религия говорит — зуб за зуб. А мы так не можем, мы люди смиренные. Вот почему мы верили в Минские соглашения, думали, что там договорятся. Но, как сказал Владимир Владимирович Путин: «Нас просто надули». Мы думали, что не может стрелять брат в брата. А есть дьявольская схема — разделить нацию пополам: богатые — бедные, белые — красные, украинцы — русские. Но мы единый народ. А то, что разнит нас — манера, диалекты, национальные костюмы, — это не самое главное. Мы цепляемся за различия. Сегодня украинцы, русские и белорусы должны быть в одной команде и воевать против НАТО. Это триединый народ! А получилось так, что НАТО с украинцами. Но украинцы — это же русский народ. Например, моя фамилия Захарченко, мой род из Черниговской области — и по матери, и по отцу, но мы есть русский народ.

А русский народ сегодня — государствообразующий. И вспомним торжественный тост Сталина за русский народ. Он первый сказал о православном русском народе так, как теперь написано в Конституции — государствообразующий. Поэтому Конституция и Указы Президента РФ сегодня защищают нашу профессию, наше дело. Мы опираемся на духовные, православные традиции.

Каждый раз, принимая решение, я должен знать, что происходит в мире. Если знаю адекватно — это хорошо, а если неадекватно, то я буду принимать решения, которые мне кажутся очень хорошими, а по факту оказывается — нет. Ты хотел как лучше, как говорил известный политический деятель Виктор Степанович Черномыр-

Певцы Кубанского казачьего хора участвуют в службе в Храме Святого Иоанна Воина. 2012 г.

дин, а получилось как всегда. Надо точно знать, что происходит. От общего к частностям. Тогда и мы будем принимать правильные решения. Это касается и программ Кубанского казачьего хора. Свои репетиции мы всегда начинаем и заканчиваем молитвой.

Сейчас в Кубанском казачьем хоре есть хоровая группа, оркестр, танцевальная группа, которой до революции не было. Но ввели, когда было поголовное истребление казачества. Сейчас, к сожалению, о геноциде казачества говорят очень мало, с осторожностью. А я повторяю об этом везде, пока могу. Срока давности геноциду нет. Ни одной памятной таблички нет, кто был истреблен. Есть литература о геноциде казачества, с фактами, с фамилиями, но издана она маленьким тиражом.

Кубанский казачий хор занимается не тем, чем все остальные народные хоры. У нас уже больше 30 лет работает центр народной культуры Кубани: создана своя детская школа для одаренных детей[1], иконописная мастерская имени ее основателя убиенного протоиерея Георгия Иващенко. У нас есть научно-исследовательский центр традиционной культуры. Сколько у нас всего записано! Более 50-ти лет комплексная экспедиция выезжает в Краснодарский край и другие регионы, где ранее было кубанское казачество.

Кубанский казачий хор проводит множество краевых, всероссийских, международных фестивалей: «Золотое яблоко», «Кубан-

[1] Ныне Детская школа-интернат искусств и казачьей культуры имени В. Г. Захарченко.

На концерте Кубанского казачьего хора

ский казачок», «Величай, душе моя» (фестиваль православной авторской песни) и другие. В них ежегодно участвуют все регионы России.

В этом году Кубанский казачий хор проведет XXV юбилейный международный фестиваль документального православного кино «Вечевой колокол». Документального, потому что неправда нас не интересует. Указ Президента РФ «О стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 годы» нас поддерживает. Там указано — создавать Центры казачьей, народной культуры, что по существу мы и сделали более 30 лет назад.

Я имел счастье говорить с Президентом при вручении мне 02.02.2022 государственной награды «Герой Труда России». Сказал, что Кубанскому казачьему хору сегодня негде репетировать, показывать концерты. К сожалению, краевые власти меня не слышат и проблемы не решают.

Шагая в будущее, мы опираемся на знания прошлого! На то, что делали наши предки — певчие Войскового хора. Сегодня мы не просто идем на работу, а идем, как в церковь на службу. Большая многовековая история приводит к осознанию нашего предназначения в сегодняшней жизни. Кубанский казачий хор в настоящее время не просто поет в храме, а участвует в богослужениях. Мы множество раз служили в Храме Христа Спасителя, во многих храмах и церквях Москвы, включая Донской монастырь (службы возглавляли Святей-

Выступление Кубанского казачьего хора

ший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, а после его кончины — Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл). Мы пели в различных церквях России и за рубежом, в том числе в Ташкенте (службу возглавлял Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл), в Париже (службу возглавлял Митрополит Ставропольский и Невинномысский Кирилл), в кафедральном соборе в Риге (службу возглавлял Митрополит Александр), в Сербии в Белграде.

Кубанский казачий хор сегодня является духовно-патриотическим оружием Российского Государства, потому что мы поем и духовную музыку, и опираемся на наши культурные, фольклорные традиции и обряды. Поэтому помимо казачьих народных песен мы еще поем русские, украинские, белорусские, сербские, польские, болгарские, чешские, словацкие песни. И не только славянские. Поем также французские, английские, итальянские, немецкие и песни других народов. Только за то время, что я являюсь художественным руководителем Кубанского казачьего хора, мы объехали все континенты. Были в Америке — Северной и Южной, в Африке. В Европе — во всех странах без исключения по многу раз. В Австралии объехали за 3,5 месяца все 16 штатов. В Индии, Китае, на Тайване, во Вьетнаме, в Греции...

Выступал Кубанский казачий хор и в Японии. На каждом из четырех островов мы исполнили популярную на этом острове песню на японском языке. В каждой стране мы стараемся спеть песню на родном для зрителей языке. Пели мексиканские, бразильские, ку-

бинские, португальские песни. Был Кубанский казачий хор и на Святой земле в Израиле, где у нас состоялось 8 концертов, и конечно мы исполнили песню на идише.

Кубанский казачий хор как духовное оружие России сегодня поднимает дух не только воинов, но и граждан нашей многонациональной России. Мы включаем в программы и народные, и авторские песни [см.: 2; 6]. Названия концертных духовно-патриотических программ нашего коллектива говорят сами за себя: «Никто, кроме нас, Россию не спасет», «Россия спасется, знайте!», «С чего начинается Родина», «Рождество с Кубанским казачьим хором», «Песней очистимся!» и др.

В нашем репертуаре есть классическая музыка. Сегодня мы исполняем произведения Чайковского, Мусоргского, Рахманинова, Свиридова и других, памятуя, что наши предшественники до революции исполняли ораторию Гайдна «Сотворение мира». Причем это было впервые в России. Отдельные части оратории исполнялись в Санкт-Петербурге, а Кубанский казачий хор исполнил ее полностью.

Кубанский казачий хор — это хор солистов, каждый из которых предстает на сцене неповторимой личностью, вкладывает свой талант и душу в уникальное художественное действо. Миссия Кубанского казачьего хора — способствовать возрождению и развитию культурного наследия наших предков, духовному и патриотическому обогащению граждан нашей страны. Песни Кубанского казачьего хора помогают духовному единению народа, делают его веру и дух крепче, а волю — способной выстоять в любую годину и победить.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бигдай А. Д.* Песни кубанских казаков. Т. 2. Песни линейных казаков / Сост., предисл., муз. и текстолог. ред., примеч. В. Г. Захарченко. Краснодар: Сов. Кубань, 1995. 508 с.

2. *Захарченко В. Г.* Народные песни Кубани. Краснодар: кн. изд-во, 1987. 320 с.

3. *Захарченко В. Г.* Народные песни Кубани. Вып. II: Песни черноморских казаков. Краснодар: Сов Кубань, 1997. 586 с.

4. Из истории Кубанского казачьего хора. 200 лет / Сост. и общ. ред. В. Г. Захарченко. Изд. 2-е, доп. и перераб. Краснодар: Диапазон-В, 2012. 438 с.

5. Народные песни казаков: из репертуара Кубанского войскового певческого хора / Сост. Г. М. Концевич. Краснодар: ЭДВИ, 2001. 447 с.

6. Песни Кубанского казачьего хора / Сост. В. Г. Захарченко. Краснодар: кн. изд-во, 1978. 48 с.

V. G. Zakharchenko

KUBAN COSSACK CHOIR: HISTORY AND MODERNITY

Abstract. The report examines the more than 200-year history of the Kuban Cossack Choir: in the imperial, Soviet and post-Soviet eras. The concept of folklore is revealed and the problem of adapting authentic folklore to stage performance is posed. The issues of upbringing and education are consistently voiced in the context of world events with illustrative examples from the history of Christianity and Russia.

Keywords: Kuban Cossack choir, song folklore of Kuban, spiritual struggle, cultural traditions, specifics of art

Н. С. Матвеева

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАЗАЧЕСТВА В СОХРАНЕНИИ И УКРЕПЛЕНИИ ТРАДИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Аннотация. В статье рассматривается роль историко-культурного наследия российского казачества в формировании и развитии традиционных ценностей в контексте реализации Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 гг. и исполнения Указа Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Подчеркивается, что комплексный подход к использованию образовательного потенциала историко-культурного наследия российского казачества играет важную роль в сохранении исторической памяти, укреплении гражданского единства, общероссийской гражданской идентичности и российской самобытности, межнационального и межрегионального согласия на основе роли традиционных ценностей, истории и самобытной культуры казачества.

Ключевые слова: российское казачество, библиотеки, казачьи общества, история и культура казачества, традиционные ценности, непрерывное казачье образование

В современном мире историко-культурное наследие как основа устойчивого развития общества «несет в себе общественно значимые функции: образовательную, пропагандистскую, политическую, идеологическую… включаясь в систему социокультурной памяти общества, осуществляет его социальную пространственно-временную связь, придающую обществу определенную стабильность» [3, с. 12–13].

Богатейшим источником формирования и развития традиционных российских духовно-нравственных ценностей (далее — традиционных ценностей) является историко-культурное наследие российского казачества через возвращение массовому сознанию людей представления о месте историко-культурных ценностей в современной созидательной жизни государства на основе изучения и сохранения историко-культурного потенциала казачества как части русского мира.

«Образованию отводится ключевая роль в духовно-нравственной консолидации российского общества, его сплочении перед лицом внешних и внутренних вызовов», в формировании гражданственности, духовности, патриотизма, в укреплении единства и согласия в России [6, с. 40]. Так, в Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года определена приоритетная задача государства, системы образования России: «Развитие высоконравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности, обладающей актуальными знаниями и умениями, способной реализовать свой потенциал в условиях современного общества, готовой к мирному созиданию и защите Родины» [11].

Развитие системы казачьего образования сегодня вышло на государственный уровень и интегрировано в систему дошкольного, общего, среднего профессионального, высшего и дополнительного образования «с опорой на историко-культурное наследие и современную деятельность российского казачества» [13].

Практически во всех субъектах РФ реализуется принцип непрерывности казачьего образования. Лидером по количеству образовательных организаций с «казачьим компонентом» является Ростовская область, которая, как территория исторического проживания донских казаков, включает 671 организацию, в том числе 319 детских садов, 327 школ, 17 учреждений дополнительного образования, 7 кадетских корпусов, 7 организаций системы среднего профессионального образования и 6 вузов (данные на 25 марта 2023 г.) [4].

В системе непрерывного казачьего образования обучающимися «постигаются систематизированные знания о казачьей истории и культуре, воспитываются высокие гражданские, духовно-нравственные ценности, обретаются навыки боевого казачьего искусства и военно-прикладной подготовки, которые обеспечивают готовность к несению государственной службы» [13]. Нельзя не согласится с А. В. Венковым, который подчеркивает, что «казачье воспитание основано на традиционных ценностях традиционной семьи в традиционном обществе. Уважение к родителям, к старшим, к женщине, преданность Родине и готовность в любой момент встать на ее защиту — все это исконные казачьи устои» [2].

В 2021 г. по инициативе Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Всероссийского казачьего обще-

ства была создана Ассоциация казачьих вузов России, реализующих образовательные программы с использованием исторических и традиционных ценностей российского казачества. Ассоциация сегодня объединяет 25 образовательных организаций высшего образования, находящихся на территориях Войсковых казачьих обществ: Волжского (1 вуз), Всевеликого войска Донского (5), Забайкальского (3), Енисейского (1), Иркутского (1), Кубанского (5), Оренбургского (3), Сибирского (2), Терского (1), Уссурийского (1), Центрального (1), Черноморского (1) [см.: 1]. В 2022 г. Министр науки и высшего образования Российской Федерации В. Н. Фальков определил Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону) как опорный вуз в системе казачьего образования.

«Сохранение исторической памяти, противодействие попыткам фальсификации истории, сбережение исторического опыта формирования традиционных ценностей и их влияния на российскую историю» является одной из задач государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей [13]. Библиотеки (независимо от типологии и форм собственности) в своей просветительской деятельности (образовательная, информационная и мемориальная функции) являются не только универсальным элементом передачи духовного культурного наследия, системы традиционных ценностей, но и способны стать самостоятельным источником активности в сохранении, развитии и популяризации истории и культуры российского казачества как условия по достижению национальных целей развития [см.: 7, с. 138].

В рамках реализации Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 гг. библиотеки России проводят работу по сохранению, развитию и популяризации истории и культуры российского казачества, решая целый ряд задач:

- «содействие воспитанию подрастающего поколения в духе патриотизма, гражданской ответственности и готовности к служению Отечеству с опорой на духовно-нравственные основы и ценности российского казачества;
- обеспечение участия российского казачества в реализации государственной молодежной политики;
- содействие сохранению и развитию культуры российского казачества;

- поддержка международного сотрудничества российского казачества, развития международных контактов российского казачества с казаками-соотечественниками, проживающими за рубежом;
- расширение информирования общественности о деятельности российского казачества» [12].

Практики библиотек по сохранению, развитию и популяризации истории и культуры российского казачества разнообразны: «многоаспектное раскрытие книжного фонда и его широкая пропаганда; сбор и распространение библиотекой достоверной информации; создание различных просветительских, учебно-методических, научно-практических документов; популяризация знаний через активную массовую работу; образовательная деятельность» [8, с. 32]. В том числе библиотеки привлекают творческие коллективы — носителей самобытной казачьей культуры — к участию в культурно-просветительских проектах, информационно-агитационных акциях и других мероприятиях. Так, на базе библиотеки № 11 имени Д. В. Давыдова в Москве уже несколько лет работает фольклорный ансамбль казачьей песни «Стожары», Щёлковская центральная библиотека (Московская область) активно сотрудничает с ансамблем казачьей песни «Кладезь» и др.

Библиотеки содействуют «популяризации исторических мест, связанных с подвигами-казаков — защитников Отечества, разработке туристических маршрутов по этим местам в целях сохранения исторической памяти и патриотического воспитания граждан Российской Федерации» [12]. Например, ежегодно в Чеченской республике (ЧР) отмечается праздник «Наурская казачка» (в празднике 2023 г. приняло участие более 300 чел.), который организуется Наурской центральной районной библиотекой совместно с Отделом культуры Наурского муниципального района при участии Министерства ЧР по национальной политике, внешним связям, печати и информации, фонда «Терское общество любителей казачьей старины» (директор — атаман Минераловодского городского казачьего общества О. В. Губенко). В станице Наурская ЧР проводятся исторические реконструкции, традиционные состязания по рубке лозы, выступают фольклорные коллективы.

Использование цифровых технологий в библиотечно-информационной сфере способствует «сохранению истории и культуры российского казачества как важнейшей составляющей российско-

го историко-культурного наследия» [5, с. 135]. Так, в 2021 г. была открыта Электронная библиотека казачества на платформе Национальной электронной библиотеки (далее — ЭБК на платформе НЭБ), оператором которой является Российская государственная библиотека (РГБ). ЭБК на платформе НЭБ создана во исполнение пункта 96 Плана мероприятий на 2021–2023 гг. по реализации Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021-2030 годы и поручения постоянной комиссии Совета при Президенте Российской Федерации по делам казачества по содействию развитию казачьей культуры [10]. Сейчас в ЭБК на платформе НЭБ размещено более 5000 документов [см.: 9; 15].

Среди 13 рубрик ЭБК на платформе НЭБ пользуется популярностью рубрика «Методическая полка», которая включает около 300 нотных изданий в помощь работникам учреждений культуры и образования, центров казачьей культуры, войсковых казачьих обществ и иных объединений казаков и др.

Одной из задач Центра истории и культуры казачества (ЦИКК), созданного в июле 2022 г. в РГБ, является научно-методическое сопровождение деятельности библиотек по сохранению, развитию и популяризации истории и культуры российского казачества. В рамках данной задачи ЦИКК проводятся методические семинары серии «Методика работы библиотек по сохранению, развитию и популяризации истории и культуры российского казачества». Стали уже традиционными Международный форум «Казачество — сквозь века» (октябрь 2022, 2023 гг.), Международная научно-практическая конференция «Казачество на страже рубежей Отечества» (май 2023, 2024 гг.), Всероссийский конкурс «Лучшие практики библиотек по сохранению, развитию и популяризации истории и культуры российского казачества» (2022, 2023 гг.).

В 2023 г. впервые в России ЦИКК РГБ были организованы Всероссийский конкурс «Лучшее краеведческое издание по истории и культуре российского казачества», программа повышения квалификации «Роль краеведческой деятельности библиотек в сохранении, развитии и популяризации истории и культуры российского казачества» (36 часов, форма обучения очная с применением дистанционных образовательных технологий). Программа была реализована при участии научно-образовательного отдела РГБ и включала следующие темы: «Правовые и норматив-

ные основы обеспечения краеведческой деятельности библиотек в сохранении, развитии и популяризации истории и культуры российского казачества», «Процесс возрождения российского казачества 1990-е — 2020-е гг.», «О новейших исследованиях традиционной культуры донских казаков», «Источниковая база по истории и культуре российского казачества», «Формы и методы деятельности библиотек по сохранению, развитию и популяризации истории и культуры российского казачества».

Деятельность по укреплению в обществе духовно-нравственных норм и ценностей сегодня приобретает особую значимость и содержит в себе важную смысловую нагрузку. Именно комплексный подход должен стать важным фактором формирования и развития традиционных ценностей населения России через сохранение, развитие и популяризацию историко-культурного наследия российского казачества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ассоциация «казачьих» вузов // сайт Всероссийского казачьего общества. [Электронный ресурс] URL: https://vsko.ru/kazache-obrazovanie/assocziacziya-vuzov/. (Дата входа 30.10.2023)

2. Для чего необходимо казачье образование в современном обществе — мнение эксперта: интервью с А. В. Венковым // Учительская газета (17.12.2021). [Электронный ресурс] URL: https://ug.ru/dlya-chego-neobhodimo-kazache-obrazovanie-v-sovremennom-obshhestve-mnenie-eksperta/. (Дата входа 30.10.2023)

3. *Дюжакова М. В., Проскурина Н. В.* Историко-культурное наследие как основа духовно-нравственного воспитания // Известия ВГПУ: педагогические науки. 2017. № 4(277). С. 9–13.

4. *Жукова Е.* Воспитать казака: интервью с П. Н. Серовым // Наше время: газета Ростовской области. [Электронный ресурс] URL: https://www.nvgazeta.ru/news/12380/616587/. (Дата входа 30.10.2023)

5. *Кринко Е. Ф.* Историко-культурное наследие казачества юга России: практики мемориализации // Культурно-познавательный туризм Юга России как стратегический ресурс укрепления российской государственности. Сб. науч. статей по итогам Всерос. науч. конф. 2015. С. 126–136.

6. *Кругликова Г. А.* Роль историко-культурного наследия в воспитании молодежи // Историко-педагогические чтения. 2018. № 22. С. 37–41. [Электронный ресурс] URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32717443. (Дата входа 30.10.2023)

7. *Матвеева Н. С.* Просветительская деятельность библиотек в современных реалиях (на примере проекта «Электронная библиотека казачества на платформе Национальной электронной библиотеки»)// Румянцевские чтения — 2023: мат-лы Междунар. научно-практич. конф. / сост. Иванова Е. А. М.: Пашков Дом, 2023. С. 136–142.

8. *Матвеева Н. С.* Роль библиотек в сохранении исторической памяти // Черноморско-Средиземноморский регион в системе национальной безопасности России: к 240-летию присоединения Крыма и Кубани к России и 80-летию освобождения Краснодарского края от немецко-фашистских захватчиков: мат-лы Междунар. научно-практич. конф. / отв. ред. В. В. Касьянов, А. В. Баранов. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2023. С. 30–36.

9. *Матвеева Н. С.* Электронная библиотека казачества на платформе Национальной Электронной библиотеки: формирование, содержание, продвижение // Информационный контекст культуры: ресурсы, технологии, сервис: мат-лы II Междунар. научно-практич. онлайн-конф. / сост. Тикунова И. П., РГБ. М.: Пашков Дом, 2023.

10. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 09.11.2020 № 2920-р «Об утверждении плана мероприятий на 2021–2023 годы по реализации Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 годы» // Сайт «Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации». [Электронный ресурс] URL: https://docs.cntd.ru. (Дата входа 30.10.2023)

11. Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» // [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_180402/400951e1bec44b76d470a1deda8b17e988c587d6/. (Дата входа 30.10.2023)

12. Роль образовательных организаций в формировании кадрового резерва казачьих обществ // Сайт Всероссийского казачьего общества. [Электронный ресурс] URL: https://vsko.ru/rol-obrazovatelnyh-organizaczij-v-formirovanii-kadrovogo-rezerva-kazachih-obshhestv/?ysclid=lp0ab5mc1u576856117. (Дата входа 30.10.2023)

13. Указ Президента Российской Федерации от 09.08.2020 № 505 «Об утверждении Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 годы» // Сайт «Президент России». [Электронный ресурс] URL: http://www.kremlin.ru. (Дата входа 30.10.2023)

14. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных

ценностей» // Сайт «Президент России». [Электронный ресурс] URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502. (Дата входа 30.10.2023)

15. Электронная библиотека казачества // Национальная электронная библиотека. [Электронный ресурс] URL: https://rusneb.ru/collections/1221_kazachestvo/. (Дата входа 30.10.2023)

N. S. Matveeva

HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF THE COSSACKS IN PRESERVING AND STRENGTHENING TRADITIONAL RUSSIAN SPIRITUAL AND MORAL VALUES

Annotation. The article examines the role of the historical and cultural heritage of the Cossacks in the formation and development of traditional values in the context of the implementation of the State Policy Strategy of the Russian Federation regarding the Russian Cossacks for 2021–2030 and execution of the Decree of the President of the Russian Federation «On approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values». It is emphasized that an integrated approach to the use of the educational potential of the historical and cultural heritage of the Russian Cossacks plays an important role in preserving historical memory, strengthening civil unity, all-Russian civil identity and Russian originality, interethnic and interregional harmony based on the role of traditional values, history and original culture of the Cossacks.

Keywords: russian Cossacks, libraries, Cossack societies, history and culture of the Cossacks, traditional values, continuous Cossack education

Д. В. Морозов

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ ПО ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ И МУЗЫКАЛЬНОМУ ФОЛЬКЛОРУ РОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА В ВУЗЕ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы внедрения «казачьего компонента» в учебные программы по традиционной культуре и музыкальному фольклору в творческих учреждениях высшего образования. На основе разработанной автором программы «Казачьи певческие традиции» предлагается создать профильную программу обучения по музыкальному фольклору локальных групп российского казачества. Рассматривается возможность формирования рабочей группы для создания образовательного стандарта по подготовке специалистов в области казачьей культуры. Приводится подробный библиографический список исследований по музыкальному фольклору, диалектологии и этнографии региональных / локальных традиций российского казачества.

Ключевые слова: казачество, казачий компонент, локальные традиции, этномузыкология, народное художественное творчество, образовательный стандарт, музыкальный фольклор

Этнокультурное своеобразие локальных казачьих традиций определяется историей освоения каждой отдельно взятой территории. Особенно это характерно для традиций вторичного формирования, образованных путем заселения территории переселенцами из разных губерний на протяжении определенного периода формирования культурного ландшафта (казаки-некрасовцы, локальные группы кубанских, уральских, оренбургских, сибирских казаков). Полистадиальный и полиэтнический характер традиций российского казачества определяет необходимость многовекторного подхода к изучению музыкального фольклора в его локальности: синхронное рассмотрение жанровой системы в определенный исторический период, диахроническое исследование традиции во времени и ее развертывание в пространстве. В казачьих фольклорных традициях вторичного формирования отчетливо прослеживается, с одной стороны, связь с традициями-первоисточниками, с другой — влияние окружающих этносистем, прежде всего, в репертуаре.

Важнейшим направлением актуализации культурного наследия российского казачества является научно-практическое изучение песенного фольклора. Работа в этом направлении активно развивается в практиках фольклорного движения. Теоретическое осмысление закономерностей практического освоения локальных казачьих традиций в экспериментальном этномузыковедении связанно прежде всего с именами А. С. Кабанова [16], Т. С. Рудиченко [см.: 44; 45; 47] и О. Г. Никитенко [33].

К настоящему времени накоплен богатый опыт научно-практического изучения и освоения музыкального фольклора и этнографии из локальных традиций российского казачества, что требует уже сегодня координации работы специалистов и систематизации зафиксированных экспедиционных материалов. Отчасти работа в этом направлении ведется сотрудниками Центра русского фольклора ГРДНТ им. В. Д. Поленова в рамках формирования реестра российских фольклорно-этнографических экспедиций [43] и проекта «Карта экспедиций А. М. Листопадова» [22].

В рамках деятельности по организации и координации работы по сохранению, развитию и популяризации казачьей культуры актуальной является проблема подготовки кадров в области казачьей культуры для региональных Домов и центров народного творчества, центров (отделов) казачьей культуры, войсковых культурно-просветительских центров. Основные цели и задачи работы подобных подразделений сформулированы в Концепции формирования центров (отделов) казачьей культуры, войсковых культурно-просветительских центров, которая была одобрена Протоколом заседания Совета при Президенте Российской Федерации по делам казачества от 16 ноября 2016 г. № 16 [24]. В соответствии с протоколом, а также методическими рекомендациями по реализации пп. 1. п. 5 концепции [32], центрам необходимо осуществлять научно-исследовательскую, культурно-просветительскую, культурно-досуговую и маркетинговую виды деятельности.

План реализации каждого направления работы подразумевает формирование соответствующих профессиональных компетенций. Это знания, владение навыками и умениями по экспедиционной работе и формированию фольклорно-этнографических фондов; созданию и ведению реестра народных исполнителей; созданию и обеспечению функционирования детских и взрослых творческих казачьих коллективов и любительских объединений; организации

стажировок и курсов повышения квалификации для специалистов в сфере казачьей культуры; возрождению, сохранению и развитию региональных / локальных традиций, обычаев, обрядов, быта, боевых искусств, одежды российского казачества, художественных локальных традиций изобразительного и декоративно-прикладного искусства и др. Широкий спектр компетенций предполагает подготовку многопрофильного специалиста, способного совместить научно-методическую деятельность по фольклору, этнографии, руководству творческим коллективом и менеджменту в области культуры. На данный момент подготовка такого многопрофильного специалиста осуществляется в образовательных учреждениях высшего образования в рамках программы обучения «Руководство этнокультурным центром» по направлению подготовки «Народная художественная культура».

Отдельные дисциплины с разной степенью включенности «казачьего компонента» разработаны в рамках направления подготовки «Искусство народного пения». Рассмотрение казачьей традиции (одной или нескольких) осуществляется или внутри дисциплины «Народные певческие стили», или как самостоятельный предмет «Казачьи певческие традиции». Так, в 2018 году автором статьи была разработана рабочая программа дисциплины «Народные певческие стили “Южнорусские и казачьи традиции”», а в 2019 году — «Казачьи певческие традиции» [13]. Программа предполагает изучение предмета в течение двух семестров: первый семестр — раздел «Фольклор донских казаков» и второй семестр — раздел «Народная музыка и традиции казаков разных регионов России».

Первый раздел основывается на исследованиях музыкального фольклора, диалектологии и этнографии донских казаков. Среди авторов основных трудов — Н. Н. Гилярова [5], Т. В. Дигун [6], А. Н. Иванов [11; 18; 19], И. Н. Иванова [12], А. С. Кабанов [14; 15; 17], А. М. Листопадов [28], А. Н. Логинов [29], О. Г. Никитенко [33], Л. М. Орлов [35], Б. Н. Проценко [41], Т. С. Рудиченко [8; 46; 48], М. А. Рыблова [50–53; 65], А. В. Яровой [70], сотрудники Государственного музея-заповедника М. А. Шолохова [34]. Темы занятий посвящены особенностям формирования и функционирования традиционной казачьей культуры; историко-этнографическому контексту традиционной культуры донских казаков; донскому костюму; жанровой системе музыкального фольклора; мелодико-фактурному

строению казачьих песен; особенностям протяжных песен; донской традиционной хореографии и инструментарию; формам народного музыкального исполнительства на Дону.

Второй раздел раскрывает другие традиции российского казачества и опирается на труды по фольклору и этнографии терских казаков А. А. Козырева [23], Г. Н. Марахтановой [31; 38], уральских и оренбургских казаков — А. и В. Железновых [39], Т. И. Калужниковой [40], Е. И. Коротина [25; 26], К. А. Крылова [27], П. П. Малого [30], С. В. Мирошниченко [59], Н. Г. Мякушина [56], А. Ю. Руденко [20], Н. М. Савельевой [54], И. В. Шпарийчук [63], специалистов Государственного исторического музея Южного Урала, Челябинского государственного университета, Южно-Уральского государственного университета, Центра традиционной народной культуры Среднего Урала [58]; казаков-некрасовцев — А. Е. и Е. Т. Аракельян [1], Т. И. Сотникова [49], Ф. В. Тумилевича [60], В. М. Щурова [36], Л. А. Якоби [67; 68]; астраханских и кубанских казаков — А. А. Догадина [7], А. Д. Бигдая [3], Н. И. Бондаря [4], В. А. Капаева [21], С. А. Жигановой [9], В. Г. Захарченко [10], В. П. Самаренко и М. А. Этингера [55], А. С. Ярешко [69]; сибирских казаков — Е. Я. Аркина [2], И. Г. Чумакова [62], Н. А. Шульпекова [37; 61], В. М. Щурова [64] и др.

Программа, составленная в 2019 году, требует доработки и расширения за счет включения нового фактологического материала и опубликованных в течение последних пяти лет этномузыкологических исследований. Для ознакомления студентов со звуко- и видеозаписями рекомендуется обратиться к материалам, размещенным на сайтах региональных Домов (центров) народного творчества и ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН [66], сайтах «Реестр объектов нематериального этнокультурного достояния народов Российской Федерации» [42] и «Культура.РФ» [57]. Расширение программы позволит создать полноценный образовательный курс, предполагающий развернутое изучение крупных региональных / локальных казачьих традиций. Каждая музыкально-фольклорная традиция должна рассматриваться с позиции ее историко-этнографического контекста, языковых (диалектных) особенностей, характеристики материальной культуры и нематериального наследия в его жанрово-видовой специфике. Дальнейшее масштабирование курса может привести к созданию отдельной образовательной программы «Музыкальный фольклор локальных групп российского

казачества», включающей междисциплинарный подход (история — этнография — этнолингвистика — этномузыковедение) и ориентированной на последовательную реализацию межпредметных связей (в зависимости от направления подготовки и программы обучения).

Создание профильной образовательной программы продиктовано современными запросами к уровню квалификации будущих специалистов. Опыт автора статьи в организации и проведении учебно-методических мероприятий совместно с ведущими образовательными центрами и учреждениями культуры, а также постоянная экспедиционная работа (2012–2023 гг., Волгоградская, Курганская, Оренбургская и Ростовская области) позволяет комплексно взглянуть на деятельность по сохранению и актуализации нематериального культурного наследия казачества. В период с 2016 по 2023 гг. было проведено более 20 мероприятий всероссийского и регионального уровней. Это курсы повышения квалификации и семинары, лекции и мастер-классы по различным аспектам изучения и освоения казачьего музыкального фольклора: «Методика работы с фольклорным ансамблем: на материале локальной песенной традиции донских казаков», «Полевые исследования традиционной культуры донских казаков», «Вопросы выбора методики работы с народно-песенным материалом» (2016, Москва), «Работа с разными жанрово-стилевыми видами песенного фольклор» (2017, Орел), «Современные методы полевых исследований песенного, танцевального и инструментального фольклора донских казаков» (2017, Москва), «Традиционная песенная культура донских казаков», «Казачьи песенные традиции в каталоге объектов нематериального культурного наследия» (2018, Москва), «Традиционная культура донских казаков» (2018, Волгоград), творческая лаборатория для руководителей любительских казачьих коллективов (2018, Ставрополь), «Казачья песенная традиция — пути и трудности освоения» (2019, Тверь), «Методика работы с казачьим певческим коллективом» (2019, Ярославль), программа профессиональной переподготовки по традиционной казачьей культуре (2019, Волгоград), «Казачья песня в XXI веке. Подбор репертуара на основе исполнительского уровня коллектива» (2021, Рязань), «Песенные традиции казаков» (2021, Кемеровская обл.), «К проблеме формирования репертуара казачьих певческих коллективов» (2021, Екатеринбург),

«Современные тенденции развития народно-певческого искусства и проблемы работы над вокально-певческой технологией» (2021, Краснодарский край), «Систематизация и каталогизация фольклорно-этнографических материалов» (2021, Волгоград), «Вопросы формирования репертуара в творческом казачьем коллективе», «Методы изучения и актуализации песенных традиций казачества» (2021, Иркутск), «Песенные традиции российского казачества» (2022, Новосибирск), семинар-практикум по казачьей культуре (2022, Московская обл.), «Традиции российского казачества» (2022, Мурманск), «Казачий фольклор в быту и на сцене: XXI век» (2022, Москва), «Ансамблевое исполнительство казачьего песенного репертуара в условиях современной сцены» (2023, Рязань). Системный принцип этой деятельности, основанный на общей методологии изучения, связывает этапы единого цикла, а именно выявления, фиксации, систематизации, каталогизации, описания, хранения, исследования и популяризации фольклора.

В связи с этим мы предлагаем новый подход к научно-практическому изучению и актуализации этнокультурного наследия, позволяющий подойти к разработке образовательного стандарта по подготовке специалистов в области казачьей культуры. Данный подход предполагает соединение современных этномузыковедческих методов изучения песенного, хореографического и музыкально-инструментального наследия российского казачества и принципов этнографического исполнительства, подразумевающего освоение музыкально-фольклорного текста на уровне саморефлексии. Образовательный стандарт должен быть основан на интеграции учебных программ по этномузыкологии и народному художественному творчеству с внедрением «казачьего компонента». Для создания рабочих программ по отдельным дисциплинам необходимо привлечь опыт исследовательской и педагогической деятельности ведущих специалистов региональных научных, образовательных организаций и учреждений культуры. Формирование рабочей группы для создания образовательного стандарта позволит определить стратегию подготовки учебника и хрестоматии со звуковым приложением по народному музыкальному творчеству локальных групп казачества и учебно-методического пособия по комплексному освоению фольклорно-этнографического исполнительства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аракельян Е. Т., Аракельян А. Е.* Музыкальные инструменты казаков-некрасовцев // К 50-летию возвращения казаков-некрасовцев на Родину. Южно-Российский музыкальный альманах. 2013. № 1 (12). С. 4–6.

2. *Аркин Е. Я.* Запевает казак песнь: песни казачьих станиц Омской области. Омск: Наследие: Диалог-Сибирь, 1999. 141 с.

3. *Бигдай А. Д.* Песни кубанских казаков / Ред. В. Г. Захарченко. Краснодар: Кн. изд-во. Т. 1. Песни черноморских казаков. 1992. 440 с.; Т. 2. Песни линейных казаков. 1995. 530 с.

4. *Бондарь Н. И.* Календарные праздники и обряды кубанского казачества. 2-е изд. Краснодар: Традиция, 2011. 376 с.

5. *Гилярова Н. Н.* Голоса Хопра: Книга для взрослых и детей. М.: МГК им. П. И. Чайковского, 2001. 100 с.

6. *Дигун Т. В.* Протяжные песни донских казаков: дис. … канд. иск. М., 1985. 228 с.

7. *Догадин А. А.* Былины и песни астраханских казаков. Астрахань: Издание Астраханского казачьего войска, 1911–1913, 1914.

8. Донские казачьи песни / Сост. Т. С. Рудиченко. Ростов н/Д: Изд-во РГК им. С. В. Рахманинова, 2006. 152 с.

9. *Жиганова С. А.* Кубанская свадьба как музыкально-этнографическая традиция позднего формирования: дис. … канд. искусствоведения. М., 2008. 216 с.

10. *Захарченко В. Г.* Народные песни Кубани. Краснодар: Сов. Кубань. Вып. 2. Песни черноморских казаков, 1997. 586 с.

11. *Иванов А. Н.* Системно-теоретические проблемы казачьего эпоса. М.: ГРЦРФ, 2012. 224 с.

12. *Иванова И. Н.* Народные песни донских казаков Волгоградской области // Русская традиционная культура. 1998. № 2. С. 8–86.

13. Информация о реализуемых образовательных программах // Сайт Российской академии музыки имени Гнесиных. [Электронный ресурс] URL: https://gnesin-academy.ru/wp-content/documents/OPOP/bak/rpd/53.03.04_hor_nar_penie_rpd.rar (дата обращения 30.10.2023).

14. *Кабанов А. С.* К проблеме сохранения песенной фольклорной традиции в современных условиях // Художественная самодеятельность: вопросы развития и руководства. Сб. науч. тр. НИИ культуры. № 88. М.: НИИК, 1980. С. 80–106.

15. *Кабанов А. С.* Многоголосие и ритмика протяжной песни донских казаков // Проблемы взаимодействия самодеятельного и профессионального художественного творчества: Сб. науч. тр. Вып. 110. М.: НИИК, 1982. С. 99–143.

16. *Кабанов А. С.* Современное фольклорное движение в России. Статьи разных лет. М.: Институт Наследия, 2019. 302 с.

17. *Кабанов А. С.* Структура песенного репертуара в традиционных фольклорных коллективах донских казаков // Репертуар художественной самодеятельности: Современность традиций. М.: НИИК, 1983. С. 131–157.

18. Казачий эпос: Былины и исторические песни. Т. 1. Эпические песни / Подготовка фольклорного материала к изданию, сост. и комментарии А. Н. Иванов. М.: ГРЦРФ, 2012. 532 с. (Памятники русского музыкального фольклора).

19. Казачий эпос: Фольклорные материалы и исследование. Т. 2. / Сост. А. Н. Иванов. М.: ГРЦРФ, 2014. 688 с. (Памятники русского музыкального фольклора).

20. Казачья станица. Традиционные песни Оренбуржья. Вып. 2. / Авт.-сост. А. Ю. Руденко. Оренбург: ОМЦНТ, 2006. 130 с.

21. *Капаев В.* Песни хутора Кубанский. Вып. 1. М.: МГФЦ «Русская песня», 1997. 65 с.; Вып. 2. М.: МГФЦ «Русская песня», 1997. 47 с.

22. Карта экспедиций Александра Михайловича Листопадова. [Электронный ресурс] URL: https://listopadov.folkcentr.ru/ (дата обращения 30.10.2023).

23. *Козырев А. А.* Уж ты, батюшка, наш быстрой Терек. Песни гребенских и терских казаков. М.: Современная музыка, 2015. 290 с.

24. Концепция формирования центров (отделов) казачьей культуры, войсковых культурно-просветительских центров // Сайт Министерства культуры Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: https://culture.gov.ru/documents/kontseptsiya-formirovaniya-tsentrov-otdelov-kazachey-kultury-voyskovykh-kulturno-prosvetitelskikh-ts (дата обращения 30.10.2023).

25. *Коротин Е. И.* Музыкально-песенный фольклор уральских (яицких) казаков (на материале 106 нотированных песен). СПб.: Реноме, 2012. 248 с.

26. *Коротин Е. И.*, *Щуров В. М.* Не один казак гулял: Фольклорный ансамбль уральских казаков. Уральск: Диалог, 1991. 128 с.

27. *Крылов К. А.* Песни оренбургских казаков Новой линии. Екатеринбург: ЦТНК СУ, 2017. 36 с.

28. *Листопадов А. М.* Песни донских казаков: В 5 т. М.: Музгиз, 1949–1954.

29. *Логинов А. Н.* Костюм донского казачества в XVI–XIX веках. Волгоград: ПринТерра, 2008. 190 с.

30. *Малый П.* Русские народные песни Оренбургской области. М.: Сов. композитор, 1980. 103 с.

31. *Марахтанова Г. Н.* Народно-певческая традиция терского казачества: дис. … канд. иск. М., 2007. 194 с.

32. Методические рекомендации по реализации пп. 1.п 5. Протокола заседания Совета при Президенте Российской Федерации по делам казачества от 16.11.2016 № 16 (О реализации Концепции формирования Центров (отделов) казачьей культуры, войсковых культурно-просветительских центров), утвержденные Протоколом от 15.03.2017 № П-31 // Сайт Министерства культуры Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: https://culture.gov.ru/documents/porealizatsii-pp1-p5-protokola-zasedaniya-soveta-pri-prezidente-rossiyskoy-federatsii-po-delam-kaza/ (дата обращения 30.10.2023).

33. *Никитенко О. Г.* Песенная традиция казаков Верхнего Дона: фольклорное интонирование и речевой диалект: дис. … канд. иск. Волгоград, 2018. 313 с.

34. Одежда казаков Верхнего Дона конца XIX — начала XX веков: каталог. Ростов н/Д: Омега Паблишер, 2010. 131 с.

35. *Орлов Л. М.* Русские говоры Волгоградской области. Волгоград: ВГПИ, 1984. 94 с.

36. Песни казаков-некрасовцев в исполнении Анастасии Никулушкиной / Сост. В. М. Щуров. М.: Композитор, 2011. 62 с. (Из коллекции фольклориста).

37. Песни сибирского воинства / Зап., нотация, сост., предисл. и прим. Н. А. Шульпекова. Красноярск: Изд-во «Буква», 2001. 240 с.

38. Песни терского казачества / Сост. Г. Н. Марахтанова. М.: РАМ им. Гнесиных, 2003. 77 с.

39. Песни уральских казаков / Зап. А. и В. Железновы. СПб., 1899. 124 с.

40. Песни уральских казаков / Запись, нот., сост., вступ. ст. и коммент. Т. И. Калужниковой. Екатеринбург: Сфера, 1998. 233 с.

41. *Проценко Б. Н.* Духовная культура донских казаков. Заговоры, обереги, народная медицина, поверья, приметы. Ростов н/Д, 1998. 322 с.

42. Реестр объектов нематериального этнокультурного наследия народов Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: http://www.rusfolknasledie.ru/ (дата обращения 30.10.2023).

43. Реестр российских фольклорно-этнографических экспедиций // Сайт Центра русского фольклора Государственного Российского Дома народного творчества имени В. Д. Поленова. [Электронный ресурс] URL: http://www.folkcentr.ru/map-2/ (дата обращения 30.10.2023).

44. *Рудиченко Т.* Словари народной лексики как инструмент изучения традиционной культуры // Фольклор и мы: Традиционная культура в зеркале ее восприятий: Сб. науч. ст., посвященный 70-летию И. И. Земцовского. Ч. 1. / Сост. Н. Ю. Альмеева. СПб.: РИИИ, 2010. С. 53–59.

45. *Рудиченко Т. С.* Деятельность городских молодежных фольклорных ансамблей (вопросы методики) // Традиционный фольклор и со-

временные народные хоры и ансамбли: Сб. науч. тр. Л.: ЛГИТМиК, 1989. С. 111–120. (Фольклор и фольклоризм. Вып. 2.)

46. *Рудиченко Т. С.* Донская казачья песня в историческом развитии. Ростов н/Д: Изд-во РГК им. С. В. Рахманинова, 2004. 512 с.

47. *Рудиченко Т. С.* Песенный репертуар: подходы к изучению // К 100-летию Л. Л. Христиансена: Сб. науч. ст. по матер. III Всерос. науч. чтений, посвященных Л. Л. Христиансену. Саратов: СГК им. Л. В. Собинова, 2011. С. 110–115.

48. *Рудиченко Т. С.* Традиции музыкального фольклора Дона: особенности формирования и функционирования // Традиционные музыкальные культуры на рубеже столетий: проблемы, методы, перспективы исследования: Матер. Междунар. науч. конф. М.: РАМ им. Гнесиных, 2008. С. 135–143.

49. Русские народные песни казаков-некрасовцев. Записаны Т. И. Сотниковым. М.; Л.: Музгиз, 1950. 31 с.

50. *Рыблова М. А.* Донское братство: казачьи сообщества на Дону в XVI — первой трети XIX века. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. 542 с.

51. *Рыблова М. А.* Календарные праздники донских казаков. Волгоград: Издатель, 2014. 189 с.

52. *Рыблова М. А.* Стать воином: традиции социализации юношей и подготовки воинов в донской казачьей общине. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2016. 279 с.

53. *Рыблова М. А.* Традиционные поселения и жилища донских казаков. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002. 240 с.

54. *Савельева Н. М.* За Уралом, братцы, за рекой. Народные песни и наигрыши оренбургских казаков. Оренбург: Печатный дом «Димур», 2009. 264 с.

55. *Самаренко В. П.*, *Этингер М. А.* Русские народные песни Астраханской области. М.: Сов. композитор, 1978. 142 с.

56. Сборник уральских казачьих песен / Собрал и издал Н. Г. Мякушин. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1890. 289 с.

57. Традиции. Нематериальное культурное наследие // Сайт «Культура.РФ». [Электронный ресурс] URL: https://www.culture.ru/traditions/culture-heritage/location-russia (дата обращения 30.10.2023).

58. Традиционная одежда оренбургских казаков. На службе и в быту... / О. В. Новикова, А. А. Рыбалко, Г. Х. Самигулов, С. Н. Кучевасова. Екатеринбург: ЦТНК СУ, 2018. 300 с.

59. Традиционные песни Оренбуржья. Вып. 1. / Сост. С. Мирошниченко. М.: ВМО, 1995. 82 с.

60. *Тумилевич Ф. В.* Песни казаков-некрасовцев. Ростов н/Д: Ростиздат, 1947. 175 с.

61. Ты здорово, брат, служивый / Сост. Н. А. Шульпеков. Красноярск: КГАМиТ, 2015. 123 с.

62. *Чумаков И. Г.* Слава вам, братцы!: песни казаков Забайкалья, записанные в Омской области. Омск: Омский госуниверситет, 2006. 163 с.

63. *Шпарийчук И. В.* На краю Руси обширной. М.: МГИК, 2018. 78 с.

64. *Щуров В.* Песни алтайских казаков. Барнаул: Изд-во АлтГАКИ, 2010. 100 с.

65. Этнографическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2017. 544 с.

66. Этнографические концерты Фольклорной комиссии Союза композиторов России // Фонограммархив. Сайт ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. [Электронный ресрус] URL: http://pushkinskijdom.ru/fonogrammarhiv (дата обращения 30.10.2023).

67. *Якоби Л. А.* Культурное наследие казаков-некрасовцев. Ставрополь: СКДНТ, 2011. 320 с.

68. *Якоби Л. А.* Песни казаков-некрасовцев. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. 124 с.

69. *Ярешко А. С.* Русские народные песни Астраханской области: записи 70-х г. XX в. М.: Композитор, 2008. 46 с.

70. *Яровой А. В.* Воинская культура казачества: символическое пространство и ритуал. Ростов н/Д: Изд-во НИМ «Логос», 2011. 214 с.

D. V. Morozov

PROBLEMS AND PROSPECTS OF IMPLEMENTATION OF EDUCATIONAL PROGRAMS ON TRADITIONAL CULTURE AND MUSICAL FOLKLORE OF THE RUSSIAN COSSACKS AT THE UNIVERSITY

Annotation. The article discusses the issues of introducing the «Cossack component» into educational programs on traditional culture and musical folklore in creative institutions of higher education. Based on the program «Cossack singing traditions» developed by the author, it is proposed to create a specialized training program in the musical folklore of local groups of the Russian Cossacks. The possibility of forming a working group to prepare an educational standard for training specialists in the field of Cossack culture is being considered. A detailed bibliographic list of studies on musical folklore, dialectology and ethnography of regional / local traditions of the Russian Cossacks is provided.

Key words: Cossacks, Cossack component, local traditions, ethnomusicology, folk art, educational standard, musical folklore

М. В. Медведева

ИЗ ОПЫТА ОСВОЕНИЯ КАЗАЧЬЕЙ КУЛЬТУРЫ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ НА КАФЕДРЕ ХОРОВОГО И СОЛЬНОГО НАРОДНОГО ПЕНИЯ РАМ ИМ. ГНЕСИНЫХ

Аннотация. В статье рассматривается значение казачьих песенных традиций в современных социокультурных условиях, особенности и формы освоения певческой культуры казаков в учебной практике кафедры хорового и сольного народного пения. Приводятся профессиональные компетенции, введенные образовательной организацией — РАМ им. Гнесиных — при изучении специальных дисциплин с учетом освоения казачьего компонента по двум профилям бакалавриата: «Хоровое народное пение» и «Сольное народное пение». Определяется круг репертуарных произведений, вошедших в исполнительскую практику бакалавров и магистров.

Ключевые слова: казачья традиционная певческая культура, профессиональные компетенции, тип профессиональной деятельности, формы сценического воплощения казачьих песен

Современные исследователи фольклора при изучении традиционной музыкальной культуры, как правило, обращаются к творчеству аутентичных фольклорных исполнителей — солистов и ансамблей, участники которых являются коренными жителями определенных сел, деревень и хуторов, знают свои местные обряды и обычаи, сохраняют и передают народно-песенные, инструментальные и хореографические традиции. Большинство информантов помнят народные песни с детства, воспринимая их от старшего поколения. Различные фольклорные тексты постоянно звучали в быту, что создавало естественные условия для совместного исполнения и запоминания в семейном кругу. При этом образцы музыкального творчества оставались в памяти на всю жизнь, передавались из поколения в поколение. Не было необходимости специально заучивать напевы, тексты песен и инструментальные наигрыши. Роль своеобразной школы народно-песенного искусства выполняло пение в семейных ансамблях, бытовых певческих артелях. Уподобление хора артели в отношении исполнения народных песен приводит Е. Э. Линева: «Запевала… ведет основную мелодию; к нему присоединяется хор или артель» [2, с. XV]. Е. В. Гиппиус обратил

особое внимание на роль «замкнутых» ансамблей, «которые поют всегда в одном и том же составе и редко допускают участие других исполнителей» [3, с. 6]. В частности, Евгений Владимирович отмечал, что «индивидуализация традиционных местных мелодических и многоголосных стилей — одна из самых характерных особенностей исполнения протяжных песен наиболее искусными ее мастерами» [3, с. 6–7].

Все эти особенности свойственны и казачьей традиционной песенной культуре. Во время совместного музицирования как части жизненного уклада складывалась единая, характерная для данного казачьего певческого коллектива манера пения, определялись диалектные особенности, а также функции голосов в процессе многоголосного распева. Таким образом, пение в ансамбле являлось основным условием освоения и передачи традиционной казачьей народно-певческой культуры.

Проблема сохранения и дальнейшего развития казачьих певческих традиций приобрела особую актуальность в современных социокультурных условиях. Известно, что освоение песенных традиций казаков детьми и молодежью способствует формированию у подрастающего поколения таких важнейших качеств личности, как духовность, чувство принадлежности к своему народу, патриотизм, сохранение выработанных старшим поколением нравственных норм жизни и поведения.

В настоящее время, к сожалению, в сфере культуры большое значение приобретает коммерциализация искусства, которая не направлена на сохранение, развитие и актуализацию традиционной народно-певческой культуры в целом и казачьей, в частности. В этой связи особенную актуальность, на наш взгляд, сегодня приобретает именно казачья традиционная культура, освоение которой поможет сформировать ощущение национального единства через причастность каждого россиянина к культуре своего народа. Как справедливо отмечает И. А. Аверин, «специфика образа жизни и бытового уклада казачества выделяла его среди других групп русского населения и в социальном, и в этнокультурном отношении. Участие в создании казачества целого ряда народов — татар, башкир, калмыков, казаков, представителей Северного Кавказа и Сибири — наложило отпечаток на его этнический и культурный облик. Вбирая в себя разнообразные традиции многих народов, оно сохраняло в себе основу общерусской культуры» [1, с. 122]. Именно

задача нравственно-культурного воспитания ставится во главу угла при проведении различных фестивалей и конкурсов народного музыкального искусства.

При этом в деятельности современных народно-певческих казачьих коллективов мы можем отметить использование различных форм претворения этой культуры. На основе их анализа возможно наметить вероятные пути сохранения и трансляции казачьих фольклорных традиций в будущем.

В отличие от аутентичной среды в специально организованной образовательной деятельности среднего и высшего звеньев к настоящему времени сложилась система подготовки специалистов, направленная на исследовательскую деятельность обучающихся и исполнительское воплощение ими данного пласта песенного фольклора. К таким специалистам относятся будущие руководители народно-певческих коллективов, хормейстеры, певцы, преподаватели различных образовательных учреждений, сотрудники фольклорно-этнографических архивов, методисты домов народного творчества, казачьих центров, продюсеры, ведущие телевизионных и радиопрограмм и другие.

Организованная образовательная деятельность осуществляется, как известно, на основе Федеральных образовательных стандартов и разработанных в каждом образовательном учереждении учебных планов по определенному уровню образования. Обратимся к опыту кафедры хорового и сольного народного пения Российской академии музыки имени Гнесиных.

В 2021 году на кафедре хорового и сольного народного пения была проведена большая работа по корректировке учебных планов и содержания образования по направлениям подготовки «Искусство народного пения» на уровнях бакалавриата (53.03.04) и магистратуры (53.04.03) по двум профилям — «Хоровое народное пение» и «Сольное народное пение», а также в ассистентуре-стажировке по специальности «Искусство вокального исполнительства» (53.09.02, вид — «Народное пение»).

В приказе Министерства образования и науки Российской Федерации от 17.07.2017 «Об утверждении федерального образовательного стандарта высшего образования — бакалавриат по направлению подготовки 53.03.04 Искусство народного пения» во ФГОС были включены только универсальные и общепрофессиональные компетенции [см.: 8]. Федеральное Учебно-методическое

объединение РАМ имени Гнесиных осуществило расширение профессиональных компетенций, включив в них те, что соответствуют характеру будущей деятельности выпускников. Как известно, профессиональные компетенции имеет право устанавливать сама образовательная организация. Профессиональные компетенции включают в себя обязательные и рекомендуемые, которые указаны в примерной основной образовательной программе, разрабатываемой непосредственно образовательным учреждением.

В частности, на основе решения УМО РАМ имени Гнесиных, возглавляемого ректором Российской академии музыки доктором искусствоведения, лауреатом Премии Правительства РФ, профессором А. С. Рыжинским, кафедрой хорового и сольного народного пения РАМ им. Гнесиных были разработаны рекомендуемые профессиональные компетенции по профилям «Хоровое народное пение» и «Сольное народное пение», а также индикаторы их достижения.

В организационно-управленческий тип профессиональной деятельности была включена готовность выпускников к работе в центрах (отделах) казачьей культуры и народного творчества: ПК-14 в профиле «Хоровое народное пение» и ПК-10 в профиле «Сольное народное пение»: «Способен работать в системе управления организациями, осуществляющими деятельность в сфере искусства и культуры» [5].

Также была введена профессиональная компетенция, необходимая для решения **культурно-просветительского типа задач профессиональной деятельности** : ПК-15 в профиле «Хоровое народное пение» и ПК -11 в профиле «Сольное народное пение»: «Способен к демонстрации достижений музыкального искусства в рамках своей музыкально-исполнительской работы на различных сценических площадках (в учебных заведениях, клубах, дворцах и домах культуры, **центрах (отделах) казачьей культуры**» [6].

Формирование данных компетенций было внесено в Основную профессиональную образовательную программу высшего образования «Хоровое народное пение» и «Сольное народное пение». Обозначенные выше компетенции осваиваются студентами кафедры хорового и сольного народного пения на уровне бакалавриата, близкие по содержанию задачи ставятся и реализуются в магистратуре и ассистентуре-стажировке посредством освоения казачьей певческой культуры при изучении музыкально-стилистических черт казачьего фольклора в ряде специальных теоретических

и практических дисциплин. Например, «Народное музыкальное творчество», «Народные песенные стили», «Расшифровка записей народных песен», «История народно-певческого исполнительства», «Методика постановки народно-сценического танца», «Преддипломная практика» (бакалавриат), «Научно-исследовательская работа», «Теория и история фольклористики», «Методика преподавания специальных дисциплин» (магистратура), «История и теория народно-певческого искусства», «Сценическое мастерство», «Режиссура концертных программ» (ассистентура-стажировка).

В настоящее время на кафедре разработан и успешно ведется доцентом Ю. П. Наумкиным специальный курс «Казачьи песенные традиции» у студентов третьего курса бакалавриата профилей хорового народного пения и сольного народного пения.

Практический (исполнительский) аспект освоения казачьего компонента осуществляется на ведущих **творческих дисциплинах**. Среди них можно назвать следующие: «Хоровой класс», «Сольное пение», «Ансамблевое пение», «Постановка голоса», «Хоровая аранжировка», «Народный танец» (бакалавриат); «Вокальный ансамбль», «Импровизационный распев», «Аранжировка и обработка народных песен» (магистратура); «Сольное исполнительство», «Ансамблевое пение», «Сценическое мастерство» (ассистентура-стажировка).

Практический (производственный) аспект реализуется в процессе полевых записей студентами образцов казачьего фольклора при прохождении курсов «Методика экспедиционной работы» и «Фольклорно-этнографическая практика». Данный курс разработан преподавателем К. А. Некрасовым и успешно реализуется в настоящее время.

Освоение и внедрение казачьего компонента осуществляется как в фольклорно-этнографическом ракурсе, так и в сценическом, включающем аранжировки, обработки, стилизованное воплощение казачьих народных песен и авторских произведений, отражающих казачью культуру.

В качестве примера приведем ряд песен кубанского казачества, записанных В. Г. Захарченко и вошедших в репертуар студентов сольного народного пения классов профессора А. П. Литвиненко и профессора М. В. Медведевой: «Там на Кубани» — военно-историческая песня черноморских казаков, лирические песни «Ой, там у саду пид яблонькою», «Ой, на горе, горе, да на горе крутой», «На в городе вирба рясна», плясовая «Вы казачки-казачки» и мно-

гие другие [см.: 4]. Как правило, казачий песенный репертуар звучит не только в сольном варианте, но и в исполнении различных ансамблей, например, уже получившего известность вокального трио кафедры хорового и сольного народного пения РАМ имени Гнесиных в составе студенток: Полины Житловой, Екатерины Лесовой и Анастасии Шапочкиной (руководитель — профессор М. В. Медведева).

Большое значение в работе кафедры хорового и сольного народного пения РАМ им. Гнесиных по внедрению казачьего компонента имеет привлечение к педагогической деятельности со студентами Народного артиста РФ, художественного руководителя Кубанского казачьего хора, профессора, доктора искусствоведения, композитора В. Г. Захарченко. В частности, Виктор Гаврилович ведет в магистратуре курс «Аранжировка и обработка народных песен». Многие из партитур, созданные студентами под руководством мастера, неоднократно исполнялись народным хором РАМ имени Гнесиных. Безусловно, общение с выдающимся деятелем в области изучения и художественного освоения казачьей культуры способствует повышению интереса обучающихся к казачьей культуре и осознанию ими возможностей ее современного сценического воплощения.

Усиление значимости казачьей культуры в образовательном процессе кафедры хорового и сольного народного пения РАМ им. Гнесиных отразилось как в художественно-творческом плане, так и в росте числа выпускных квалификационных работ в бакалавриате и магистерских диссертаций, посвященных традиционной казачьей культуре, ее изучению и современному освоению в учебной и профессиональной исполнительской практике.

Примером может служить с успехом защищенная Олегом Балунцом в 2023 году магистерская диссертация на тему «Песенная традиция линейных казаков Отрадненского района Краснодарского края» (руководитель — кандидат пед. наук, профессор М. В. Медведева). В настоящее время О. Балунц продолжает работу по освоению казачьего компонента в ассистентуре-стажировке на нашей кафедре. Его интересуют, в частности, возможные направления популяризации и актуализации казачьего песенного наследия в современной социокультурной среде[1]. Другим примером может служить работа студента 2 курса магистратуры Максима Гречухи-

[1] См. статью О. Балунца в настоящем сборнике.

на на тему «Популяризация донской казачьей певческой традиции средствами современной массовой культуры» (руководитель — доктор искусствоведения, профессор Н. В. Пилипенко).

В заключение хотелось бы отметить, что в 2023 году кафедра хорового и сольного народного пения принимает самое деятельное участие в реализации Федерального творческого проекта в сфере казачьей культуры. Разнообразные задачи данного проекта включают нацеленность на изучение казачьей певческой культуры и ее практическое сценическое воплощение в виде концертного исполнения. Нашему учебному народному хору выпала большая честь выступать на одной сцене с таким прославленным коллективом, как Кубанский казачий хор! Творческое взаимодействие казачьих коллективов, безусловно, способствует профессиональному росту студентов, позволяет представить в одной концертной программе различные стили исполнения и способы претворении казачьей культуры.

Традиционную культуру казаков всегда объединяли единые духовные основы, беззаветное служение Богу и Отечеству, мужественное начало и воинская честь. Осмысление студентами кафедры глубоких традиций казачьего воинства, бытовавших в различных регионах России, фиксация и исследование особенностей быта и обрядов казаков, запись песенных образцов различных жанров, их аранжировка, обработка и последующее сценическое претворение — все это направлено на сохранение, развитие и актуализацию традиционной казачьей культуры в современной молодежной среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверин И. А.* Казачество // Русские. (Серия «Народы и культура»). М.: Наука, 1999. С. 117–122.

2. Великорусские песни в народной гармонизации: Записаны Е. Линевой. Вып. 1–2. СПб.: Императорская Академия наук, 1904–1909. XLVIII. 90 с.

3. Двадцать русских народных песен / Сост. Е. В. Гиппиус. М.: Сов. композитор, 1979. 68 с.

4. *Захарченко В. Г.* Народные песни Кубани. Из репертуара Государственного Кубанского казачьего хора. Вып. I. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1987. 320 с.

5. Основная образовательная профессиональная программа высшего образования «Сольное народное пение». [Электронный ресурс]

URL: https://gnesin-academy.ru/wp-content/documents/OPOP/bak/opop_53.03.04_sol_nar_pen.pdf (Дата обращения 28.09.2023)

6. Основная образовательная профессиональная программа высшего образования «Хоровое народное пение». [Электронный ресурс] URL: https://gnesin-academy.ru/wp-content/documents/OPOP/bak/opop_53.03.04_hor_nar_pen.pdf (Дата обращения 28.09.2023)

7. Приказ Минобрнауки России от 17.07.2017 № 666 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — бакалавриат по направлению подготовки 53.03.04 Искусство народного пения». [Электронный ресурс] URL: https://rg.ru/documents/2017/08/07/minobr-prikaz666-site-dok.html?ysclid=lnc7ks507i211165906 (URL: Дата обращения 28.09.2023)

8. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования — бакалавриат по направлению подготовки 53.03.04 Искусство народного пения. [Электронный ресурс] URL: https://gnesin-academy.ru/wp-content/documents/FGOS/53_03_04_fgos_3.pdf (URL: Дата обращения 28.09.2023)

M. V. Medvedeva

FROM THE EXPERIENCE OF MASTERING COSSACK CULTURE IN THE EDUCATIONAL PROCESS AT THE DEPARTMENT OF CHORAL AND SOLO FOLK SINGING OF THE GNESSIN RUSSIAN ACADEMY OF MUSIC

Abstract. The article examines the significance of Cossack song traditions in modern socio-cultural conditions, the features and forms of mastering the singing culture of the Cossacks in the educational practice of the Department of choral and solo folk Singing of the Gnessin Russian Academy of Music. The professional competencies introduced by the educational organization are given, the range of repertoire works included in the performing practice of bachelors and masters is determined.

Keywords: Cossack traditional singing culture, professional competencies, type of professional activity, forms of stage embodiment of Cossack songs

С. А. Жиганова

НАРОДНО-МУЗЫКАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА КАК ПРЕДМЕТ ОСВОЕНИЯ СТУДЕНТАМИ КРАСНОДАРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ

Аннотация. Исторические события, переживаемые жителями России в наши дни, как нельзя более актуализируют обращение к казачьим традиционным культурам с их идеями патриотизма, служения Отечеству, глубоко осознанным отношением к духовным ценностям. В казачьих регионах накоплен более чем полувековой опыт их научного и художественного осмысления, в том числе в профильных учебных заведениях (вузах, колледжах, школах искусств). Анализ методик изучения казачьей культуры, а также результатов образовательной деятельности показывает разнообразные подходы к освоению казачьего фольклора. Автор анализирует факторы, влияющие на формирование представлений и методик освоения кубанского казачьего материала в учебном процессе современного вуза.

Ключевые слова: кубанские казаки, Краснодарский государственный институт культуры, казачий фольклор, педагогические подходы, методики освоения народной музыкальной культуры

Современное образование в области народной культуры не может не опираться на конкретные региональные фольклорные традиции. Это заявление не противоречит получению образования в федеральных учебных заведениях. Несмотря на то, что в федеральные вузы приезжают учиться студенты из различных регионов России и зарубежных стран, сегодня невозможно преподавать «фольклор вообще» с учетом того, как важна в традиционной культуре региональная специфика. Даже в столичных вузах, где сильна тенденция к широкому географическому охвату изучаемых фольклорных традиций, в качестве базовых для вокального освоения избираются наилучшим образом исследованные певческие стили. Для вузов и колледжей, расположенных в удаленных от центра регионах это еще более актуально. Местная фольклорная традиция способствует пониманию природы традиционной народной культуры, и лишь затем для молодого специалиста открывается возможность осмыслить другие региональные стили, характерные, в том числе, для тех мест, где ему придется работать.

Для студентов Краснодарского государственного института культуры таким заветным краем является Кубань, а предметом наиболее глубокого освоения — традиционная музыкальная культура кубанского казачества. Подготовка молодых специалистов в опоре на традиционную казачью культуру накладывает особую ответственность, особенно в наше непростое время. Именно казачьи культуры в первую очередь содержат потенциальные ответы на вопросы, отражающие вызовы нашего времени. К ним можно отнести осмысление жизни и смерти, идей патриотизма, защиты Родины и другие.

Базируясь на опыте освоения студентами кубанской казачьей фольклорной традиции в Краснодарском государственном институте культуры, выделим определенные проблемы, с которыми сталкиваются преподаватели и обучаемые.

Сложный структурно-стилевой облик традиции. Культура кубанских казаков формировалась на поздних этапах российской истории — в течение XIX века. Если быть точнее, ее формирование началось в 1792 году с началом заселения Кубани черноморскими и линейными казаками двумя этническими потоками переселенцев — восточноукраинским (из Запорожья) и южнорусским (из области Войска Донского). Консолидационные процессы продолжались до начала XX века, так и не завершившись в связи с трагическими для казаков попытками уничтожения казачества как явления в 1930-е годы [см.: 1].

Незавершившееся естественным путем формирование традиционной культуры кубанского казачества определяет неоднородность фольклорно-этнографического материала, который непросто освоить. Таково, например, культурное полиязычие традиции, разница в диалектах и музыкальных стилях, присущая субрегионам Кубани. На внутрирегиональном уровне оно хорошо ощущается до сих пор. Сложный и неоднозначный стилевой облик кубанского казачьего фольклора создает трудности для осмысления региональной специфики даже ученым. Приведу в пример издания, отразившие это явление: «Очерки традиционной культуры казачеств России» [6], несколько изданных томов «История, этнография, фольклор Кубани» [4].

Различные стилевые обличья казачьего фольклора в современной художественной практике и учебном процессе. Студент, начинающий учебу в казачьем регионе, воспринимает разнообразные художественные явления, номинируемые как «казачья культура», на основе различных источников. Ими могут быть:

1) учебные дисциплины на профильных направлениях подготовки (в КГИК: «История», «История Кубани», «Народное музыкальное творчество», «Традиционная музыкальная культура», «Музыкальный фольклор Кубани»). Разнообразная направленность дисциплин (исторических, музыковедческих, фольклористических) также содействует разнообразию ракурсов, в которых подается и воспринимается информация;

2) учебный народно-песенный материал, предназначенный для вокального исполнительства. Как правило, он черпается из сборников казачьих песен различных лет издания;

3) восприятие художественных программ на концертах сценических коллективов, фестивалях и конкурсах. Для студентов КГИК это, в первую очередь, Государственный академический Кубанский казачий хор, ансамбль казачьей песни «Криница» и народно-певческие коллективы Краснодарской государственной филармонии им. Г. Ф. Пономаренко;

4) фольклорные практики (в условиях полевых фольклорно-этнографических экспедиций).

Каждый из перечисленных и иных контекстов отражает отличный от других взгляд на народно-певческую культуру казачества. Это обусловлено как характером источника («живой» или книжный), так и личностью преподавателя или автора сборника, периодом его издания.

Сложность восприятия традиционной культуры казачества как ценностной системы, его ментальности, глубинных традиционно-фольклорных смыслов. Важнейший вопрос образовательного процесса, педагогики — достигается ли студентами истинное понимание смысла фольклорных текстов. Без этого невозможно воспитательное воздействие казачьего фольклора на современного молодого человека. Зачастую это восприятие ограничивается традиционным кругом образов и атрибутов, которые, благодаря сценической практике, стали символизировать любую казачью культуру. К ним можно отнести казачью форму, шашку, фланкировку, образ коня — друга и боевого товарища казака, казачьей удали. Между тем, глубокое погружение в традиционную казачью культуру позволяет преодолевать стереотипы и видеть казака в народных песнях живым человеком, выражающим различные эмоции и не лишенным некоторых слабостей. Достичь этого уровня — одна из задач современной педагогики.

Отметим тот факт, что сильные стороны освоения казачьего фольклора студентами КГИК связаны с наличием в регионе успешных профессиональных народно-певческих коллективов. Это Государственный академический Кубанский казачий хор (художественный руководитель и главный дирижер народный артист России, Украины, Адыгеи, Абхазии, Карачаево-Черкесии и Республики Крым, заслуженный артист Южной Осетии, заслуженный деятель искусств Чеченской Республики, Дагестана и Крыма, дважды лауреат Государственной премии России, Герой Труда России В. Г. Захарченко), ансамбль казачьей песни «Криница» (художественный руководитель заслуженный деятель искусств Российской Федерации В. А. Капаев) и ряд других. Облик казачьих песен в интерпретации профессиональных народно-певческих коллективов влияет на понимание обучающимися ментальности казачьей культуры и порождает желание идти в творческой деятельности именно этим путем. Нацеленность на обучение «под крылом» Кубанского казачьего хора, возможность бывать на репетициях и концертах появляется у абитуриентов еще на вступительных экзаменах. Став студентами кафедры сольного и хорового народного пения, они стремятся предложить свое резюме для дальнейшей работы в знаменитых коллективах.

Вышесказанное объясняет тот факт, что доминирующим образовательным направлением на Кубани является сольное и хоровое народное пение, а не этномузыкология. Тем не менее, в ходе освоения образовательных программ студентами-исполнителями, в КГИК последовательно реализуется и этномузыкологическое знание в рамках учебных дисциплин «Народное музыкальное творчество», «Традиционная музыкальная культура (раздел “Музыкальный фольклор Кубани”)», «Расшифровка народных песен», а также в рамках фольклорно-этнографической практики. В рабочие планы основной образовательной программы «Музыковедение» по направлению подготовки 53.04.06 «Музыкознание и музыкально-прикладное искусство» (уровень магистратуры) включена дисциплина «Музыкальная этнография».

Необходимо отметить успешное воздействие проектного метода на развитие интереса студентов к изучению кубанской казачьей культуры. Так, в течение шести лет, с 2014 по 2019 годы, наиболее заинтересованные студенты приняли участие в работе фольклорно-этнографических экспедиций «Сохранение народной культуры Кубани». Они были составной частью проектов, осуществляемых

Виктор Артемьев, студент Краснодарского государственного института культуры, в ходе записи народных песен в станице Должанской Ейского района Краснодарского края. 2014 г.

при финансовой поддержке грантов РФФИ, РГНФ и Министерства образования и науки Краснодарского края № 14-14-23601 е(р), № 15-14-23602 е(р), № 16-14-23601 е(р), № 17-14-23601 е(р), № 18-412-230012 р_а, № 19-412-230006 р_а, в ходе которых были обследованы семь районов Краснодарского края. Участниками проектов являлись преподаватели, аспиранты, ассистенты-стажеры, а также студенты-бакалавры и магистры. По результатам исследований опубликованы научные статьи [см.: 2; 3].

Проект «Уроки-концерты по кубановедению» также осуществлялся в течение ряда лет (2013–2021 гг.). Студенты сами вели уроки о казачьей культуре для детей в различных населенных пунктах Краснодарского края. Интерактивный характер занятий совершенно соответствовал молодежному выполнению проекта: в ходе уроков студенты исполняли традиционные казачьи песни, проводили с детьми игры, викторины. Все это способствовало хорошему усвоению знаний и привлекательности занятий для обучающихся. В 2015 году проект «Уроки-концерты по кубановедению» был награжден премией Администрации Краснодарского края.

На современном этапе стоит отметить участие студенческих ансамблей «Молодычка» (рук. доценты В. В. Адаменко, М. А. Голубева), «Казачья удаль» (рук. доцент Т. А. Криницкая) в практических занятиях курсов повышения квалификации для работников культуры и образования России. Проект «Творческие люди» реализу-

Студенты кафедры сольного и хорового народного пения КГИК в ходе проведения урока-концерта по кубановедению. 2021

ется в рамках национального проекта «Культура» [см.: 5]. Одной из свежих работ является видеоурок на тему «Проводы на службу кубанского казака: традиции и современные реконструкции», в ходе которого студенты кафедры сольного и хорового народного пения КГИК создают собственную реконструкцию казачьего обряда на основе изученния ими материалов фольклорно-этнографических экспедиций и общения с участниками фольклорного коллектива «Тополына» станицы Азовской Краснодарского края.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бондарь Н. И.* Традиционная культура кубанского казачества (конец XIX — начало XX вв.) // Традиционная культура кубанского казачества. Краснодар, 1999. С. 72–97.

2. *Жиганова С. А., Багдасарян Н. Е.* Народно-музыкальная культура Белореченского района Краснодарского края на современном этапе (по материалам Второй фольклорно-этнографической экспедиции Краснодарского государственного института культуры) // Культурная жизнь юга России. 2017. Вып. 3 (66). С. 53–59.

3. *Жиганова С. А., Луговская Я. Н.* Календарные обрядовые песни станицы Азовской Северского района Краснодарского края: особенно-

сти функционирования и музыкально-поэтической организации (по результатам работы Шестой фольклорно-этнографической экспедиции КГИК) // Культурная жизнь юга России. 2019. № 4. С. 119–129.

4. История, этнография, фольклор Кубани. Т. 1. Кореновский район (материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции) / Научн. ред., сост. Н. И. Бондарь, А. И. Зудин. Краснодар: Книга, 2015. 332 с.; Т. 2. Горячеключевской р-н (материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции): учебное пособие / Научн. ред., сост. Н. И. Бондарь, А. И. Зудин. Ижевск: ООО Принт-2, 2016. 368 с.; Т. 3. Усть-Лабинский р-н (материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции): Научн. ред., сост. Н. И. Бондарь, А. И. Зудин. Майкоп: Качество, 2018. 452 с.; Т. 4. Темрюкский р-н (материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции): Научн. ред., сост. Н. И. Бондарь, А. И. Зудин. Ростов-на-Дону: [б. и.], 2019. 472 с.; Т. 5. Отрадненский р-н (материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции): учебное пособие / Научн. ред., сост. Н. И. Бондарь, А. И. Зудин. Ростов-на-Дону: [б. и.], 2020. 472 с.

5. Краснодарский государственный институт культуры. Система дистанционного образования. [Электронный ресурс] URL: https://talant-kgik1966.ru/course/index.php?categoryid=2 (Дата входа 15.10.2023)

6. Очерки традиционной культуры казачеств России / Под общ. ред. проф. Н. И. Бондаря. Т. 1. М.; Краснодар, 2002. 632 с.; Т. 2. Краснодар, 2005. 632 с.

S. A. Zhiganova

FOLK MUSIC TRADITION OF THE KUBAN COSSACKS AS A SUBJECT OF MASTERING BY STUDENTS OF THE KRASNODAR STATE INSTITUTE OF CULTURE

Annotation. The historical events experienced by the inhabitants of Russia today, as much as possible actualize the appeal to the Cossack traditional cultures with their ideas of patriotism, service to the Fatherland, a deeply conscious attitude to spiritual values. The Cossack regions have accumulated more than half a century of experience in their scientific and artistic understanding, including in specialized educational institutions (universities, colleges, art schools). The analysis of the methods of studying Cossack culture, as well as the results of educational activities shows a variety of approaches to the development of Cossack folklore. The author analyzes the factors influencing the formation of ideas and methods of mastering the Kuban Cossack material in the educational process of a modern university.

Key words: Kuban Cossacks, Krasnodar State Institute of Culture, Cossack folklore, pedagogical approaches, methods of mastering folk music culture

А. А. Михайлова

ИЗУЧЕНИЕ И СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КАЗАЧЕСТВА В НАУЧНЫХ И ТВОРЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТАХ КАФЕДРЫ НАРОДНОГО ПЕНИЯ И ЭТНОМУЗЫКОЛОГИИ САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОНСЕРВАТОРИИ ИМЕНИ Л. В. СОБИНОВА

Аннотация. Изучение традиционной культуры казачества в Саратовской государственной консерватории в данной статье рассматривается в тесной связи с историей кафедры народного пения и этномузыкологии. У ее истоков стоял Александр Листопадов, легендарный исследователь песенной традиции донского казачества. В дальнейшем собиранием казачьего фольклора в регионе занимались известные фольклористы Лев Христиансен и Александр Ярешко.

Ключевые слова: традиционная культура, казаки, Саратовская государственная консерватория, Александр Листопадов, Александр Ярешко

Рубеж XX–XXI столетий в нашей стране оказался весьма сложным в отношении понимания и расстановки культурных приоритетов. Глобализация, размывание этнической идентичности и стремление влиться в общеевропейскую семью народов резко сменилось современной ситуацией с разнонаправленными векторами развития, где доминирует активный интерес к непреходящим ценностям традиционного искусства. Наступивший период турбулентности заставляет нас искать в традиционной культуре точки опоры, которые помогли бы не потерять «собственное лицо» и национальную идентичность. В новой исторической ситуации именно система образования в сфере искусства и культуры в значительной мере призвана взять на себя миссию хранителей традиционных духовных ценностей. Поэтому подготовка и воспитание кадров фольклористов, этномузыкологов становится важной социокультурной задачей.

Кафедре народного пения и этномузыкологии Саратовской государственной консерватории имени Л. В. Собинова (далее — СГК) исполнилось 55 лет. Говоря о ее приоритетных задачах в подготовке и воспитании студентов-фольклористов, необходимо отметить

важную роль исследователя, педагога, музыкально-общественного деятеля ***Александра Михайловича Листопадова*** (1873–1949) в истории становления фольклористики в Саратовской консерватории. С 1907 г. он жил в Саратове, где преподавал в ряде средних учебных заведений. В дальнейшем, с 1915 по 1920 год, вскоре после открытия консерватории в 1912 году, он работал там педагогом по хоровому дирижированию и возглавлял хоровой класс. Будучи активным общественным деятелем — членом Комитета по управлению консерваторией, руководителем музыкальной секции Саратовского городского отдела народного образования, в 1919 году он первым поставил вопросы об открытии в вузе класса народной песни и создании образцового хора народной песни, работал с самодеятельными хорами. Тогда же по его инициативе были открыты курсы по изучению русской народной песни при внешкольном подотделе Народного образования [см.: 6].

В годы его жизни в Саратове он осуществлял экспедиции по записи фольклора народов Поволжья, в том числе и в районы рек Хопёр и Медведица — места сохранившихся казачьих песенных традиций на территории Саратовской губернии. При этом А. М. Листопадов не прерывал своей исследовательской деятельности, публиковался в различных периодических изданиях. В 1911 году вышел из печати первый сборник Листопадова «Песни донских казаков», в который вошло 107 казачьих песен. На следующий год издаются работы «1812 год в народных песнях» и «Народные песни — донские казачьи, малорусские и великорусские», с приложением 30 песен [см.: 6].

Имя Листопадова по праву вписано в историю Саратовской консерватории. Он обосновал необходимость создания нескольких важных направлений в образовательной системе консерватории, которые получили реализацию через много лет: ввел руководство хором в качестве учебной дисциплины, разработал проект открытия в консерватории отделений игры на народных инструментах и народного пения. Задолго до основания кафедр хорового дирижирования, народных инструментов, руководителей народного хора он заложил фундамент для основания этих важных специализаций [см.: 5].

В 1960-е годы русское народно-певческое исполнительство становится одним из самостоятельных направлений и начинает развиваться в профессиональной, самодеятельной и учебной формах.

История нашей кафедры начинается с открытия в 1966 году отделения по новой специальности — «Руководитель народного хора» — одним из инициаторов народно-певческого образования в России, профессором Л. Л. Христиансеном (1910–1985). Его имя известно в связи с деятельностью Уральского русского народного хора, основателем (в 1943 г.) и художественным руководителем которого он был. Опыт практической работы, полученный от встреч и общения с аутентичными певцами и их творчеством, связанный с подбором репертуара, репетиционной и концертной работой в хоре — все это создало тот фундамент знаний в области народного искусства, глубокую и прочную профессиональную базу, которые Лев Львович реализовал в программах новой специализации. Научные исследования Христиансена свидетельствуют о поисках методики изучения народного творчества. Ключевой позицией авторской школы является аутентичный принцип народного исполнительства, осмысление художественных ценностей фольклора. Л. Л. Христиансен заложил основы методики работы с народными голосами. Ее отличает опора на разговорную манеру пения как основу техники исполнения, сохранение диалектных особенностей поэтической речи и стилистики пения. Ничего не исправлять у народных певцов, а слушать и учиться у них — было его основным девизом в работе [см.: 15].

На протяжении более 40 лет кафедру возглавлял другой выдающийся деятель народного искусства России — профессор, доктор искусствоведения, лауреат премии имени Д. С. Лихачева Александр Сергеевич Ярешко (1943–2018), которому в свое время Лев Львович поручил всю работу по воспитанию студентов. Как свидетельство полного доверия и преемственности в деятельности, Христиансен передал Александру Сергеевичу и личную библиотеку для использования в учебных целях. Сферой научных интересов А. С. Ярешко более 50 лет было собирание и изучение песенного и инструментального фольклора Астраханского и Саратовского Поволжья, где он регулярно проводил многочисленные экспедиции со студентами, а также казачьего фольклора Кубани. Он стал основоположником научного направления «русская кампанология», являясь автором пяти монографий, около двухсот статей, пластинок и дисков с записями звонов.

С именем А. С. Ярешко связан современный этап народно-хорового исполнительства в СГК, который выявил новые комплексные подходы в воспитании фольклориста-исследователя, изучении и сохранении народного певческого искусства. Проблема адапта-

ции фольклорного образования в сложившейся академической системе обучения, совершенствование форм и методик преподавания были объектом его внимания и вдумчивых размышлений: «Система профессионального фольклорного образования явилась одной из форм роста национального самосознания. Принципы и методы обучения, по сути, стали системой *познания* фольклора, его основополагающих свойств, закономерностей, этапов его исторического развития. На этом пути оказалось много проблем, преодоление которых заняло не одно десятилетие. Если начальный этап формирования учебных планов, программ и т. п. отличался некоторым обобщенным подходом, что естественно характеризовало первые опыты образовательного процесса, то, пожалуй, только спустя десятилетия мы подошли к осознанию необходимого в воспитании будущего специалиста» [16, с. 22].

Л. Л. Христиансеном и А. С. Ярешко, уже на современном этапе истории кафедры, были заложены, обоснованы и внедрены в учебный процесс принципы изучения студентами комплекса дисциплин по народному музыкальному творчеству, в том числе и практическому освоению региональных певческих традиций. Изначально немаловажное значение придавалось экспедиционной работе, к которой активно привлекаются студенты. Это в полном смысле слова практикоориентированный образовательный процесс с логично выстроенными межпредметными связями.

На кафедре сложилась система профессиональной подготовки, где направленность приоритетов в научно-исследовательскую работу и дальнейшая ориентация на исполнительскую реализацию являются важными составляющими воспитания специалиста. Подготовка и последующая защита ВКР основываются на музыкально-этнографическом материале, собранном дипломником в регионе его проживания, на своей малой родине. Нотация зафиксированных образцов, их анализ и научное осмысление, создание фольклорного сборника с приложением аудиозаписей и концертно-сценическое воплощение являются результативной формой получения квалификации.

В процессе освоения учебных программ студентами осваиваются различные региональные певческие стили. Как яркая составная часть русской народной культуры, казачьи традиции, безусловно, пересекаются с работой кафедры, с ее творческими и научными интересами.

Анализ архива кафедры, сложившегося более чем за полвека, а это около 400 дипломных работ и экспедиционных записей педагогов и выпускников, показывает, что порядка 20 % исследовательских выпускных работ студентов посвящены различным региональным традициям российских казаков.

Самым большим числом записей представлено песенное наследие Донского казачьего войска (народные песни казаков верхнего, среднего и нижнего Дона —Волгоградской и Ростовской областей), а кроме этого — кубанский песенный фольклор (в частности, ст. Тбилисской Усть-Лабинского р-на Краснодарского края и др.), культура казаков-некрасовцев Ставропольского края (в том числе одно из первых исследований свадебного обряда Л. А. Якоби в 1979 г.), песенный фольклор терских казаков (казачьи станицы Кабардино-Балкарской Республики). Также имеются записи, выполненные в бывших казачьих поселениях Астраханской, Оренбургской, Саратовской областей и на Урале. Тематика исследований дипломных работ разнообразна: исполнительский стиль, музыкальное наполнение свадебного обряда, жанровый состав песенного фольклора, поэтика и музыкальный язык — мелодические, ритмические и ладовые формы, особенности многоголосия, степень сохранности фольклорной традиции на современном этапе и т. д.

Большое значение придается на кафедре научно-исследовательской и издательской работе. За последние пять лет по казачьим традициям подготовлены и изданы два фольклорных сборника: *Кузнецова Д. А., Бондаренко М. В.* Свадебные песни терских казаков (станица Екатериноградская Кабардино-Балкарской республики). Саратов, 2018; *Самохина В. А.* Песни верховых казаков Волгоградской области (Старополтавский и Калачевский р-ны). Саратов, 2021.

Из 17 диссертаций на соискание ученой степени кандидата искусствоведения, подготовленных и успешно защищенных аспирантами кафедры, две посвящены научному осмыслению региональных казачьих традиций: *Ярешко П. В.* Воинский фольклор казаков Кубани: история, функциональность, музыкальная стилистика (2016), *Никитенко О. Г.* Песенная традиция казаков Верхнего Дона: фольклорное интонирование и речевой диалект (2018). Тематика диссертаций направлена в первую очередь на исследование исполнительской и музыкальной стилистики песенного фольклора, так как авторы сами являются исполнителями, практически знающими традицию.

Говоря о саратовских казаках, необходимо отметить, что в разные исторические периоды границы казачьих войск не совпадали с границами губерний, а территория Саратовской области до того, как приобрела современные очертания, за пять веков неоднократно меняла свои границы. Согласно сведениям из документов ГАСО, на которые ссылается ряд исследователей [см., например, 12; 14], отдельного Саратовского казачьего войска не существовало. Однако Саратов как губернский город с окружающей территорией соседствовал, а иногда и входил в границы области Войска Донского (на юго-западе), Астраханского (на юге) и Уральского (на юго-востоке) казачьих войск. По Высочайшему Указу1870 г. приграничные губернские города для несения службы обязаны были содержать казачьи полки на своей территории. Размещение на территории Саратовской губернии полков Донского, Астраханского, Уральского и даже Оренбургского казачьих войск было постоянным. Они использовались для несения разного рода служб: охранной, почтовой, пограничной, конвойной. В основном в Саратове стояли Астраханские и Донские казачьи сотни [см.: 14].

По информации, которую приводит С. А. Степанов, первые упоминания о служилых людях (казаках, стрельцах) на территории современной Саратовской губернии относятся к 1571 году, когда на левом берегу Волги была основана Караманская станица[1] — первое поселение Московского государства в нашем крае[2]. Краеведы

---

[1] «“Станица” в XVI веке, помимо обозначения оседлого селения, — еще и группа конных служилых людей, которая ездит на большом пространстве, пересекая бескрайние поволжские степи (“Дикое поле”). Возглавлял станицу стоялый голова. Каждая станица насчитывала по 6 человек конных служилых людей, включая “вожу” — проводника, выполняла задачу наблюдения и оповещения о приближающейся опасности. Посреди станицы ставилась высокая сторожевая вышка для наблюдения за “диким полем”, называемая шиханом. Однако находиться в постоянных разъездах служилым людям было тяжело без постоянного пристанища. Поэтому “конная станица” с годами превратилась в станицу оседлую. Ее выстроили казаки и стрельцы на небольшом полуострове, образуемом извилистым течением речек Карамана и Саратовки» [12].

[2] «Из жителей, поселившихся по Волге после падения Астраханского Царства, более всех имели начала исторической деятельности

XIX столетия Ф. Ф. Чекалин и А. И. Шахматов относили существование станицы к Правобережью (район современного села Пристанного). Население Караманской станицы состояло из служилых людей — казаков, стрельцов, пушкарей — всего 135 человек. Гарнизон нес функции погранформирования [см.: 12].

Государственный Архив Саратовской области (ГАСО) содержит подтверждающие документы том, что к 1734 году относится упоминание о казачьей сотне (команде), которая с 1721 г. именовалась саратовской станицей. Первоначально она относилась к Войску Донскому, позже — к Волгскому[1] [см.: 12]. В 1817 г. станица вошла в состав Астраханского казачьего войска и стала самой северной войсковой территориальной единицей [см.: 1; 10].

Если рассматривать современную территорию Саратовской губернии, то именно Прихоперье и бассейн реки Медведица в Балашовском районе считаются ареалами, где можно найти сохранившиеся отголоски традиций донских и волжских казаков[2].

В архиве кафедры народного пения и этномузыкологии СГК имеются аудиозаписи и дипломные работы с нотациями песен, за-

---

волжские казаки, которые появились во второй половине XVI века из перешедших на Волгу донских казаков и беглецов из Московского царства» [12]. Непроста история казаков саратовского Поволжья. Достаточно привести несколько исторических фактов, чтобы понять неоднородность казачьего сословия. В августе 1670 года Степан Разин двинулся от Царицына вверх по Волге, объявляя везде казачью вольницу, и Саратов сдался мятежнику без сопротивления. На некоторое время город принял казацкое устройство [см.: 4].

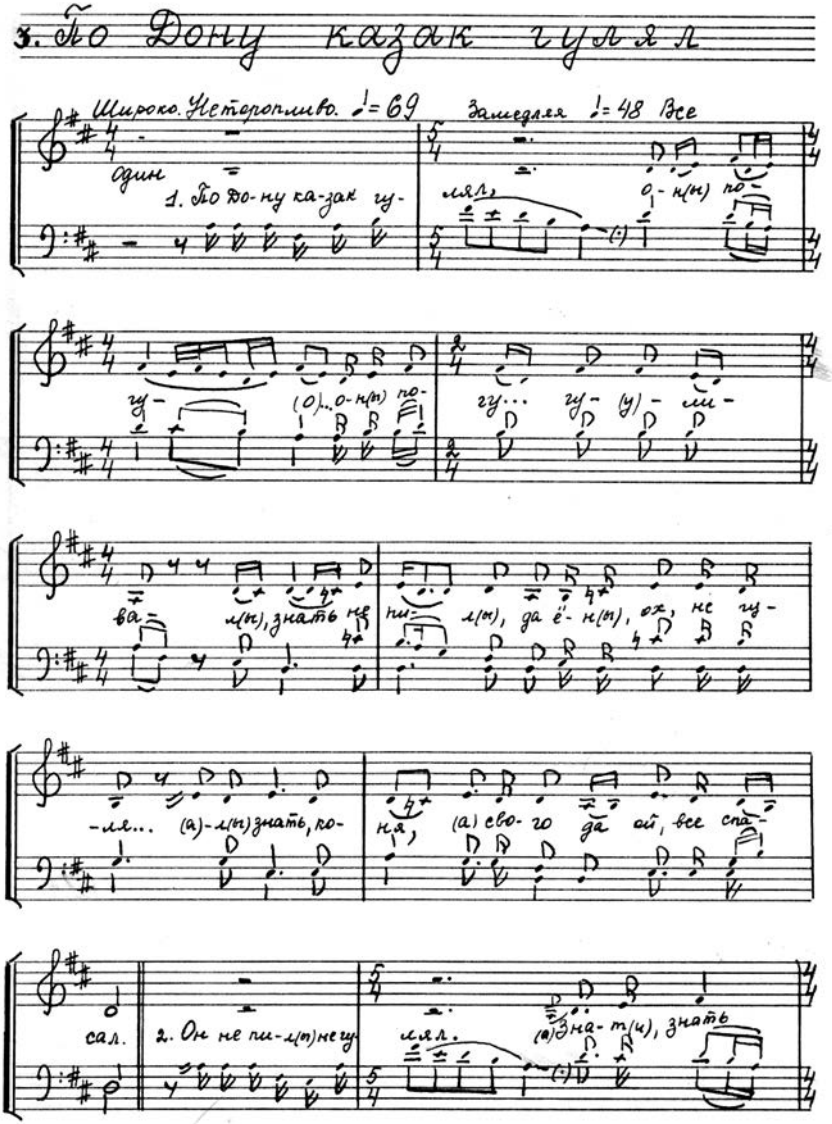
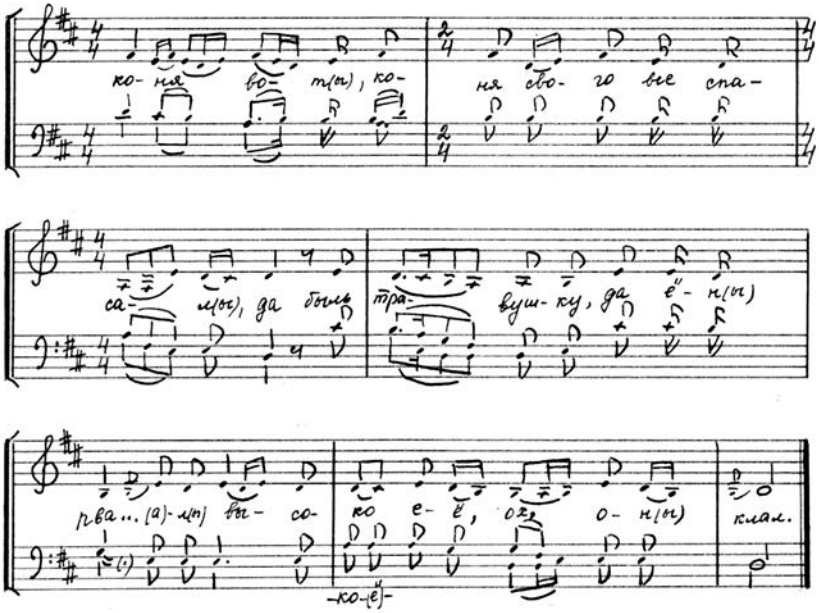
1 «В 1734 году для несения постоянной службы на волжскую линию перевели 1057 семей донских казаков, их расселили по Волге в четырех станицах. Войско, созданное донцами на Волге, получило название Волгского, имело свое знамя, униформу и знаки отличия. Но за участие в пугачевском бунте (1773–1775 гг.), когда казаки поддержали Пугачева, Волгское казачество Указом Императрицы Екатерины II было расформировано, большая часть казаков выслана на Терек, дав начало ныне известному Терскому Казачьему войску» [12; см. также: 2; 4].

2 А. С. Степанов приводит интересный факт: «В августе 1919 г. возле с. Лопуховка Саратовской губернии в бою с красными войсками погиб знаменитый донской казак Козьма Крючков — первый Георгиевский кавалер войны 1914 г. Он уроженец Усть-Хоперской станицы войска Донского (ныне Волгоградская область)» [12].

«Игроки» песен супруги Иван Яковлевич и Любовь Яковлевна Кизьяковы (фото из дипломной работы А. А. Тархова, 1977 г.)

писанных в с. Терновка Балашовского района. Наиболее ранние из них — работа Л. А. Екатеринушкиной 1973 г. [см.: 3] и А. А. Тархова 1977 г. [см.: 13], в которых отсутствуют аудиозаписи. Самые ранние аудиозаписи по району, которые имеются в нашем архиве, это материалы фольклорной экспедиции 1982 г., использованные в дипломной работе 1984 г. Л. Ю. Серовой [см.: 11].

По информации Л. Ю. Серовой, с. Терновка разделено на три части: Центр, Куток и Хохлы, где живут потомки переселенцев с Дона и из Украины. Представляют интерес записи от семейного ансамбля Кизьяковых, который составляют два брата — Михаил Яковлевич (1910 г. р., запевала) и Иван Яковлевич (1913 г. р.), жена последнего — Любовь Яковлевна (1917 г. р.), а также В. Ф. Афанасьев (1904 г. р.) и Т. Афанасьева (1944 г. р.).

«В селе их зовут “игроки песен” по кличке “бендяры”. Прозвище это закрепилось издавна, еще от деда, и пристало ко всем потомкам. Поют песни прихоперского казачества — “тягловые”: в поэтике, сюжетах, жанровой принадлежности, музыкальной и исполнительской манере можно обнаружить черты казачьего песенного стиля с очень сложным ритмическим дроблением, частой сменой метра, все поют в основном двух-, трехголосно, в грудном регистре, головное пение совсем не применяют. Для песен характерны широкие распевы, разрывы слов, часто меняют гласные внутри слова (например, в песне вместо слова “пити” поют “пи(а)-(и)-ти”, вместо

3. По Дону казак гулял
Широко. Неторопливо. ♩= 69
Замедляя ♩= 48 Все
один
1. По до-ну ка-зак гу-
ля-л
о-н(м) по-
гу-
(о)...о-н(м) по-
гу... гу- (у)- ли-
ва-
л(м), знать не
ли-
л(м), да ё-н(м), ох, не гу-
-ля... (а)-л(м) знать, ко-
ня)
(а) сво-го да ой, все спа-
сал.
2. Он не ли-л(м) не щ
ля-л.
(а) зна-т(ч), знать

П О Д О Н У К А З А К Г У Л Я Л

I. По Дону казак гулял,
Он/ы/ погу... /о/..., он/ы/ погу/у,у/ливал/ы/.
Знать, не пил/ы/, да ен/ы/, ох, не гуля/а/л/ы/,
Знать, коня /а / свого да, ой, все спасал.

2. Он не пил/ы/, не гулял,
/а/ Знать, знать коня вот/ы/ коня свого все спасал
Да быль- травушку, да ен/ы/ рва/я,а/л/ы/,
Высоко ее, ох, он/ы/ клал.

“наварити” поют “навари-(а)-(и)-ти”). По словам самих “игроков”, у них песни “тягловые” и неинтересные...» [11, с. 8]. Из собрания солдатских песен Л. Ю. Серовой приведем в качестве примера протяжную «По Дону казак гулял» (см. с. 212–213).

Свободный импровизационный запев, интонационные и фонемные подъемы, спады, выразительные смысловые акценты, насыщенные тембры в пении указывают на речевую природу певческой традиции, где важную роль играет слово. Все это — характерные признаки казачьей манеры пения. Еще один показательный элемент певческого стиля казаков — фактурное изложение с *дишкантом*, наличие слоговых асемантических вокализированных вставок («ой», «да», «вот») в распевных образцах фольклора. Все это воспринимается как особая выразительная стилистика пения, о чем, в частности, пишет О. Г. Никитенко [см.: 9, с. 16–17].

Сегодня на территории Саратовского Поволжья казачьей песенной традиции в виде сформировавшегося музыкально-этнографического явления не существует. Однако в локальных традициях можно встретить сохраняющиеся устойчивые коренные признаки, характерные для казачьей песенной культуры: от набора песенных жанров, специфических средств музыкальной выразительности и особого мелодического рисунка до вокально-исполнительских приемов, выявляющих особенности фонетического строя народной вокальной речи — дифтонги, словообрывы, «подъезды»-глиссандирования снизу к основному звуку и т. д. Подобные жанровые, музыкально-стилевые и исполнительские признаки песенного фольклора казачьей традиции в записях 1970–1980-х годов встречаются локально как остаточные явления. Более поздние архивные записи в этом регионе демонстрируют общерусскую позднюю городскую традицию. Этому есть множество причин — как влияние массовой культуры, так и разрыв социальных связей между поколениями, отсутствие преемственности внутри семьи, певческих коллективов и размывание однородности коренного населения переселенцами из разных регионов.

В настоящее время в СГК ведется работа по оцифровке фондов, приведению архива к современным техническим требованиям, подготовке материалов к изданию в виде сборников и дисков, созданию доступа к архивным данным для научной работы и исполнительской практики.

Накопленные материалы по казачьему фольклору из Волгоградской и Саратовской областей дают возможность не просто изучить традиции этих ареалов, но и на основе сравнительного исследования проследить динамику развития традиции, степень ее сохранности и проанализировать происходящие процессы. В этом несомненная ценность архивов и фондов кафедры.

На основе расшифровок традиционного фольклора хоровым коллективом кафедры народного пения и этномузыкологии СГК под художественным руководством Г. Н. Бурдановой создаются тематические творческие проекты и концертные программы «Отечества священный подвиг», «Российская история в песне» и другие, отражающие российскую историю, где в качестве неотъемлемой составляющей представлена казачья традиция.

Еще в 1980-е годы А. С. Ярешко выдвинул идею создания «Театра народной песни», где главным действующим лицом выступает сам творческий коллектив с программой единой тематической направленности [см.: 17, с. 13–14]. Цель этого проекта — возрождение традиций, которые были свойственны исконному народному искусству, сценическое воплощение обрядовых форм и сцен жизненного быта. По сложившимся требованиям, каждый студент кафедры, заканчивая консерваторию, сдает госэкзамен «Постановка концертной программы» на собранном им самим песенном материале. По сути это конечный результат работы дипломника, где он реализует свои знания и компетенции в междисциплинарном комплексе: вокальная подготовка — работа с хором и ансамблем, инструменты фольклорной традиции, народный танец, режиссура народной песни. Это своего рода мини-спектакль, воссоздание обряда, в котором мы видим проявление синкретического единства разных жанров народного искусства. Программы на основе записей казачьих традиций отличает особая яркость музыкального материала и позитивная исполнительская экспрессия.

Просветительская работа кафедры, взаимодействие с саратовскими региональными казачьими структурами — это отдельное направление, включающее подготовку и проведение серии ежегодных фестивалей народного искусства, конкурсов, социально-просветительских проектов и открытых лекций, шефство над образовательной школой с казачьим уклоном № 43 города Саратова, проведение концертов и лекций для школьников и т. д.

Ежегодным стало проведение фестивалей казачьей песни «Разгуляй», «Песни Волги и Дона», включающих выступления на открытых площадках, конкурса-фестиваля детского творчества «Казачок» под патронажем Министерства социального развития Саратовской области, участие в мастер-классах приглашенных ведущих ансамблей казачьих традиций Волгограда, Москвы, других городов.

С 2017 года кафедрой проводится Всероссийский молодежный конкурс-фестиваль патриотической народной песни «Песни, рожденные в боях...», основанный А. С. Ярешко на материале его уникального фольклорного сборника «Народные песни Великой Отечественной войны» (с 2019 года мероприятие посвящается памяти его основателя). В конкурсе звучат и казачьи песни, отражающие патриотический подвиг, верность Отечеству, стойкость духа и высокие моральные качества его защитников. Конкурс с такой тематикой — это и патриотическое воспитание молодежи через эмоциональное воздействие героическими сюжетами, проникновенной лирикой, и сохранение памяти о подвиге народа в сложный для страны исторический период. Кафедрой проведено шесть Всероссийских фестивалей народного творчества «Звучит гармонь саратовская...», представляющих народный музыкальный символ Поволжья — саратовскую гармонь. В них принимают участие казачьи коллективы различных регионов.

Отдельно нужно сказать о деятельности А. С. Ярешко по возрождению русских православных колокольных звонов, которая начиналась в 1970-х годах. Александр Сергеевич стоял у истоков создания Ассоциации колокольного искусства России (1989 г.) и на протяжении 25 лет был ее бессменным президентом. С 1990-х годов он оказывал методическую и практическую помощь епархиям, музеям, администрациям городов и сел, музыкальным коллективам различных регионов России в возрождении колокольного искусства, организации производств по изготовлению колоколов, осуществлении различных форм обучения [см.: 8].

Особенно эффективно школы звонарей работали при храмах и епархиях, которые взаимодействовали с казачьими объединениями, атаманами станиц, заинтересованными в возрождении православного искусства. Жизненная позиция А. С. Ярешко, потомственного кубанского казака, созвучна казачьему менталитету. Православная вера, традиционные праздники — неотъемлемая часть быта казаков. Церковные колокольные звоны как стилисти-

чески яркий элемент православной культуры были восприняты в казачьей среде с воодушевлением, как возвращение и обретение утраченного.

В основном направлении деятельности кафедры — воспитании фольклористов-этномузыкологов, исполнителей народной песни и руководителей творческих коллективов народно-песенного жанра — заложена парадигма воспитательной работы, в том числе патриотической, в ее практическом проявлении: любовь к своей стране, народной культуре, бережное отношение к традициям, их сохранение, уважение к старшему поколению носителей культуры, преемственность знаний о народных традициях и обычаях. Это реализуется в постоянной работе — концертно-творческой, научной, фольклорно-экспедиционной, просветительской. Казачий песенный фольклор в музыкально-стилевом отношении — высокохудожественные образцы народного песенного искусства. Это направление востребовано в исполнительской практике. Сюжеты, герои и события — все работает на воспитание у студентов эмоционально-чувственного интеллекта, что необходимо будущему руководителю творческого коллектива.

Таков краткий обзор деятельности кафедры народного пения и этномузыкологии Саратовской консерватории. Заложенные основателями традиции продолжают следующие поколения педагогов и студентов. Коллектив, сохраняя и воплощая лучшее из народной культуры, открыт к творческому сотрудничеству в совместных патриотических проектах, которые в настоящее время приобретают новую актуальность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бирюков И. А.* История Астраханского казачьего войска. Т. 1. Саратов: Типо-литография П. С. Феокритова, 1911. 744 с.

2. *Гераклитов А. А.* История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов: Друкарь, 1923. 376 с.

3. *Екатеринушкина Л. А.* Русские народные песни Саратовской области. Саратов, 1973. 68 с. (Дипломная работа: СГК им. Л. В. Собинова).

4. *Костомаров Н. И.* Очерки по истории Саратовского края от присоединения его к Русской державе до вступления на престол Николая I // Памятная книжка Саратовской Губернии на 1858 год. Составлена при Саратовском губернском правлении. Саратов, 1858. С. 7–8.

5. Листопадов Александр Михайлович // Саратовская государственная консерватория имени Л.В. Собинова 1912–2012: Энциклопедия. Саратов: СГК имени Л. В. Собинова, 2012. С. 207–208.

6. *Листопадов А. М.* Автобиографические заметки // Советская музыка. 1948. № 7. С. 50–54.

7. *Михайлова А. А.* Авторский курс А. С. Ярешко по изучению колокольных звонов в Саратовской государственной консерватории (к 80-летию со дня рождения) // Искусство и образование. № 2 (142). 2023. С. 112–121.

8. *Михайлова А. А., Бутенко А. Н.* Памяти А. С. Ярешко // Вестник Саратовской консерватории. 2022. № 2. С. 3–9.

9. *Никитенко О. Г.* Песенная традиция казаков верхнего Дона: фольклорное интонирование и речевой диалект: автореф. дис. ... канд. иск.: 17.00.02 — Музыкальное искусство. Саратов, 2018. 31 с.

10. Саратовское станичное правление 2-го отдела Астраханского казачьего войска, 1835–1917 гг. // Государственный архив Саратовской области. Фонд 96.

11. *Серова Л. Ю.* Русские народные песни Балашовского района Саратовской области. Саратов, 1984. 120 с. (Дипломная работа: СГК им. Л. В. Собинова).

12. *Степанов С. А.* Саратовские казаки // [Электронный ресурс]: URL https://souz-kursantov.ru/istoriya/91-istoriya-saratovskie-kazaki (Дата обращения 10.10.2023).

13. *Тархов А. А.* Русские народные песни Саратовской области. Саратов, 1977. 133 с. (Дипломная работа: СГК им. Л. В. Собинова).

14. *Токарев В. Н., Пиреев А. И.* История саратовского казачества в фондах ГАСО // Содержание стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 годы и основные механизмы ее реализации. Саратов, 2020. С. 104–105.

15. *Ярешко А. С.* Лев Львович Христиансен — выдающийся русский этномузыковед, педагог, музыкальный общественный деятель // Памяти Л. Л. Христиансена. Сб. статей по мат-лам Всерос. научных чтений, посвященных Л. Л. Христиансену. Саратов: СГК имени Л. В. Собинова, 2005. С. 3–16.

16. *Ярешко А. С.* Народно-певческая образовательная парадигма: поиски путей решения // История, теория и практика фольклора. Сб. статей по мат-лам Всерос. научных чтений памяти Л. Л. Христиансена. Саратов: СГК имени Л.В. Собинова, 2013. С. 16–23.

17. *Ярешко А. С.* Театр народной песни // Культурно-просветительная работа. Советская Россия. 1986. № 7. С. 13–14.

A. A. Mikhailova

THE STUDY AND PRESERVATION OF THE TRADITIONAL CULTURE OF THE COSSACKS IN THE SCIENTIFIC AND CREATIVE PRIORITIES OF THE DEPARTMENT OF FOLK SINGING AND ETHNOMUSICOLOGY OF THE SARATOV STATE CONSERVATORY

Annotation. The study of the traditional culture of the Cossacks at the Saratov State Conservatory in this article is considered in close connection with the history of the Department of Folk Singing and Ethnomusicology. At its origins stood Alexander Listopadov, a legendary researcher of the song tradition of the Don Cossacks. Later, famous folklorists Lev Christiansen and Alexander Yareshko were engaged in collecting Cossack folklore in the region.

Keywords: traditional culture, Cossacks, Saratov State Conservatory, Alexander Listopadov, Alexander Yareshko

Т. Р. Оганова

ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕСЕНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ В ОБЛАСТИ ИЗУЧЕНИЯ РОССИЙСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ КУЛЬТУРЫ В ФГОС 53.02.05 СОЛЬНОЕ И ХОРОВОЕ НАРОДНОЕ ПЕНИЕ

Аннотация. Автор анализирует государственные документы (образовательный стандарт), регулирующие процесс обучения по специальности «Сольное и хоровое народное пение» в средних специальных учебных заведениях России. Введение дополнительной профессиональной компетенции (ПК 1.7. Ориентироваться в специфике отдельных региональных традиций традиционного казачьего певческого искусства) расширяет возможности освоения казачьей культуры. На примере училища имени Гнесиных демонстрируются возможности формирования этой компетенции в рамках различных учебных дисциплин.

Ключевые слова: культура казаков, обучение, профессиональные компетенции, училище имени Гнесиных

Федеральный государственный образовательный стандарт по специальности 53.02.05 Сольное и хоровое народное пение был утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации[1] и введен в действие в 2010 году. Ранее подготовка руководителей народных коллективов и исполнителей народных песен в среднем профессиональном образовании (далее — СПО) была рассредоточена внутри специальностей 0502 «Вокальное искусство» по виду «Сольное народное пение» и 0503 «Хоровое дирижирование» по виду «Руководитель народного хора».

Появление новой специальности 53.02.05 Сольное и хоровое народное пение констатировало серьезные изменения в структуре и содержании образовательного процесса, а также отразило вне-

[1] Приказ Минобрнауки России от 28 июня 2010 г. № 729 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 073403 Сольное и хоровое народное пение».

дрение в учебно-педагогическую практику новых методологических подходов — системы профессиональных модулей, обеспечивающих:

- исполнительскую деятельность в качестве артиста хора, ансамбля и солиста на различных сценических площадках;
- педагогическую деятельность в образовательных организациях дополнительного образования детей (детских школах искусств по видам искусств), общеобразовательных организациях и профессиональных образовательных организациях;
- организационную деятельность, связанную с руководством народными коллективами, постановкой концертов и прочих сценических выступлений.

Специальность «Сольное и хоровое народное пение» постоянно развивается: меняется ее код[1], корректируются общие и профессиональные компетенции, появляются новые предметы, а также дополняются требования к знаниям, умениям и практическому опыту обучающегося, особенно в части профессионального модуля «Педагогическая деятельность»[2].

В настоящее время также стоит вопрос актуализации содержания федерального государственного образовательного стандарта по этой специальности в соответствии с приказами Министерства просвещения Российской Федерации:

- Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 08 ноября 2021 г. № 800 «Об утверждении Порядка проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего профессионального образования»;
- Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 12 августа 2022 г. № 732 «О внесении изменений в федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования», утвержденный приказом Министерства науки и образования Российской Федерации от 17 мая 2021 г. № 413».

---

1 Приказ Минобрнауки России от 27 октября 2014 г. № 1388 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 53.02.05 Сольное и хоровое народное пение».

2 Приказ Минпросвещения России от 17 мая 2021 г. № 253 «О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты среднего профессионального образования».

Первый документ регламентирует порядок проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего профессионального образования. В приказе появляется новый термин «дипломный проект (работа)», который необходимо ввести в текст действующих ФГОС СПО в области искусств.

В соответствии со вторым документом необходимо актуализировать содержание общеобразовательного учебного цикла, который реализуется в музыкальных училищах и колледжах на 1 и 2 курсах.

В левой колонке таблицы указаны предметы, которые изучаются в настоящее время, а в правой перечислены предметы, установленные новым приказом Минпросвещения России от 17 мая 2021 г. № 413:

Дисциплины, предусмотренные Учебным планом в настоящее время	***Проект приказа Минпросвещения России от 17.05.2021 № 253 «О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты среднего профессионального образования»***
Общеобразовательный учебный цикл, реализующий ФГОС СОО — 1404 часа	Общеобразовательный учебный цикл, реализующий ФГОС СОО — 1404 часа
Обязательные предметные области (10 предметов)	*Обязательные предметные области (13 предметов)*
Предметная область «Русский язык и литература»	Предметная область «Русский язык и литература»
Русский язык	Русский язык
Литература	Литература
Предметная область «Родной язык и родная литература»	–
Родная литература	–
Предметная область «Иностранные языки»	Предметная область «Иностранные языки»
Иностранный язык	Иностранный язык
Предметная область «Общественные науки»	Предметная область «Общественные науки»
Обществознание	Обществознание
–	История
–	География
Предметная область «Математика и информатика»	Предметная область «Математика и информатика»

Математика	Математика
–	Информатика
Предметная область «Естественные науки»	Предметная область «Естественные науки»
Естествознание	Физика
Астрономия	Химия
–	Биология
Предметная область «Физическая культура, экология и основы безопасности жизнедеятельности»	Предметная область «Физическая культура, экология и основы безопасности жизнедеятельности»
Основы безопасности жизнедеятельности	Основы безопасности жизнедеятельности
Физическая культура	Физическая культура
–	Индивидуальный проект
Профильные учебные предметы	*Дополнительные учебные предметы*
История мировой культуры	История мировой культуры
История	–
Народная музыкальная культура	Народная музыкальная культура
Музыкальная литература (зарубежная и отечественная)	Музыкальная литература (зарубежная и отечественная)

В соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом среднего общего образования общеобразовательный учебный цикл теперь должен состоять из 13 обязательных предметов: «Русский язык», «Литература», «Иностранный язык», «Обществознание», «История», «География», «Математика», «Информатика», «Физика», «Химия», «Биология», «Основы безопасности жизнедеятельности» и «Физическая культура». Два предмета из приведенного перечня должны изучаться на углубленном уровне. Вероятно, образовательные организации, реализующие специальности укрупненной группы 53.00.00 Музыкальное искусство, выберут предметы «Литература» и «История». Также предполагается выполнение студентом индивидуального проекта по одному из обязательных предметов.

В приказе указано, что образовательная организация устанавливает дополнительные предметы, то есть профильные, такие как «История мировой культуры», «Народная музыкальная культура» и «Музыкальная литература (зарубежная и отечественная)».

Изменения вносятся только в общеобразовательный учебный цикл. Общее количество часов и структура профессионально-

го блока полностью сохранены. И это очень важно! Содержание профессионального цикла[1] ориентировано на формирование разносторонне образованного музыканта, знающего и глубоко понимающего народное искусство, способного к изучению, сохранению и популяризации певческих традиций нашей страны.

Певческая традиция казаков по праву считается культурным достоянием России. Изучение историко-культурного наследия российского казачества возможно в рамках действующего образовательного стандарта в двух направлениях. Прежде всего, за счет введения дополнительной профессиональной компетенции: ПК 1.7. Ориентироваться в специфике отдельных региональных традиций традиционного казачьего певческого искусства.

Эта профессиональная компетенция может быть сформирована в рамках новой общепрофессиональной дисциплины или междисциплинарного курса, возможное название — «Основы традиционного казачьего певческого искусства».

В результате изучения дисциплины / междисциплинарного курса обучающийся должен:

знать:

- специфику бытования жанров традиционной музыкальной культуры казачества, их региональные особенности;
- особенности организации и деятельности казачьих коллективов в системе культурно-просветительских, досуговых учреждений;

уметь:

- ориентироваться в различных видах и формах казачьей культуры;
- создавать индивидуальную художественную интерпретацию музыкального произведения;

---

[1] Профессиональный цикл в федеральных образовательных стандартах по специальностям 53.00.00 Музыкальное искусство включает общегуманитарный и социально-экономический учебный цикл, общепрофессиональные дисциплины и три профессиональных модуля по этой специальности: ПМ.01 Исполнительская деятельность, ПМ.02 Педагогическая деятельность и ПМ.03 Организационная деятельность. В рамках профессиональных модулей проводятся учебная и производственная практики, которые реализуются как концентрированно — в несколько периодов, так и рассредоточено.

- нотировать и аранжировать музыкальные произведения для сольного, ансамблевого и хорового исполнения;
- иметь практический опыт:
  подбора репертуара в ориентации на целевую аудиторию концертного мероприятия;
  постановки концертных номеров.

Помимо практики введения отдельной учебной дисциплины или междисциплинарного курса, методически целесообразен интегрированный подход. В музыкальном училище имени Гнесиных Российской академии музыки имени Гнесиных певческие традиции российского казачества всегда являлись обязательным компонентом содержания программ целого комплекса предметов и междисциплинарных курсов.

Прежде всего, это профильный предмет «Народная музыкальная культура», в рамках которого студенты изучают жанры народной музыки на основе аудиоматериалов и видеозаписей, приобретают опыт комплексного анализа народной песни с учетом всех музыкально-выразительных и поэтических средств.

Особое внимание певческой традиции казаков уделяется в междисциплинарном курсе «Областные певческие стили, расшифровка и аранжировка народной песни». Освещаются такие аспекты, как:

- история происхождения казачества;
- система жанров;
- манера пения и диалекты;
- инструментальные и хореографические особенности;
- особенности традиционного костюма;
- основные этнографические коллективы и выдающиеся исполнители.

Соответственно, вопросы, связанные с характеристикой казачьей певческой традиции, включают в экзаменационные билеты по данному курсу:

1. Характеристика певческой традиции:
   - терских казаков;
   - кубанских казаков;
   - донских казаков;
   - некрасовских казаков.

2. История возникновения казаков Кубани и особенности заселения кубанских территорий. Особенности многоголосия.

3. Особенности диалекта и народного костюма некрасовских казаков.

4. Особенности свадебного обряда кубанских казаков. Характеристика костюма кубанских казаков, диалекта.

Полученные знания и навыки развиваются в рамках междисциплинарных курсов «Сольное и ансамблевое пение» (по виду «Сольное народное пение») и «Хоровое и ансамблевое пение» (по виду «Хоровое народное пение»), а также учебных практик «Основы народной хореографии» и «Ансамблевое исполнительство». Междисциплинарные курсы и учебные практики направлены не только на формирование вокально-хоровых навыков обучающихся, но и позволяют решить сложнейшую педагогическую задачу воспитания певцов, способных передавать специфические особенности музыкально-поэтического языка конкретных местностей, областей России, владеющих аутентичной пластикой движения. И как итог обучения — демонстрация приобретенных знаний и практического опыта в курсовых работах и дипломных проектах.

Ниже приведены программы отчетных концертов и государственных экзаменов с участием студентов, обучающихся по виду «Хоровое народное пение». Руководитель хора — Юрий Колесник, хормейстеры — Марина Вульф и Ийя Давыдова, педагог-хореограф — Заслуженный работник культуры РФ Татьяна Гвоздева. Преподаватели профильных предметов и междисциплинарных курсов — Наталья Мухина и Заслуженный работник культуры Российской Федерации Ольга Кузьменко.

I. ПЕСНИ ДОНСКИХ КАЗАКОВ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ (ОТЧЕТНЫЙ КОНЦЕРТ ОТДЕЛА ХОРОВОГО НАРОДНОГО ПЕНИЯ В 2014 ГОДУ)[1]

1. Глазёночки карие — протяжная лирическая песня станицы Тепикинской Урюпинского района Волгоградской области

2. Как над яром, над ярочком — рекрутская песня хутора Яминский Алексеевского района Волгоградской области

---

[1] Отчетный концерт отдела «Хорового народного пения» 26 марта 2014 года: https://youtu.be/ZxwUVmnfgcA. В концерте принимают участие студенты I курса факультета фольклорного искусства РАМ имени Гнесиных Дмитрий Козлов и Михаил Тагильцев.

3. Не стёжкою, младец, не дорожкою — протяжная песня станицы Усть-Бузулук Алексеевского района Волгоградской области

4. Жавронёнок — тюремная песня станицы Усть-Бузулук Алексеевского района Волгоградской области

5. Как под славною было под Журжаю — протяжная песня станицы Суворовская Суровикинского района Волгоградской области из сборника А. М. Листопадова «Песни донских казаков»

6. Камышинка — протяжная песня станицы Усть-Бузулук Алексеевского района Волгоградской области.

II. «ВНИЗ ПО МАТУШКЕ, ПО ВОЛГЕ...». ПЕСНИ И ПЛЯСКИ ДОНСКИХ КАЗАКОВ КУМЫЛЖЕНСКОГО И СЕРАФИМОВИЧСКОГО РАЙОНОВ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

(ДИПЛОМНАЯ РАБОТА НАТАЛИИ АНДРЕЕВОЙ И МАРИИ ЕЖОВОЙ 2015 ГОДА)[1].

1. Вниз по матушке, по Волге — протяжная с припевками станицы Федосеевская Кумылженского района

2. Фельдмаршал к войску ехал — протяжная историческая песня хутора Зимняцкий Серафимовичского района

3. Не пой-ка, не пой ты, соловейка — бытовой романс станицы Букановская Кумылженского района

4. Весёлая беседушка — лирическая протяжная песня хутора Зимняцкий Серафимовичского района

5. У ворот сосна зеленая — свадебная плясовая песня хутора Зимняцкий Серафимовичского района

6. Сине море всколыхнулося — круговая песня хутора Зимняцкий Серафимовичского района

7. Что не рыжи рыжаки — шуточная плясовая станицы Букановская Кумылженского района

8. Казачьи танцы: Краковяк, Нареченька, Падэспань, Наурская, Полька с каблучком.

---

[1] Государственный экзамен 03 июня 2015 года: https://www.youtube.com/watch?v=hpZpYGJu1Q0&list=RDhpZpYGJu1Q0&index=1. Большой концертный зал РАМ имени Гнесиных. В концерте принимают участие Федор Белоусов, Виталий Калинин и Илья Ахрамеев. Консультанты по казачьей пляске — Иван Кабанов и Илья Ахрамеев.

III. «КУБАНСКИЕ ЗАРИСОВКИ». ПЕСНИ ЛИНЕЙНЫХ И ЧЕРНОМОРСКИХ КАЗАКОВ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ
(ДИПЛОМНАЯ РАБОТА ЛИДИИ АЛЁХИНОЙ И АНАСТАСИИ ШАДРИНОЙ 2016 ГОДА)[1]

1. *Кубань-речку перешли* — походная песня станицы Тбилисская
2. *Ой, на горе калина* — хороводная песня станицы Тбилисская
3. *Ты взойди, солнышко, взойди* — протяжная песня станицы Тбилисская
4. *Ой, мій Дунай* — лирическая протяжная песня черноморских казаков
5. *У крывого танца* — хоровод на масленицу хутора Кисловодский станицы Малотенгинская Отрадненского района
6. *Хвартуна* — протяжная песня станицы Тбилисская
7. *На городі буркун* — шуточная плясовая станицы Анастасиевская Славянского района
8. *Прощай ти, Уманьська станиця* — рекрутская песня станицы Ленинградская
9. *Ой, на горі сніжок трусе* — солдатская песня станицы Анастасиевская Славянского района.

IV. ПЕСНИ ХУТОРА МРЫХОВСКИЙ ВЕРХНЕДОНСКОГО РАЙОНА РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ
(ЮБИЛЕЙНЫЙ КОНЦЕРТ ОТДЕЛА ХОРОВОГО НАРОДНОГО ПЕНИЯ В 2017 ГОДУ)[2]

1. *Веселитеся, донцы, славные казаки* — походная песня
2. *Проснётся день красы моей* — лирическая песня
3. *Во саду-садочке* — лирическая песня
4. *Глазки голубые* — лирическая песня
5. *Вы послушайте, ребята* — припевки
6. *Как задумал наш Савич* — шуточная
7. *Ты кормилец наш, батюшка, православный тихий Дон Иванович* —протяжная

---

[1] Государственный экзамен 07 июня 2016 года: https://www.youtube.com/watch?v=Sz-rriOJZHs. В концерте принимает участие студент РАМ имени Гнесиных Дмитрий Козлов.

[2] Юбилейный концерт отдела «Хорового народного пения». Концертный зал «Гнесинский на Поварской» 31 марта 2017 года: https://youtu.be/m60ex7tqSWA.

V. ФРАГМЕНТЫ СВАДЬБЫ КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ (ПОСЕЛКИ КУМСКАЯ ДОЛИНА И НОВОКУМСКИЙ ЛЕВОКУМСКОГО РАЙОНА СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ)
(ЮБИЛЕЙНЫЙ КОНЦЕРТ ОТДЕЛА ХОРОВОГО НАРОДНОГО ПЕНИЯ В 2022 ГОДУ)[1]

I. Сватовство: *Бояре, мы к вам идём*
II. День первый
- Смотрины: *Ой, туман*; *У нашего свата*; *Сторона ли ты моя*; *Уж, ты, матушка, Утрём-река*
- Девичник: *Голымба*

III. День второй
- Невесту сажают «на посад»: *У Татьяне одна дочушка была*
- Друзья «повещают» родственников невесты, что все готово к свадьбе, а родственников жениха, что невеста сидит «на посаде»
- «Жениховые» идут за невестой: *Травушка-муравушка*
- Выкуп места жениха
- Продажа косы
- Молодых ведут под венец: *Полинушка с двора схаживала; Как во нашей во деревне*
- Садятся за праздничный стол: *По чарочке выпьем*

IV. День третий
- Наряжают невесту по-бабьи: *Едет Ваня со гулянья*.

Таким образом, в рамках государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования 53.02.05 Сольное и хоровое народное пение возможны разные подходы в изучении культурно-исторических традиций казачества: от введения дополнительной профессиональной компетенции в рамках отдельной дисциплины до создания целостной системы, позволяющей интегрировать певческую традицию казаков в содержание профильных предметов и междисциплинарных курсов.

---

[1] Юбилейный концерт отдела «Хорового народного пения» проходил в Большом концертном зале РАМ имени Гнесиных 30.03.2022. Программу исполнил фольклорный ансамбль старших курсов. Руководитель ансамбля — Марина Вульф, консультант проекта — Вера Николаевна Никитина. Костюмы и декорации изготовили и предоставили: Эльмира Ахмедова, Елена Баратова, Мария Волкова, Мария Житникова, Ольга Спиряева, Ольга Старовойтова, Вера Шманенко, Александра Сарсомотян, Анна Хочешева и Полина Чиркина. https://youtu.be/nDPqBRt9o9o.

T. R. Oganova

PROSPECTS FOR INTRODUCING ADDITIONAL PROFESSIONAL COMPETENCIES IN THE FIELD OF STUDYING RUSSIAN COSSACK CULTURE INTO THE FSES 53.02.05 SOLO AND CHORAL FOLK SINGING

Annotation. The author analyzes the state documents (educational standards) regulating the learning process in the specialty "Solo and choral folk singing" in secondary specialized educational institutions of Russia. The introduction of additional professional competence (PC 1.7. To orient oneself in the specifics of individual regional traditions of the traditional Cossack singing art) expands the possibilities of mastering Cossack culture. On the example of the Gnessin School, the possibilities of forming this competence within the framework of various academic disciplines are demonstrated.

Key words: Cossack culture, training, professional competencies, Gnessin School

Ю. П. Наумкин

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ЗАНЯТИЙ ПО ПРЕДМЕТУ «КАЗАЧЬИ ПЕВЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ» В ФОРМАТАХ *OFFLINE* И *ONLINE* СО СТУДЕНТАМИ ВУЗА, ОБУЧАЮЩИМИСЯ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «ИСКУССТВО НАРОДНОГО ПЕНИЯ»

Аннотация. В статье рассматриваются особенности проведения лекционных занятий по курсу «Казачьи певческие традиции» в очном и удаленном форматах у студентов вуза, обучающихся по программам «Хоровое народное пение» и «Сольное народное пение». Методические проблемы обсуждаются на примере изучения песенной традиции астраханских казаков.

Ключевые слова: астраханские казаки, былины и песни, станица Дурновская, сборник А. А. Догадина

Занятия по предмету «Казачьи певческие традиции» проводятся со студентами III курса бакалавриата, обучающимися в рамках направления подготовки «Искусство народного пения» по программам «Хоровое народное пение» и «Сольное народное пение». На каждую тему отводится от одного до двух занятий по 45 минут. Они проводятся один раз в неделю в определенной аудитории, согласно учебному плану и официальному расписанию.

Для занятий по вышеуказанной учебной дисциплине, проходящих в очном формате (*offline*), характерно наличие живого общения педагога-лектора со студенческой аудиторией. Такая многосторонняя коммуникативная составляющая включает в себя подачу теоретического, практического и иллюстративного лекционного материала в очном режиме, обсуждение различных вопросов и получение ответов по заданной теме. Ознакомление учащихся с традицией осуществляется посредством разбора отдельных нотированных песенных образцов разных жанров и их совместным разучиванием в аудитории, прослушивания аудио-примеров, просмотра видео-роликов, карт, таблиц и т. п.

Каждая тема курса «Казачьи певческие традиции» подразделяется на отдельные пункты. В качестве примера рассмотрим структуру темы «Традиционная песенная культура казаков-астраханцев». Она складывается из следующих разделов:

На занятиях по предмету «Казачьи певческие традиции» в формате offline. Ю. П. Наумкин и студенты, обучающиеся по программе «Сольное народное пение». РАМ имени Гнесиных, 2023 г.

Историко-этнографический обзор. Ордынский (XIII в.) и ханский (1459–1556 гг.) периоды в истории Нижнего Поволжья, основание на Волге в 1558 г. города-крепости Астрахань, образование казачьих городовых команд, восстание горожан с передачей власти казачьему кругу, указ Петра I об образовании Астраханской губернии.

Создание Царицынской укрепленной линии, подразделений легкой кавалерии, Первого и Второго Астраханских казачьих войск (1776 и 1817 гг.), появление на приволжских землях казачьих станиц — русских и калмыков. Затем освещаются наиболее значимые события прошлого и нынешнего столетий в вышеуказанном регионе [см.: 2].

Традиционная культура — материальная и духовная. Основные виды занятий казаков-астраханцев, семейный уклад, дома-*турлушки*, церковь, особенности несения военной и патрульно-постовой службы, отсутствие подушной подати, право на земельный надел, наследственность казачьего звания, традиционная сине-желтая форма, три разряда служивого состава и воинское ополчение, военные компании и численность войска, революционные события и Гражданская война, расказачивание, сохранение традиций и популяризация казачьей культуры сегодня [см.: 9].

История собирания и исследования песенного фольклора астраханских казаков. Записи на фонограф более 300 образцов устного фольклора казаков-астраханцев и издание нотного сборника «Бы-

На занятиях по предмету «Казачьи певческие традиции» в формате online. Студенты, обучающиеся по программе «Хоровое народное пение». РАМ имени Гнесиных, 2020 г.

лины и песни астраханских казаков» (1908–1911 гг.) подъесаулом А. А. Догадиным (под редакцией Н. С. Кленовского) [см.: 3; 4].

Фольклорно-этнографические экспедиции 1930–2010-х гг. Опубликованные материалы и научно-исследовательская деятельность М. А. Этингера, В. П. Самаренко, А. С. Ярешко, Е. М. Шишкиной, К. В. Гузенко и др. [см.: 7; 10].

Ведущие народно-певческие коллективы Астраханской области, деятельность которых направлена на сохранение, развитие и пропаганду казачьей песенной традиции. Творческая и просветительская работа П. И. Горбунова, А. А. Смирновой, С. Б. Тарнавчик, Р. С. Бычкова и др. [см.: 6; 9].

Особенности песенной традиции астраханских казаков. Астраханская казачья этнокультурная система, ее среднерусские и южнорусские черты; «акающий» говор, диалектизмы, взаимодействие русского языка с языками народов Поволжья.

Многоголосная певческая традиция казаков-астраханцев; мужская трехголосная фактура (бас, тонкой голос и дишкант), ее бытование в женской интерпретации. Многоголосие с подголоском и без подголоска; мерность ритмической пульсации, ясное структурное членение мелострофов, четкое произнесение слов во время исполнения; стиль походно-строевых песен и песен с движением — хороводных и плясовых; влияние канта и музыки полковых оркестров.

Песенные жанры астраханских казаков: календарные, семейно-бытовые, лирические песни, причеты, рыбацкие припевки, городские романсы; песни на проводы в армию и возвращение. Протяжные и плясовые песни, привезенные в Волжское Понизовье и сложенные самими казаками-астраханцами. Музыкальные инструменты и традиционные танцы [см.: 8].

Песни станицы Дурновская (село Рассвет) Нариманского района Астраханской области (выборочно): историческая походная «Астраханцы, братцы-молодцы», лирическая протяжная «Звук на зорьке соловья», рыбацкая припевка «Эх да мы поедем в военные города», лирическая «Из-за гор-горы едут мазуры» и др.

Для проведения занятий по предмету «Казачьи певческие традиции» в удаленном формате (*online*) необходимо наличие определенной платформы, разработанной и / или введенной в эксплуатацию сотрудниками специальных отделов вуза и утвержденной руководством учебного заведения. Работа по подготовке платформы и ее эффективному использованию осуществляется в несколько этапов.

Первый этап. Преподаватель получает по электронной почте (корпоративной / личной) на свой адрес необходимую для работы в удаленном формате информацию. Это ссылки на интернет-платформу для последующего прохождения по ним и специальные инструкции, в которых пошагово изложен алгоритм действий педагога-лектора для создания специальной группы учащихся с целью донесения до них всей необходимой информации по определенной учебной дисциплине (в нашем случае — по предмету «Казачьи певческие традиции»), а также для возможности просмотра и выставления оценок за выполнение каждым студентом ряда заданий, своевременно получаемых от преподавателя.

Второй этап. Педагог-лектор создает на платформе группу по каждой конкретной учебной дисциплине, которую он преподает. Например, «Казачьи певческие традиции», 3 курс, бакалавриат, хоровое народное пение / сольное народное пение. Вначале в нужную электронную графу вносится фамилия, а также имя, отчество и должность (ученое звание / ученая степень) преподавателя. Затем — ФИО студентов, состоящих в данной группе в качестве слушателей. После чего педагог переходит к следующему этапу — процессу создания курса лекций в электронном виде, рационально распределенных по часам занятий.

Третий этап. Преподаватель размещает на платформе материалы разработанного им курса лекций по предмету «Казачьи певческие традиции», обычно читаемого студентам в формате *offline*. Лекции, как правило, следуют в том же порядке, что и при проведении очных занятий. Каждая лекция включает в себя теоретический материал, изложенный в виде текста и предназначенный для прочтения, конспектирования и пр.; практический материал — нотированные примеры песен разных жанров для проведения разностороннего анализа и последующего разучивания, а также иллюстративный материал — таблицы, карты, фотографии, художественные репродукции, аудиотреки и видеоролики по теме проводимого занятия [см.: 1].

Четвертый этап. Преподаватель заполняет соответствующие электронные строки перечнем заданий, которые учащиеся должны будут выполнить к нужному сроку (например, к следующему занятию) и своевременно их проверяет, выставляя оценки или условные значки (галочки, крестики и т. п.) в специально предназначенные для этого графы. В конце семестра, в определенный день и время каждый слушатель группы сдает зачет / экзамен, внесенный в расписание сессии согласно учебному плану. Экзаменационные билеты с перечнем вопросов и список тем рефератов студенты 3 курса бакалавриата ХНП и СНП получают от преподавателя в электронном виде заранее.

Педагог-лектор по своему усмотрению может полностью или частично продублировать теоретические, практические и иллюстративные материалы по предмету «Казачьи певческие традиции» в групповых беседах, где учащиеся и преподаватель общаются, обмениваются информацией посредством использования современных средств связи — личных телефонных аппаратов последних поколений, широкоэкранных планшетов, ноутбуков и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ансамбль традиционной песни астраханских казаков [Электронный ресурс] URL: https://work.vk.com/astrakazak (дата обращения 10.10.2023).

2. *Бирюков И. А.* История Астраханского казачьего войска. Саратов: Астраханск. казачье войско, 1911. Ч. 3: Воинская повинность; Строевые части и военные учреждения; Офицерский состав; Военное образование; Служба; Довольствие; Обмундирование, снаряжение и вооружение. 1158 с.

3. Былины и песни Астраханских казаков / для однородного хора собрал и на ноты положил А. А. Догадин; под ред. Н. С. Кленовского. Вып. 1. Астрахань: Издание Астраханского казачьего войска, 1911. 120 с.

4. Былины и песни Астраханских казаков / для однородного хора собрал и на ноты положил А. А. Догадин; под ред. Н. С. Кленовского. Вып. 2. Астрахань: Издание Астраханского казачьего войска, 1913. 96 с.

5. *Горбунов Н. П.* Зарисовки жизни станицы Дурновской на рубеже 19 и 20 веков // I-е Бирюковские чтения. Материалы Бирюковских чтений (16 января 2009 года). Астрахань: Волга, 2009. С. 10–17.

6. Песни казачьих станиц Астраханского края / Сост. Попова О. С., Грачева А. Р. Астрахань: АОНМЦНК, 2018. 146 с.

7. *Самаренко В. П., Этингер М. А.* Русские народные песни Астраханской области. М.: Сов. композитор, 1978. 142 с.

8. *Свиридова А. В.* Сборник А. А. Догадина «Былины и песни Астраханских казаков» (оценочное суждение через дистанцию времени) // IV-е Бирюковские чтения. Материалы Бирюковских чтений (13 июля 2012 года). Астрахань: Волга, 2012. С. 119–126.

9. Творческие коллективы. ГБУК Астраханской области «Астраханский областной научно-методический центр народной культуры» [Электронный ресурс] URL: https://folc.ru/creative-teams (дата обращения 10.10.2023).

10. *Ярешко А. С.* Русские народные песни Астраханской области. Записи 70-х гг. XX в. М.: Композитор, 2008. 46 с.

Y. P. Naumkin

FEATURES OF CONDUCTING CLASSES ON THE SUBJECT "COSSACK SINGING TRADITIONS" IN OFFLINE AND ONLINE FORMATS WITH HIGH SCHOOL STUDENTS STUDYING IN THE DIRECTION "ART OF FOLK SINGING"

Abstract. The article discusses the peculiarities of conducting lectures on the course "Cossack singing traditions" in full-time and remote formats for university students studying under the programs "Choral folk singing" and "Solo folk singing". Methodological problems are discussed on the example of studying the song tradition of the Astrakhan Cossacks.

Keywords: Astrakhan Cossacks, epics and songs, stanitsa of Durnovskaya, collection by Alexander Dogadin

М. Е. Гречухин

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ РАЗВИТИЯ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ДОНСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ ПЕВЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются методы развития и актуализации донской казачьей певческой традиции: проведение концертов и фестивалей, организация мастер-классов и семинаров, запись аудио и видеоматериалов, популяризация казачьих песен с помощью средств массовой информации и использование современных технологий для распространения донской казачьей музыки. Для эффективного развития и продвижения донской казачьей певческой традиции автор рекомендует комплексное применение перечисленных методов.

Ключевые слова: донские казаки, методы развития народной певческой традиции, актуализация и популяризация народных песен, сохранение этнокультурного наследия казаков

Традиционная казачья культура вызывает в обществе устойчивый интерес. К ней обращаются ученые, преподаватели, музыканты-исполнители, просто любители фольклора. На фоне такого общего интереса донская казачья песня продолжает лидировать по числу своих последователей и интерпретаторов. И не важно даже, где они живут. Смело можно сказать, что традиционные песни Дона популярны во многих регионах России, их исполняют везде: в южных областях, Москве и Санкт-Петербурге, в Поволжье, на Урале и в Сибири. Исполняют разными составами и в различных условиях. Таким образом, возникает новый феномен, связанный со вторичным бытованием одной из самых ярких народных традиций. И этот феномен, как мне кажется, нуждается в осмыслении.

Прежде чем переходить к обзору современных методов развития и популяризации донской казачьей песенной традиции, хочу коротко рассказать о коллективах, которые исполняют донские песни.

В первую очередь следует назвать коллективы, максимально ориентированные на аутентичное исполнительство, популяризующие донской казачий фольклор — ансамбли «Станица», «Бузулук», «Вольница», «Казачий Круг» и другие.

Ансамбль старинной казачьей песни «Станица» — уникальное явление, которому, пожалуй, нет аналогов. Его руководитель — за-

служенный работник культуры, профессор, заведующая кафедрой народного искусства и традиционной культуры Волгоградского государственного института искусств и культуры Ольга Григорьевна Никитенко. Ансамбль существует на базе «Областного центра казачьей культуры» при ВГИИК. Это очень важно, поскольку студенты с самого начала находятся в нужном русле, осваивая подлинную казачью традицию, ведь одной из основных миссий Центра казачьей культуры является сохранение аутентичных полевых записей в том регионе, где они были осуществлены. Кроме того, на базе института проводятся курсы профессиональной переподготовки «Традиционная культура донских казаков». Эти курсы сейчас чрезвычайно востребованы и играют важную роль в современном обучении.

При фольклорном ансамбле «Вольница» Ростовского-на-Дону областного Дома народного творчества существует молодежный ансамбль песни и танца «Атаман», руководитель — Александр Сергеевич Топчий. Репертуар ансамбля направлен в первую очередь на зрителя молодого поколения. Для того, чтобы заинтересовать слушателя, ансамбль исполняет донские казачьи песни под современную музыкальную аранжировку, таким образом получается новый формат исполнения донского фольклора.

Существуют также и профессиональные коллективы, репертуар которых базируется на донской казачьей песне. Среди них можно выделить Государственный академический ордена Дружбы народов ансамбль песни и пляски Донских казаков им. А. Квасова, являющийся визитной карточкой региона. Ансамбль ведет пропаганду донского песенного творчества не только на территории нашей страны, но и часто бывает за границей. Это говорит о том, что донские казачьи песни популярны и за рубежом. Помимо авторских произведений ансамбль исполняет обработки и аранжировки фольклорных записей. Наибольшее количество песен взяты из сборников Александра Михайловича Листопадова. Некоторые из них приведены в таблице:

Название песни	**Источник в издании А. М. Листопадова**
Ой, ты, кормилец, Дон Иванович	Т. I, Ч. 2, № 210 [3, с. 399–402]
Ой да, ты, калинушка	Т. II, № 91 [4, с. 234–235]
Ой, в Таганроге	Т. II, № 158 [4, с. 398–399]
Как у нашего соседа	Т. IV, № 18 [5, с. 71]
Пчелочка златая	Т. IV, № 42 [5, с. 108–109]

Есть профессиональные казачьи коллективы и в Москве. Один из них — «Московский казачий хор», созданный в 2013 году. Это очередной раз доказывает нам, что казачья песня популярна в наши дни и будет востребована еще долгое время. В репертуаре коллектива песни из разных казачьих регионов, звучат и донские шлягеры.

Таким образом, мы видим, что география коллективов, исполняющих донские казачьи песни, очень широка, а их роль в популяризации этой части традиционной культуры невозможно переоценить.

На основе анализа деятельности этих коллективов, а также организаций, заинтересованных в продвижении казачьей традиционной культуры в целом и донской казачьей песенной традиции в частности, мне удалось выделить пять методов развития и популяризации народной казачьей песни.

Один из них — проведение концертов, музыкальных мероприятий, конкурсов и фестивалей с участием донских казачьих хоров, ансамблей и солистов. Такие выступления позволяют привлечь внимание широкой аудитории и показать богатство и уникальность донской казачьей песенной традиции.

Особенно, на мой взгляд, важны фестивали, на которых можно представить различные аспекты донской казачьей песенной традиции, а также проведение конкурсов и соревнований для участников. Такие мероприятия помогают обнаружить новые таланты и способствуют развитию этой традиции.

Всероссийский фольклорный конкурс «Казачий круг»[1] — это ежегодный фестиваль казачьей культуры, который проходит в различных городах России. Он призван сохранить и популяризировать казачьи традиции, песни и танцы. На этом фестивале участники могут продемонстрировать свои навыки в различных видах казачьего искусства, таких как пение, танцы, игра на музыкальных инструментах и многое другое. Кроме того, проводятся соревнования по традиционным казачьим видам спорта. Устраиваются мастер-классы по казачьим ремеслам — кузнечному делу, гончарному искусству и вышивке. Организуются выставки предметов казачьего быта и оружия.

Фестиваль «Казачий круг» является важным событием для всех, кто интересуется казачьей культурой и историей. Это отличная

---

[1] Сайт Всероссийского фольклорного конкурса «Казачий круг» — https://казачийкруг.рф.

возможность познакомиться с традициями и обычаями казаков, а также узнать много нового и интересного об их жизни и быте.

Фонд «Вольное дело» Олега Дерипаски организует и проводит фестиваль казачьей культуры «Александровская крепость»[1]. Этот фестиваль отражает богатую историю и традиции казаков. Он проходит в г. Усть-Лабинске Краснодарского края на территории Александровской крепости, которая является одним из исторических символов казачьей культуры.

Участники и гости погружаются в атмосферу казачьего быта и культуры. В программе предусмотрены мастер-классы, выставки, концерты, игры, соревнования и другие развлекательные и образовательные мероприятия.

Участники фестиваля получают возможность узнать больше о песенной традиции казаков от мастеров казачьей песни, которых приглашают на фестиваль в качестве спикеров. Овладев новыми знаниями, участники сразу же могут применить их на практике. Одним из главных приоритетов фестиваля является профессиональная запись видеоклипа для всех участников конкурса. Все клипы можно увидеть на платформе YouTube[2].

Организаторы призывают всех желающих принять участие в этом уникальном мероприятии, чтобы погрузиться в мир казачьей культуры и узнать больше о ее богатстве и многообразии. Фонд «Вольное дело» уверен, что фестиваль «Александровская крепость» станет ярким и запоминающимся событием для всех его участников и посетителей.

Еще одна важная составляющая популяризации донской казачьей культуры — организация мастер-классов и семинаров, на которых можно обучить интересующихся людей основам исполнения донских казачьих песен и другим компонентам традиции. Это способствует сохранению и передаче навыков молодому поколению и популяризации донской казачьей песенной традиции.

В качестве примера хочу представить хорошо известный Всероссийский семинар-практикум по традиционной казачьей песне «На речке Камышинке», организатором которого является Оль-

---

1 Сайт фестиваль казачьей культуры «Александровская крепость» — https://ust-fest.ru.

2 Например, клип фольклорного ансамбля «Сударушки» (Краснодарский край, Кореновский район, станица Сергиевская) на песню «И туды гора»: https://www.youtube.com/watch?v=lu06qfePiBU.

га Александровна Ключникова. Это уникальное мероприятие, его основная цель — сохранение и развитие традиционной казачьей культуры, а также обмен опытом между исполнителями и исследователями. В рамках семинара участники знакомятся с различными формами бытования казачьей песни, изучают ее историю и особенности, а также обмениваются опытом с другими участниками. Гимном мероприятия стала песня «На речке Камышинке», записанная в экспедиции Андреем Сергеевичем Кабановым [см.: 1].

Семинар обычно проводится на территории Волгоградской области. Организаторы приглашают специалистов в сфере казачьей культуры, фольклористов, этнографов и других ученых, занимающихся изучением казачества.

В программу мероприятия входят лекции, мастер-классы, практические занятия по вокалу и игре на традиционных музыкальных инструментах, а также круглые столы и дискуссии на тему казачьей песни. Участники имеют возможность обмениваться опытом, делиться своими знаниями и навыками, а также устанавливать новые контакты и связи в профессиональном сообществе.

Всероссийский семинар-практикум «На речке Камышинке» является важным событием в жизни исполнителей и исследователей традиционной казачьей песни и вносит значительный вклад в сохранение и развитие этого уникального культурного наследия.

Одним из современных и интересных проектов по сохранению и популяризации донской казачьей песенной традиции является «Фольклорно-этнографическая школа на Дону» Центра русского фольклора Государственного Российского Дома народного творчества им. В. Д. Поленова. Целью данного проекта является совершенствование методики освоения и популяризации традиционной народной культуры, организация в течение календарного года периодического творческого контакта участников городских фольклорно-этнографических коллективов, занимающихся изучением местных казачьих песенных традиций, с народными исполнителями Волгоградской области.

Идею подобной постоянно действующей школы на Дону обозначил Андрей Сергеевич Кабанов ещё в 1990-х годах. Она заключалась в осуществлении частых выездов в населенные пункты конкретного этнокультурного региона с целью «постоянного воздействия экспедиционной работы на сельскую традицию» [2, с. 133], поддержки и сохранении аутентичного исполнительства. Однако первая экспе-

дициональная поездка была осуществлена лишь в 2012 году студентами кафедры хорового и сольного народного пения РАМ имени Гнесиных. С тех пор экспедиции проводятся ежегодно. За это время было записано большое количество фольклорного материала.

В Москве существует «Центр развития культурных инициатив» — организация, занимающаяся поддержкой и развитием культурных проектов и инициатив. Одним из ее проектов является «Таврида-АРТ» — проект, который объединяет молодых и талантливых людей со всей России. Он проводится на территории Крымского полуострова и включает в себя различные мероприятия — концерты, выставки, мастер-классы, образовательные программы и многое другое.

Одним из самых ярких событий «Тавриды-АРТ» является так называемая Народная смена. В ее рамках участники могут выбрать одно из направлений, которое им наиболее интересно: музыка, танцы, театр, кино, литература, искусство. Затем они работают над созданием своих проектов под руководством опытных наставников.

Во время «Народной смены» также проходят мастер-классы известных артистов, музыкантов, режиссеров и других представителей творческих профессий. Участники могут получить ценные советы и рекомендации от профессионалов своего дела.

Для коллективов разных направлений одним из методов развития и популяризации стала возможность записать и выпустить аудио- и видеоматериалы — создать альбомы, клипы и концертные записи, которые могут быть распространены через интернет, телевидение, радио и другие средства массовой информации. Это позволяет сохранить и распространить донские казачьи песни, познакомить с этой традицией большое число людей. В качестве примера хочу привести три альбома: «Гордись, русская слава!» ансамбля старинной казачьей песни «Бузулук», «Песни казаков России (Не для меня)» Владимира Скунцева и «Любо мне, когда Дон разливается» Московского казачьего хора. Их можно найти на разных музыкальных платформах, в том числе и на «Яндекс Музыка»[1].

Еще один важный способ популяризации казачьих песен — их продвижение с помощью средств массовой информации. Замеча-

---

[1] Например, альбом «Песни Казаков России (Не для меня)» Владимира Скунцева: https://music.yandex.ru/album/14276956.

тельным примером здесь может служить Краснодар, где с 2011 г. существует радиостанция Казак FM[1], которая круглосуточно транслирует казачьи песни, песни кубанских авторов и исполнителей. Такой формат является хорошим примером для других регионов России. Сегодня радиостанция Казак FM вещает на Кубани, в Адыгее и Крыму, охватывая население более 5 000 000 человек. Кроме того, радиостанция ведет вещание на спутниковом телевидении Триколор ТВ, что позволяет слушать ее по всей России.

И наконец, в современных условиях важнейшим средством продвижения народного искусства становится интернет. Использование социальных сетей, стриминговых сервисов, YouTube-каналов и других современных технологий для распространения донской казачьей музыки позволяет привлечь внимание глобальной аудитории, найти новых слушателей и фанатов, а также взаимодействовать с ними.

Проект «Люди Ф» — это медиа-канал на YouTube[2], созданный для знакомства широкой аудитории с миром фольклористики и фольклора. В рамках проекта на интервью приглашаются известные фольклористы и ученые, которые делятся своим опытом и знаниями о фольклоре. Они рассказывают о своей исследовательской работе, экспедициях, архивной деятельности и проектах по сохранению фольклорного наследия.

Кроме того, на медиа-канале «Люди Ф» можно найти аналитические статьи, обзоры книг и фильмов о фольклоре, рецензии на фольклорные фестивали и концерты, а также интересные факты и истории о народных обрядах, приметах и сказаниях.

Медиа-канал «Люди Ф» призван стать платформой для диалога и обмена опытом между фольклористами со всего мира, а также для знакомства широкой аудитории с удивительным и многогранным миром фольклора. Если вы интересуетесь этой темой или хотите узнать что-то новое о фольклоре, то медиа-канал «Люди Ф» будет полезным источником информации.

Популяризация донской певческой традиции необходима для сохранения культурного наследия, поддержки местного творчества, развития туризма, возрождения интереса к народной музыке,

---

1 Сайт радиостанции «Казак FM» — https://kazak.fm.

2 Сайт медиа-канала «Люди Ф» — https://youtube.com/@PeopleF?si=s9ETAmTq76Tzx-UI.

образования и воспитания молодежи, международного признания и укрепления чувства национальной идентичности. Это общая цель, для достижения которой могут быть использованы разные методы. Несмотря на то, что здесь они разделены, наиболее действенным, как мне кажется, может стать их совокупное, комплексное применение. Именно оно поможет достичь максимального эффекта в развитии и популяризации донской казачьей песенной традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кабанов А. С.* На речке Камышинке // Вестник Российского Фольклорного Союза. 2002. № 1. С. 25–31.

2. *Кабанов А. С.* Современное фольклорное движение в России: статьи разных лет. М.: Рос. научно-иссл. институт культ. и природного наследия им. Д. С. Лихачёва, 2019. 301 с.

3. *Листопадов А. М.* Песни донских казаков. Т. 1. Ч. 2 / под общей ред. Г. Сердюченко. М.: Музгиз, 1949. 477 с.

4. *Листопадов А. М.* Песни донских казаков. Т. 2 / под общей ред. Г. Сердюченко. М.: Музгиз, 1950. 585 с.

5. *Листопадов А. М.* Песни донских казаков. Т. 4 / под общей ред. Г. Сердюченко. М.: Музгиз, 1953. 488 с.

M. E. Grechukhin

MODERN METHODS OF DEVELOPMENT AND POPULARIZATION OF THE DON COSSACK SINGING TRADITION

Abstract. This article examines various methods of development and actualization of the Don Cossack singing tradition: conducting concerts and festivals, organizing master classes and seminars, recording audio and video materials, popularization of Cossack songs with the help of mass media and the use of modern technologies for the dissemination of Don Cossack music. For the effective development and promotion of the Don Cossack singing tradition, the author recommends a comprehensive application of these methods.

Key words: Don Cossacks, methods of development of folk singing tradition, actualization and popularization of folk songs, preservation of the ethnocultural heritage of the Cossacks

О. И. Балунц

СОХРАНЕНИЕ, РАЗВИТИЕ И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ПЕСЕННОЙ ТРАДИЦИИ ЛИНЕЙНЫХ КАЗАКОВ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ ПЕСЕН СТАНИЦЫ БЕССТРАШНОЙ ОТРАДНЕНСКОГО РАЙОНА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)

Аннотация. Статья посвящена вопросам сохранения, развития и популяризации песенной традиции линейных казаков в молодежной среде на примере освоения песен станицы Бесстрашной Отрадненского района Краснодарского края. Автор на личном опыте показывает возможности развития и популяризации песенной традиции линейных казаков Кубани.

Ключевые слова: Кубань, линейные казаки, песенная традиция, популяризация традиционной культуры, исполнительская манера

В современной социокультурной ситуации, характеризуемой нарастающими процессами глобализации, все более остро стоят проблемы сохранения национальной идентичности, народной культуры, приобщения к ней подрастающего поколения. Внимание современных исследователей привлекают вопросы, связанные с национальным самосознанием, состоянием народной традиционной культуры, ее значением в общекультурном процессе. Особая роль здесь принадлежит уникальным локальным народным традициям — изучаемым, бережно сохраняемым и воспроизводимым в регионах России. К числу самобытных народных культур принадлежит песенное наследие казачества и, в частности, кубанских казаков.

Песенная традиция кубанских казаков имеет неповторимый музыкально-поэтический облик, а локальные традиции, к которым относится культура линейных казаков Отрадненского района Краснодарского края, сохраняют особенности мелодико-интонационной, ладовой, жанрово-стилистической организации, тембровой окраски, диалекта, многоголосия, исполнительской манеры. Поэтому исследование, сохранение и развитие данной песенной традиции является важной задачей современной науки и искусства [см. 3].

Становление культуры казаков Отрадненского района Краснодарского края определяется историей кубанского казачества,

в свою очередь, тесно связанной с процессом колонизации этой территории и экономическим развитием края.

В настоящее время в научной литературе утвердилась позиция, согласно которой культура кубанских казаков берет свое начало со времени создания Кубанского казачьего войска, то есть с 1860 г., а отправной точкой для этого послужила колонизация черноморскими (запорожскими) и донскими казаками степной и предгорной зон нынешнего Краснодарского края в конце XVIII в. Переселение на правый берег Кубани для охраны границы бывших запорожцев и донцов, а затем и крестьян, отставных солдат, волжских и оренбургских казаков дало начало формированию кубанского казачества и его культуры [см.: 1, 2].

Сотрудники музеев Отрадненского района, Отрадненское районное общество историков-архивистов во имя святого преподобного Нестора Летописца, сотрудники научно-исследовательского центра традиционной культуры при ГБНТУК КК «Кубанский казачий хор» и отдельные собиратели (В. Н. Скунцев, В. А. Капаев, Ю. С. Одарич и др.) ведут постоянную научно-исследовательскую деятельность. В результате фольклорно-этнографических экспедиций выяснилось, что Отрадненский район — один из самых колоритных на фоне общекубанской культурной традиции, что привлекает молодых специалистов к изучению, сохранению и популяризации данной культуры [см. 4]. Поэтому с уверенностью можно сказать, что местные традиции и, в частности, традиция линейных казаков Отрадненского района не исчезнут бесследно.

При изучении народных песенных традиций часто возникают сложности, которые связаны с теми качествами музыкального материала, что весьма условно фиксируются техническими средствами — особым интонированием, манерой исполнения, тембровой окраской голосов, а также с органической вариантностью исполнения песни — каждый раз нового и неповторимого.

В процессе изучения песенной традиции линейных казаков Отрадненского района мы приобретаем базовые ценности исторического, эстетического, воспитательного, нравственного значения, при опоре на которые у молодых людей формируются понятия о родине, патриотизме, любви, мире, жизни. Такой фундамент способен противостоять внедрению в культуру, в особенности в молодежной среде, ценностей, чуждых этническому менталитету, способных разрушить его.

Важно донести до молодежи, что возвращение к национальным музыкальным культурным традициям — это не регресс. Оно обусловлено глубинной этнической памятью, а обращение к традиционной культуре позволяет найти новые пути развития.

Но только соприкосновение с подлинной традицией, с ее непосредственными носителями может заинтересовать современную молодежь так называемого поколения Z, очень чувствительного к фальши, требовательного к ярким впечатлениям, сильному эмоциональному воздействию и, одновременно, способного работать с большим количеством информации, воспринимать и обрабатывать ее.

Хочу поделиться собственным опытом развития и популяризации песенной традиции линейных казаков Отрадненского района Краснодарского края. Один из актуальных вопросов — как представить ту или иную композицию зрителю и в частности — молодежи? Мало понять, что интересует молодежь, ведь все мы люди, и каждому из нас нравится что-то свое.

Основных вариантов развития песенной традиции несколько. Один из них — обработка и аранжировка нотного текста, когда дописываются недостающие голоса, партитура перекладывается на нужный состав. Важно помнить, что во всех линейных казачьих станицах с характерным воинским укладом жизни роль мужчины в певческой традиции была главенствующей. На современном же этапе аутентичными исполнителями казачьих песен являются преимущественно женщины, в их воспоминаниях сохранились яркие впечатления о силе и красоте мужского пения: «Были такие мужчины, басы как-то пели — и лампы тухли. Мощные такие». Мужскому звучанию старались подражать: женщины пели «под мужчин» (информантка — В. В. Клочкова). В ансамбле с мужчинами или при исполнении произведений воинской тематики звучание женских голосов становилось более густым, несколько грубоватым. В своей работе, опираясь на эти знания, я сделал переложение песни «Теперь мне невольная служба» для мужского состава и дописал недостающие голоса.

Кроме того, при аранжировке можно добавить инструменты — оригинальные (то есть тот инструментарий, который бытовал в данной местности) или современные. Сделать это можно по-разному. Легко и просто ради удобства и более плотного звука заменить мандолину гитарой, а гармонь баяном, другое дело — до-

бавить в партитуру целый джаз-бэнд. Но такой путь развития — наиболее опасный, так как с легкостью может исказить традицию и сделать из нее, что называется, попсу. Часто бывает, что музыка забирает все внимание на себя, и никто уже не вслушивается в текст песни, в котором всегда заложен смысл, жизненный опыт, история народа.

Другой вариант развития народной песенной традиции — театрализация, с помощью которой происходит усиление и одновременно упрощение восприятия той информации, что несет в себе песня. Как уже сказано выше, современная молодежь нуждается в ярких впечатлениях, поэтому театрализованная постановка с песнями — это всегда выигрышный вариант. В своей работе я тоже использовал этот прием, когда осуществлял постановку обряда «Проводы казака на службу» и воспроизводил на сцене свадебный обряд. В сценах были использованы как подлинные народные песни, записанные у линейных казаков Кубани, так и обработки песенного материала. Кроме того, в театрализованных постановках звучали отрывки из рассказов, историй из личной жизни жителей станиц.

Важный вопрос, который встает в связи с популяризацией традиционной музыкальной культуры, — где представить песенный материал? Это могут быть различные формы. Театрализованные обряды и вокальные номера включаются в концерты, в просветительские программы на базе библиотек. Так, в Щелковской центральной библиотеке была показана просветительская программа «Любо, братцы, жить». Ее составили рассказы ведущих методистов о казачьей культуре, прошлой и современной жизни казаков, дополненные выступлением ансамбля «Кладезь» и его солистов, выставка традиционного казачьего быта. Также стоит упомянуть получивший поддержку на федеральном уровне семейный фестиваль «Венок традиций», одним из организаторов которого я являюсь.

В 2023 году в городском округе Фрязино Московской области на базе Дома культуры «Факел» открылся «Центр казачьей культуры», в котором создана комната традиционного казачьего быта. В ней представлены археологические раскопки 4-го Донского полка имени атамана Платова, элементы традиционной казачьей одежды из частной коллекции семьи Волковых, предметы быта из коллекции ансамбля «Кладезь» и музыкальные инструменты из моей собственной коллекции. В Центре организованы традиционная чайная

комната и интерактивные музыкально-экскурсионные программы, в которых представлен песенный материал, в том числе и линейных казаков Отрадненского района.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бондарь Н. И.* Модель традиционной культуры кубанского казачества // Кубанское казачество: история, этнография, фольклор. М.,1995. С. 49–85.

2. *Бондарь Н. И.* Основные тенденции развития кубанского казачества в XIX веке (этносоциальный аспект) // Некоторые вопросы общественно-политических отношений на Северо-Западном Кавказе в конце XVIII — первой половине XIX в. Майкоп, 1987. С. 15–34.

3. *Жиганова С. А.* Музыкальный фольклор // История, этнография, фольклор Кубани. Том V. Отрадненский район (материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции) / Науч. ред., сост. Н. И. Бондарь, А. И. Зудин. С. 278–408.

4. История, этнография, фольклор Кубани. Том V. Отрадненский район (материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции) / Науч. ред., сост. Н. И. Бондарь, А. И. Зудин. Ростов-на-Дону, 2020. 472 с.

O. I. Balunts

PRESERVATION, DEVELOPMENT AND POPULARIZATION OF THE SONG TRADITION OF THE LINEAR COSSACKS AMONG THE YOUTH (ON THE EXAMPLE OF THE SONGS OF THE VILLAGE OF BESSTRASHNAYA OTRADNENSKY DISTRICT OF KRASNODAR KRAI)

Abstract. The article is devoted to the issues of preservation, development and popularization of the song tradition of the Linear Cossacks among the youth by the example of mastering the songs of the village of Fearless Otradnensky district of Krasnodar Region. Author shows from personal experience the possibilities of developing and popularizing the song tradition of the Linear Cossacks of Kuban.

Keywords: Kuban, Linear Cossacks, song tradition, popularization of traditional culture, the manner of singing

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Балунц Олег Игоревич **—** студент 1 курса магистратуры Российской академии музыки имени Гнесиных, ведущий методист Щелковской центральной библиотеки (Московская область)

Бодрова Вероника Игоревна — научный сотрудник сектора традиционной русской культуры Государственного художественного музея Алтайского края (Барнаул)

Бондарь Николай Иванович **—** кандидат исторических наук, профессор, заведующий Научно-исследовательским центром традиционной культуры ГБНТУК КК «Кубанский казачий хор» (Краснодар)

Воронин Василий Владимирович — заместитель заведующего Научно-исследовательским центром традиционной культуры ГБНТУК КК «Кубанский казачий хор» (Краснодар)

Гречухин Максим Евгеньевич **—** студент 2 курса магистратуры Российской академии музыки имени Гнесиных (Москва)

Жиганова Светлана Александровна **—** кандидат искусствоведения, доцент кафедры сольного и хорового народного пения Краснодарского государственного института культуры, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра традиционной культуры ГБНТУК КК «Кубанский казачий хор»

Захарченко Виктор Гаврилович **—** доктор искусствоведения, профессор, генеральный директор ГБНТУК КК «Кубанский казачий хор», художественный руководитель и главный дирижер Государственного академического Кубанского казачьего хора, член Совета по государственной культурной политике при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания РФ, декан факультета народной культуры Краснодарского государственного института культуры

Крылов Кирилл Анатольевич **—** старший преподаватель кафедры этномузыкологии, ведущий специалист по фольклору Фольклорно-этнографического центра имени А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова

Латышева Светлана Александровна **—** кандидат искусствоведения, доцент кафедры этномузыкологии, ведущий специалист Музыкально-этнографического центра имени Е. В. Гиппиуса Российской академии музыки имени Гнесиных (Москва)

Матвеев Олег Владимирович **—** доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры ГБНТУК КК «Кубанский казачий хор» (Краснодар)

Матвеева Наталья Сергеевна **—** кандидат исторических наук, доцент, руководитель Центра истории и культуры казачества Российской государственной библиотеки, член постоянной комиссии по содействию развитию казачьей культуры Совета при Президенте РФ по делам казачества (Москва)

Медведева Марина Васильевна **—** кандидат педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой хорового и сольного народного пения Российской академии музыки имени Гнесиных (Москва)

Михайлова Алевтина Анатольевна — доктор искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой народного пения и этномузыкологии Саратовской государственной консерватории имени Л. В. Собинова

Морозов Дмитрий Викторович — руководитель Центра русского фольклора Государственного Российского Дома народного творчества имени В. Д. Поленова, доцент Волгоградского государственного института искусств и культуры, заместитель председателя Правления Российского фольклорного союза (Москва)

Наумкин Юрий Петрович **—** доцент Российской академии музыки имени Гнесиных (Москва)

Никитенко Ольга Григорьевна — кандидат искусствоведения, профессор кафедры традиционной культуры и народного инструментального исполнительства Волгоградского государственного института искусств и культуры, руководитель Волгоградского областного центра казачьей культуры

Новиков Павел Александрович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии Иркутского национального исследовательского технического университета

Оганова Татьяна Ренальдовна **—** кандидат искусствоведения, заведующая отделом информационно-методического обеспечения Музыкального училища имени Гнесиных (Москва)

Патошина Анастасия Юрьевна **—** кандидат педагогических наук, доцент, декан факультета фольклорного искусства Российской академии музыки имени Гнесиных (Москва)

Петухова Анастасия Александровна **—** ведущий специалист Музыкально-этнографического центра имени Е. В. Гиппиуса Российской академии музыки имени Гнесиных (Москва)

Сысоева Галина Яковлевна **—** кандидат искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой этномузыкологии Воронежского государственного института искусств

Шишкина Елена Михайловна **—** доктор искусствоведения, доцент, независимый исследователь (Астрахань)

ИСТОРИЯ И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА РОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Материалы
Всероссийской научно-практической
конференции

Компьютерная верстка:
Кудряшова В. В.

Дизайн обложки, оригинал-макета
Виленская А. Я.

Подписано в печать 06.12.2023
Формат бумаги 60х90 1/16
Тираж 300 экз. Усл. п. л. 15,75

Некоммерческая организация
«Благотворительный фонд Фридриха Липса»
119146, Москва, ул. 1-я Фрунзенская,
д. 3а, стр. 1, эт. 2, пом. 26а

Отпечатано в типографии издательства «Пробел-2000»
109544, г. Москва, ул. Рабочая, д. 91
Тел.: +7 (495) 287-06-19
E-mail: probel-2000@mail.ru